

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАРВАР

ВОИН АТТИЛЫ
КОРОНА БУРГУНДОВ
ЗОВ КРОВИ

БФ-коллекция

Андрей Посняков

**Варвар: Воин Атиллы.
Корона бургундов. Зов крови**

«Издательство АСТ»

2011, 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Варвар: Воин Атилы. Корона бургундов. Зов крови /
А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2011, 2016 — (БФ-
коллекция)

ISBN 978-5-17-134018-6

Налог кровью – страшная дань, которой обложил покоренные племена готов и словен жестокий предводитель гуннов Атилла. Красивейшие девушки должны стать наложницами, юноши – воинами, кровавым мясом для римских мечей! Ничто и никто не смеет противиться коварному властелину, и под эти страшные жернова смерти внезапно попадает некий молодой человек, по имени Родион, шофер – по профессии. Отслужив в армии, он просто приехал на туристский слет, побежал ночное ориентирование... и прибежал – в далекое-далекое прошлое, где, неожиданно для себя, вдруг обрел друзей и родственников. И – вовсе не неожиданно – встретил свою любовь: Валькирию-деву из странных снов, что снились ему с самого детства. Хитры и коварны гунны, жесток их предводитель Атилла, и теперь нужно биться: за любимую девушку, за друзей, за себя. Биться, чтобы выйти победителем, ибо поражение означает смерть!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134018-6

© Посняков А. А., 2011, 2016
© Издательство АСТ, 2011, 2016

Содержание

Воин Атиллы	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	67
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	83
Глава 14	90
Глава 15	97
Глава 16	105
Глава 17	115
Глава 18	124
Глава 19	136
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Андрей Посняков
Варвар: Воин Атилы. Корона
бургундов. Зов крови (сборник)

© Андрей Посняков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Воин Атиллы

Глава 1

Где-то на юге России

Слет

Высоко-высоко над верхушками сосен летел самолет – маленький, серебристый, подсвеченный жарким солнцем. Облачно-белый инверсионный след делил яркое южное небо ровно напополам, и Родион вдруг подумал: что если бы с одной стороны сейчас сгустились тучи, закапал бы теплый дождик, загремела гроза, а на другой – ясный край голубого купола – протянулась бы радуга! Почему-то в душе Родиона именно оно, семицветное небесное коромысло, связывалось с давно забытым детским счастьем – как здорово было бежать по колено в траве навстречу дождю, радостно кричать, махать руками...

– На что засмотрелся, Радик? Самолет?

– А? – Родион, парень со светлыми волнистыми волосами и теплыми карими глазами, приподнялся на туристском коврике, расстеленном у корней сосны, возле самого обрыва над речкою, повернул голову, щурясь от солнца.

Ему улыбнулась хлопотавшая возле костра девушка – невысокая, но стройная и крепкая, симпатичная такая. Впрочем, хилых здесь не водилось – туристский слет как-никак, соревнования! Звали девушку Валею; густые русые волосы заплетены в косу, большие серые глаза, маленький тонкогубый рот, вздернутый носик – не красавица, может быть, но приятная, это уж точно. Еще бы – шестнадцать лет, первый юношеский разряд по туризму, многочисленные призы различного рода молодежных эстафет... Короче, комсомолка, спортсменка, хорошая девушка!

– Валентина, чего звала-то? Котел снять?

– Сама справлюсь, лежи уж.

Девушка потянулась – короткая красная маечка ее и такие же шорты вдруг показались огненными жаркими языками. Родион даже головой помотал и буркнул:

– Ты чего с голыми коленками у костра? Увидит кто – оценку «за быт» точно снизят.

– Да знаю я, просто жарко в длинном. Ты вон тоже загораешь. Не сгорел еще?

– Я, милая, добираю все, что за год недополучил! – с самым серьезным видом произнес молодой человек и тут же не выдержал – фыркнул.

– Все смеешься? – обиженно отозвалась Валентина. – И не называй меня «милая», сколько раз тебе говорить? Бесит!

– Да ладно! – Юноша тоже потянулся аж до хруста прожаренных на солнце костей, улыбнулся... А улыбка у него была такая, что любую девушку сведет с ума!

– Нет, в самом деле. Солнечный удар когда-нибудьхватишь. Вон уже все плечи сгорели. Хочешь, крем дам?

– Лучше бы намазала.

– Да легко! Ложись на коврик.

Еще один туристский коврик – пенопропиленовая «пенка» – был расстелен в тенике между палатками. Довольный Родион улегся, вытянулся, наслаждаясь ласковыми прикосновениями девичьих рук. Ничего такого – Валька, конечно, девушка симпатичная, но уж больно молода. Да и не в его вкусе. Впрочем, Родион не смог бы сказать с уверенностью, каков в дан-

ном случае его вкус. Ему многие нравились, а в мае, как из армии пришел, в первые дни бросался чуть ли не на каждую юбку. С переменным успехом – скромный был парень.

– Ой, Радик... Не верится, что ты уже отслужил, – улыбнулась Валя, старательно намазывая кремом обгоревшие на солнце плечи Родиона. – Вот, кажется, совсем недавно с тобой на слете были, у нас на Седом озере, помнишь?

– Помню, помню... – поводя плечами, хмыкнул молодой человек. – Ты еще байдарку о камень порвала.

– Было дело, порвала! Та байдара вообще, если хочешь знать, уже была дырявая.

– Ага, само собой. Я даже знаю, кто постарался. Не ты, нет!

– Ах так? Ах вот ты как? Да я тебя сейчас... защекочу!

– Ой-ой! Не надо... Не надо-о-о-о...

Родион совершенно не выносил щекотки, а все девчонки об этом знали и пользовались.

– Валька, отстань! – Юноша корчился от смеха. – Отстань, кому говорю! Ха-ха-ха! Смотри, смотри – вода-то уже закипела!

– Врешь ты все! И вовсе не... Ой, начальник дистанции идет, кажется! И с ним еще кто-то...

– Где?

– А вон, за деревьями! К «кубинцам» уже подошли – быт проверяют!

– Ну, надо же, в первый день! – Молодой человек восторженно и быстро натянул спортивные штаны и футболку.

На самом деле населенный пункт, из которого происходили соседи, назывался попросту Сива, но если прочитать название как латинское, то получится Куба – вот их и звали на слетах кубинцами.

А вода в котлах действительно к тому времени закипела, причем во всех трех. Валентина бегом бросилась к кострам. Вот дурочка-то – только что говорила «быт, быт», а сама чуть не проворонила!

Схватив пластиковую бутылку с крупой, Родион едва успел оттеснить девчонку в сторону.

– Та-ак! Почему около открытого огня – в шортах?

Ага! Заметили все же! Пожаловали...

– Здравствуйте! – с улыбкою обернулся Родион. – Что, уже быт проверяете?

– И вам не хворать! Да, заодно и быт.

Начальника лагеря, добродушного мужчину лет сорока пяти, полноватого, в широкополой ковбойской шляпе, как и полагается, сопровождала свита: начальники дистанций, судьи и прочие достойные лица.

– Мы Михаила Валентиновича ищем, руководителя вашего. Он сейчас где?

– В поселок ушел с ребятами, прикупить кое-что.

– Скоро же магазин приедет! – удивленно хмыкнул начальник лагеря. – Кстати, что из продуктов надобно – можете в судейском лагере заказать. А Валентинычу скажите, что ровно в девятнадцать ноль-ноль будет совещание по КТМ¹. Чтобы не забыл!

– Передадим, не забудет.

– Вот и хорошо. За быт сейчас не будем оценок ставить, пока предупредим, но уж с завтрашнего дня – смотрите! – Уходя, начальник шутливо погрозил пальцем и вдруг остановился, прислушался. – Это кто у вас так храпит-то?

– Да водитель наш, Коля. Умаялся парень – ехали-то сколько!

---

¹ КТМ – контрольно-туристский маршрут, может включать в себя проверку разнообразных навыков, полезных в походе: переправы через водные преграды, вязание узлов, знакомство с топографическими знаками, оказание первой медицинской помощи и так далее. (Прим. ред.)

– Ну да, пусть отдыхает. То-то я и смотрю – автобус ваш на месте.

– А куда ему деться-то?

Махнув на прощание рукой, Родион подошел к желтому школьному автобусу с надписью «Дети» – уж какой для поездки нашли – и вытащил из салона несколько банок тушенки.

– Радик, больше бери! – закричала от костра Валентина. – Дядя Миша сказал, чтобы продуктов не жалели.

– Хм... Не жалели! Эх, в нашу бы часть всех вас – живо бы научились экономить!

Отслужил Радик неплохо, разве что далековато – в Мурманской области, за Полярным кругом. Хорошо, до армии успел в техшколе РОСТО получить водительские права двух категорий – «С» и «В», и потому целый год службы провел за баранкой «УРАЛа». И даже не столько в кабине, сколько под машиной. Ну и в карауле – как же без этого? Много чему он в армии научился и теперь лелеял мечту – заработать денег, прикупить нестарое авто и заделаться частным таксистом. Многие так поступали: сам себе хозяин – красота! И летом не понадобится больше выпрашивать две недели за свой счет, как сейчас, в «Промлесе», можно ездить на туристские слеты запросто, своим ходом. А еще...

– Радик, ты какой суп любишь?

– Никакой не люблю.

– Тогда я гороховый засыплю. Шесть пакетиков.

– Пакетики эти – для запаха только. Главное, тушенки с картошкой побольше.

В соседней палатке вдруг заворочались, и раздался скрежет зубовой...

– Эй, Николай! – со смехом окликнул Радик. – Проснулся, что ли?

– Ох...

– Что, тяжело? Нечего было вчера с марийцами водку с брусникой трескать!

– А сам-то как будто не трескал! – недовольно пробурчали из палатки.

– Так я же меру знаю!

Все-таки здорово было ощущать себя взрослым: и капитан команды Валентиныч, знавший Радика еще сопливым пацаном, и прочие мужики относились как к равному и приглашали в компанию, чтобы вместе выпить пива или водки.

Детские запреты Родиона уже не касались, и потому он внушал откровенную зависть «младшей» команде, пока потягивавшей пивко подпольно.

– Чего-то тихо кругом, – снова подал голос водитель. – Где все-то? Спят, что ли?

– В поселок за пивом ушли.

– За пивом? Слышь, Радик, как придут, разбуди, а?

– И не подумаю – сам все выпью!

Коля в палатке хмыкнул и тут же захрапел снова. Родион опять развалился на коврике, а Валентина подошла и села рядом, обняв коленки, прямо на землю, благо тыльную часть ее украшала пропиленовая пенка, любимый аксессуар юных туристов, обожающих покрывать сей предмет разными надписями, вроде «Хибины-2010», «Кавказ» или, на худой конец, «Селигер».

– Вот храпун! – Девушка покосилась в сторону палатки. – Радик, а ты с нами в марте в Хибины пойдешь? Дядя Миша сказал, он тебя звал.

– Звал, – задумчиво кивнул молодой человек. – Не знаю, правда, отпустят ли на работе?

Честно сказать, после года службы на Север его не тянуло – хотя за службу-то командование части даже прислало благодарственное письмо тетке, у которой Родион и рос лет с десяти, после гибели матери. Отца он вовсе не помнил. Тетка относилась к нему прохладно, сварлива и скупа была не в меру, так что и письмо ее не сильно порадовало. Впрочем, бог с ней...

– Радик, а тебе правда уже почти двадцать? Не верится! На вид семнадцать едва, а то и всего шестнадцать.

На самом деле юноше только в мае исполнилось девятнадцать, но выглядел он и впрямь года на два моложе. Впрочем, внешний вид тут не главное. Вернувшись из армии, Родион все чаще ловил себя на мысли, что ему с прежними друзьями-сверстниками, даже туристами, и поговорить толком не о чем: дела и проблемы их казались такими детскими, что хоть плачь, хоть смейся! Снять на танцах девку, да как бы мама не узнала! Выпросить у отца бабок на бензин, покататься «на тачке», выпить да на дискотеку, а потом всем рассказывать: «Да мы там... блин... все, что горит...»

Детский сад! За год службы Родион от такого отвык, повзрослел. А ведь поначалу и не заметил. Казалось, вот вернется, и все будет по-старому: посиделки в подъезде или в песочнице, пиво, девки... «Травку» и все такое Родион, слава богу, на дух не переносил. Но вот вернулся на гражданку и понял: что-то изменилось. Пиво в грязном подъезде и прочие развлечения подростковой компании показались провинциально-скучными, бессмысленными. В конце концов, коли уж на то пошло, лучше тогда в приличном кабаке посидеть! «Ой, Радик... А нас туда пустят? А вдруг матыга узнает?» «Матыгой» недоросли величали нежных матушек, а подружек – Натахами да Маняхами, разве что с добавлением школьных кличек.

Да, вырос Родион из всего этого...

– Радик! Ради-ик! Ты вообще здесь или нет? О чем задумался?

– О типах социального действия Макса Вебера.

– Я серьезно!

– Да и я серьезно. – Молодой человек приподнялся на локте и пояснил, стараясь не рассмеяться: – Действия бывают целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные и традиционные...

– Ну тебя на фиг! Издеваешься?

– Ничуть! Повторяю, мне ведь сессию зимой сдавать.

– А, ты же у нас теперь студент-заочник, понятненько! – Валентина обиженно надула губы. Правда, скоро опять спросила: – А из «Фабрики звезд» тебе кто нравится?

– Девчонки там, говорят, ничего. А песен я не помню.

– А! Ты «Арию» и «Король и Шут» слушаешь! Ведь слушаешь, да? – не отставала упрямая Валька.

– Иногда.

– И черную одежду носишь, я видела. Ты что – гот?

– Почему сразу гот? – удивился Радик. – Ношу черное, потому что на нем грязь меньше заметна. Попробуй-ка под машиной в белом повалиться! Да и вообще, зачем мне кем-то считаться? Готы, брейкеры, геймеры, байкеры, блоггеры... Баловство это все, детский сад!

– Ой, какие мы взрослые! У меня знакомый есть, Женька Федосеев, ему двадцать один уже, и он гот! И цепи носит, и одежду черную, даже ногти в черный цвет красит.

– Видел я Женьку, – молодой человек лениво зевнул и потянулся. – Он ведь, кажется, в пединституте учится?

– Ну да, в филиале.

– Гуманитарий хренов. Знаю я, как там учатся, можешь мне не рассказывать! К тому же Женьку пока предки содержат...

– Он, между прочим, в прошлом году летом сам на машину заработал!

– Это на старую-то «шестерку»? Которая тридцать тысяч стоит? – презрительно усмехнулся Родион. – Так я тебе, Валя, скажу: если бы его родители не кормили, да приходилось бы ему квартиру снимать, да за учебу самому платить – хрен бы он купил, а не машину!

– Вот всегда ты так! Циник ты, Родион! На всякую светлую идею у тебя топор припасен! Не в честь Раскольникова назвали?

– Нет, Валентина, не циник я, а просто немножко лучше знаю жизнь. Хоть какой-никакой, опыт уже есть. А у Женьки-гота что, кроме маминой юбки? Э, Валя! У тебя, между прочим, каша сейчас убежит!

– Ой! Воду сможешь слить?

– Давай помогу.

Разговаривать стало некогда – пришлось заняться делом. К тому же Коля проснулся, включил в автобусе радио, повеселее стало, а затем и ребята из поселка вернулись – все довольные, принесли конфеты, торт, пиво.

– О, Валентиныч! Пивко! – Коля уже протягивал кружку.

– Пейте, пейте! – Благодушно махнул рукой капитан команды, Михаил Валентинович, которого многие называли просто дядя Миша.

С густой черной бородой, коренастый, он чем-то напоминал пирата, тем более что почти всегда носил тельняшку, находя ее самой удобной одеждой. Турист был заядлый, а скольких пацанов и девчонок увлек за собою – и не сосчитать!

– Что, обед готов? Нет? Вот бездельники! Радик, вы что тут с Валькой делали-то? Ладно, ладно, не смущайтесь! Давай, Родион, кружку... А ты куда тянешь? Вырасти сперва! Брысь, кому сказал! Так... Вы пока пейте, а я ведомость заполню. Чего про кого не помню – спрошу.

Пиво, сваренное на местной воде, вкус имело несколько непривычный, но приятный. Родион сдул пену, сделал долгий глоток и, посмотрев на блаженно улыбающегося водителя, хмыкнул:

– Что, Коля, к марийцам-то сегодня пойдем?

– Они сами придут! – Валентиныч обернулся. – С ответным визитом.

– Ох, опять водку с брусничкой пить! – грустно вздохнул шофер, обхватив растрепанную после сна голову руками.

– А как ты думал? – Родион хлопнул его по плечу. – Национальный марийский обычай. Как они там поют-то? Если есть на свете рай – это их марийский край!

– Эй, ухари! – снова оторвавшись от ведомости, Михаил Валентинович обвел компанию строгим взглядом. – Коля-то может расслабиться, ясное дело, а некоторым другим завтра КТМ бежать. А ночью – ориентирование. Радик, тебя куда записать?

– В ночь! Люблю на звездное небо смотреть. Главное, чтобы без всякого там гнусного северного сияния и прочих пошлостей.

– Ой, ой, сияние-то тебе чем не угодило?

– Да надоело за год.

– Ха – за год! Люди там всю жизнь живут. Та-ак... Значит, записываю на ночное... Миرون Родион Данилович... Радик! Данилович или Даниилович?

– Даниилович. По паспорту так.

– Кстати, после обеда можете прогуляться, дистанцию посмотреть. Только с пяти часов они уже КП² будут ставить.

– А кто еще бежит, кроме меня? – поинтересовался Родион.

– Кроме тебя? – Валентиныч почесал затылок. – Да кто захочет. Валька, краса моя, побежишь?

– Побегу!

– А вы, барышни?

– И мы сбегает. – Усевшиеся уже за стол девчонки разом кивнули.

---

² КП – контрольный пункт – точка на маршруте, спрятанная на местности, но обозначенная на карте, выдаваемой каждому участнику; при прохождении маршрута нужно найти как можно больше КП и получить в карточку соответствующую отметку, что называется «взять КП».

– А вечером сегодня у нас еще «узлы», – снова задумался капитан. – Радик, пойдешь на «узлы»? Там недолго. Еще вон и Катку отправлю. А, Катерина Олеговна? Сходите?

– С Родей – хоть куда!

Катерина – высокая, стриженная в короткое «каре», крашеная блондиночка была уже вполне состоявшейся двадцативосьмилетней дамой, имеющей мужа и двоих детей, сына и дочку. Подобные ей, кстати сказать, во всех командах составляли большинство. Трудилась Катерина Олеговна, опять-таки, как и основная масса участников, в системе народного образования, героически преподавая в средней школе литературу и русский язык. Когда-то и Радик у нее учился, а потому покраснел, что, конечно же, не прошло незамеченным.

– Ой, какие мы стеснительные! – промолвила Катерина Олеговна. – Ну прямо Алеша Карамазов!

– Да, да! – охотно поддержал шутку кто-то из парней-студентов. – Радик у нас вообще на Алешу похож.

– Ага! – Родион тут же перешел в наступление. – А кое-кто на Смердякова смахивает или на этого... на папашку ихнего... Как...

Он хотел сказать, «как твой отец-лабазник», но осекся – не любил никого обижать, тем более в дружеской беседе.

– Ладно, ладно! – поднявшись, учительница погладила Родиона по голове. – Он у нас парень умный, все КП возьмет. Верно, Радик?

– Да уж конечно!

Снова налили пива, выпили, поболтали.

– Радик! Не пора нам дистанцию смотреть? – взглянув на часы, напомнила Катерина Олеговна, или скорее просто Катя.

– А пойдемте, – охотно согласился парень.

По старой школьной привычке он все еще обращался к ней на «вы», на что она порой обижалась – мол, не такая уж я и старая!

– И я с вами... – рванулась было Валя, но тут же разочарованно махнула рукой. – Ой... я же дежурная...

– Иван Михалыч с ними пойдет. А? Прогуляешься, Михалыч?

– Да не знаю... Можно и сходить.

Иван Михалыч, молодой патлатый мужик, тоже работал в школе, только в другой.

– И мы пойдем! – встрепнулись студенты.

– Ну, вот и народ набрался! – ухмыльнулась Катя. – Одеваться не будете?

– А кого тут стесняться-то?

– Тоже верно.

Так и пошли. На Катерине Олеговне были лишь голубые шортики и красный лифчик от купальника, как ходили все женщины в туристском лагере.

Для проведения слета местные власти отвели большой луг, тянувшийся вдоль лесополосы, на берегу порожистой речки, где густо росли ива и бузина. А вокруг расстилалась степь, плоская как стол, покрытая плантациями подсолнечника, кукурузы, томатов и прочих культур, бурно произрастающих на благодатном юге. Плохо было с дровами – в безлесную местность, где только вдоль дорог тянутся специально высаженные тополя и кустарники, их приходилось завозить, а в лесополосах, состоявших из платана, березы и сосны, запрещалось вырубать даже сушины.

Вдоль посадок, насколько хватало глаз, виднелись разноцветные палатки, окруженные пестрыми флажками и броскими рекламными плакатами спонсоров. В тени деревьев притулился транспорт – легковушки, «газельки», автобусы. Над каждой группой палаток гордо реял вымпел с названием команды, а скорее местности, откуда она прибыла. Ленинградская область, Марий Эл, Ростов, Татарстан, Челябинск – кого только не было. Вся Россия здесь! На стен-

дах, которыми была уставлена главная поляна, уже висели списки команд и всякие распоряжения. Народ свернул туда – почитать и ознакомиться, и Родион вслед за остальными. Впрочем, о стендах сразу забыли, углядев разложенные на импровизированных прилавках и просто на траве продукты и пиво. К ним и припустили со всех ног.

– Мужики, а водка есть, или только пиво? – первым делом спросил у торговцев Иван Михалыч.

– Обижаете! Конечно, есть. Вам какую – «Пять Озер», «Путинку», «На бруньках»?

– Ой... – Иван Михалыч в досаде хлопнул себя по лбу. – Деньги-то... Парни, у вас есть?

– Не... Забыли! То есть не думали, что тут уже все привезли.

– Черт... Что же делать-то? Может, без меня сходите?

– Хорошая идея! – тут же одобрила Катерина Олеговна. – Идите-ка вы все, ребята, за денежкой, коль такое дело. А мы с Радиком по дистанции прогуляемся, верно, Радик?

– Прогуляемся, – Родион кивнул. – Парни, пива мне купите, я денежку отдам, как приду. Да! Совсем забыл: Валентинычу скажите, что в семь часов по КТМ совещание.

– Вот и славненько! – проводив убегающих парней взглядом, улыбнулась Катерина Олеговна. – Нет, в этом году куда лучше, чем в прошлом, помнишь? Ах, ты же не был. В этот раз и место красивее, и река рядом, и вообще... О погоде уж молчу – повезло, что солнышко. А до нашего приезда, говорят, дожди непрерывно шли – вон в реке воды-то сколько!

– Да, – согласился Родион. – С погодой повезло. Тепло, жарко даже – и не скажешь, что конец августа.

– Тут же юг, Радик!

Двигаясь по грунтовой дороге через луг до шоссе, все примечали – где лучше установить КП?

– Вон там я бы поставила, – прикидывала Катерина и показывала рукой. – И вон там, у сосенки... И обязательно – за тополями.

– А границей, верно, будет шоссе.

– Ну да. А еще река и... вон то болотце.

– Интересно, оно проходимое? – задумался юноша. – В случае чего, можно было бы хорошо срезать.

– Да... – Учительница посмотрела в ту же сторону. – Пожалуй. А пойдем посмотрим!

– Пойдем... те...

– Да хватит «выкать» уже! Побежали!

Болотце оказалось не очень серьезное, по краю вполне можно было пройти. Родион хотел установить метку – камень или палку, но раздумал: не очень-то честно получилось бы.

– Что там все высматриваешь, Радик? Садись, отдохнем.

– Да я и не устал особо... хотя...

Пожав плечами, молодой человек уселся наземь рядом с Катериной Олеговной. И вдруг почувствовал, как между ним образовалась некая связь – пока едва ощутимая, но крепчавшая с каждой секундой. И оба прекрасно все понимали...

– Радик, посмотри, что у меня там, на спине... под лопатками... ниже...

Они занялись любовью прямо здесь, в траве, самозабвенно и страстно. Молодой человек расстегнул на Кате купальник, а она только того и ждала и без слов привлекла его к себе, поцеловала в губы, стаскивая с парня футболку и штаны.

А Родион уже не видел вокруг ничего – ни шоссе, ни тополей, ни болотца, – только бездонные серо-голубые глаза женщины, ее стройное тело, вздымающуюся в волнении грудь...

Потом они долго лежали рядом... и снова овладевали друг другом... а потом, одевшись, не сразу поднялись.

– Ты мне нравился еще с восьмого класса... – тихо призналась Катя. – Такой был скромник, совсем дитя. Но я тебя уже тогда хотела! Представляла себе... Греховная страсть, правда?

– Не знаю, – молодой человек пожал плечами.

Конечно, в школе слыхал краем уха о подобных вещах: испокон веков бывало, что молодые учительницы до замужества заглядывались на видных старшеклассников, даже спали с ними. Но то ведь старшеклассники, почти взрослые люди, а в восьмом классе ученики совсем еще дети и потом будут, конечно, рассказывать, хвастаться...

Как уже много позже понял склонный к философствованию Родион, это все шло не от испорченности нравов, а скорее от неизлечимой инфантильности, поражающей молодежь в маленьких городках, вынужденную учиться в местных филиалах вузов. Одно дело, когда молодой человек или девушка учится и живет, так сказать, «в людях», в крупном культурном центре, что во многом, а то и полностью, меняет привычную жизнь подростка. И совсем другое, когда ничего особо не меняется: просто раньше девочка ходила в школу, а теперь – «в институт». А потом снова в школу, только уже в качестве учительницы. Если замуж еще не вышла, то по большому счету ничего и не изменилось: как жила дома с родителями, так и живет, на тех же детских правах. Так откуда взяться взрослению? Да и статус «взрослого» среди провинциальных подростков обычно достигается путем умножения сексуальных контактов и количества выпитого спиртного. И что получается? Как тут нормально развиваться девушке, молодой женщине по сути? По-настоящему взрослой она себя не считает, зрелых мужчин боится, оставаясь все той же девочкой-подростком. И из одиннадцатого-то класса кавалер страшным покажется, а вот из восьмого – в самый раз!

– Ты о чем задумался-то, Радик?

– О сексе, – честно ответил молодой человек.

– Ого! – Катерина Олеговна стрельнула глазками. – Тебе мало? Нет, в палатку не приду – стремно. Да и слышно слишком хорошо!

– Да я не в том смысле, – Родион с досадою махнул рукою. – А в плане фрейдизма, что ли...

– Чего, чего?

– Книга у Фрейда есть – «Я и Оно» называется. Там сказано, что человек слишком зависит от впечатлений детства. Я бы добавил – и юности тоже. Вот, как молодые учительницы в школах... не все, но некоторые...

– Ой, мальчик мой, ты меня пугаешь! – Катерина всплеснула руками. – Фрейда он читал! И где ж ты такого набрался?

– В армии читал, ну, в Интернете потом находил. Не только Фрейда, еще и Юнга, Фромма, – признался Родион, причем вовсе не из желания порисоваться. – Психология бессознательного меня очень интересует. И всякие там сны...

– Эротические? – оживилась Катерина. – Говорят, в армии это обычное дело.

– Да, и эротические, – юноша кивнул. – Но не только. Понимаете... понимаешь... – Родиону все-таки пришлось сделать усилие, чтобы обратиться к бывшей учительнице на «ты». Любовью заняться – дело нехитрое, но дальнейшие отношения – уже другое. – Понимаешь, мне давно сны снятся разные, странные, сколько себя помню, с детства.

– Да что ты говоришь! – всплеснула руками женщина. – И я, как ни странно, тоже сны вижу, и все разные, и тоже с детства! Может, мы оба с тобой ненормальные?

– Да вы... ты не смейся, я ведь серьезно. Причем некоторые сны повторяются. То какая-то девушка снится – неопишущей красоты...

– Понятно, понятно!

– Такая... Глаза голубые-голубые, бездонные, и волосы... длинные такие, белые, скорее даже серебристые...

– Седая, что ли?

– Нет, она очень молодая. Я бы даже сказал – юная. Но понимаете... понимаешь, не знаю даже, как объяснить... Она королева, что ли... И я точно знаю, чувствую – это моя женщина, она меня ждет, именно меня!

– Вот уж точно – Фрейд попутал! – рассмеялась Катя. – Ну, не переживай так, красивые девушки многим парням снятся.

– Нет, другим, наверное, не так. Я даже знаю, как ее зовут – Хильда.

– Ого! На немочек потянуло?

– Да ну вас... тебя! Я серьезно.

– И я серьезно. Переутомился ты, Радик, книжек умных перечитал. В твоём возрасте это, пожалуй, вредно.

– В каком это моем возрасте?

– Ох, извини, дружок, все никак не могу привыкнуть, что ты уже не мальчик, даже в армии отслужил. Хотя по виду и не скажешь. Ну, не обижайся, ладно?

– Да я и не обижаюсь, – юноша повел плечом. – Просто разобраться хочу. В себе хотя бы. Мне вот еще снится иногда, будто я и не в этом мире живу, а где-то далеко-далеко... Или давным-давно... И вот лечу я на коне, с мечом в руке, а впереди – враги, их король несется прямо на меня, секирой машет. И уже мы на круче бьемся, а под нами далеко-далеко – широченная такая река. Срываюсь и падаю туда, в эту пропасть, прямо на острые черные камни. А вода пенится, и это не вода уже, а кровь. Моя собственная...

– Господи! – Перекрестившись, женщина чмокнула собеседника в щеку. – Знаешь что, дружок, пусть уж тебе лучше снежные королевы снятся.

– Да кто был бы против!

Они вернулись в лагерь уже ближе к вечеру, когда пора было идти «на узлы». Отправились вдвоем – Родион и Валентина, как договаривались.

– Ой, что-то я переживаю... – Девушка уцепилась за локоть Радика. – Даже забываю от нервов, как булинь вязать.

– Да брось, не напрягайся, – поглядывая вокруг, успокоил молодой человек. – Завяжем.

– Так, все пришли? – Судья на этапе взглянул на секундомер. – Тогда приготовились... начали!

– Ишь, ишь, как рванули-то – не остановишь! – подначивали за спиною болельщики, друзья-марийцы. – Валька-то, Валька... О-ой, какая девушка! Родька куда смотрит-то? На узлы, что ли?

Уф-ф... упарились, но завязали. Справились быстро, хоть и вспотели оба – как и прочие участники.

– Валенька, Радик, мы к вам сегодня в гости придем. Примете?

– Чего же не принять, только мы ориентирование ночью бежим.

– Дак и мы бежим! После водки с брусникой бежать гораздо веселей!

Кто бы спорил!

Так и шло: там постояли, потрепались, потом здесь: одна и та же компания по турслетам мотается, все друг друга знают. Тут чайку попили да немножко поговорили за жизнь, там вином угостили, а тут – водочкой. Валька, конечно, отказалась, а Радик выпил – всего-то стопарик. Все равно потом марийцы в гости придут с брусникой, а брусника у них без водки и не бывает, порядок такой. Кстати, конкурс на лучшую кухню на слетах обычно тоже проводится. Приятно проведя время, Родион и Валя явились в лагерь только к ужину, даже опоздали немножко. Все уже пиво пили, а кто не употреблял или не дорос пока, тот уныло чайком пробавлялся.

– О, явились не запылились! Как узелки?

– Завязали! В призерах будем.

– Ну, садитесь ужинать... Машенька, душенька, положи-ка им каши.

– Миски давайте, эй!

Поев, Родион, отправился в свою палатку немного поспать, чтобы набраться сил перед ночным забегом. Устроился парень по-царски – один, потому что палатка была его собственная. Но и остальные члены команды жили не хуже – по двое-трое в шестиместных «домах» с просторной «прихожей» и полиэтиленовыми окнами.

Раскатав поверх пенок спальник, Родион улегся, но заснуть не успел – не дали.

– Радик, а можно я у тебя посплю, а то у нас шумно.

– Ну, залезай...

Молодой человек гостеприимно расстегнул полог и запустил Вальку. Устроившись рядом, девушка тут же дотронулась до его плеча:

– Ой, какой ты горячий...

Вот так все обычно и начинается: сначала «какой ты горячий», потом «что у меня там на спине?». Все вроде бы невинно, а на деле...

– Чего ты так развалился-то?

– Была у зайца избушка лубяная, а у лисы – ледяная...

– Я вот тебя сейчас защечочу, понял?

– Да понял, понял – спи давай.

– Ага...

Немного полежав, девушка снова заворочалась, прижалась к парню бедром.

– Слушай, обними меня, а то что-то холодно стало. Ну правда, холодно. Только ты ничего такого не думай.

Послушно «ничего не думая», Родион приобнял девушку и обнаружил...

– Что ты маечку-то задрала, раз холодно?

– А тебе что, мой животик не нравится? Скажи честно!

– Очень даже нравится. Нормальный такой животик...

– Ну, так погладь его... Выше, выше веди...

А выше животик закончился и началась грудь. Тут и поцелуй случился – самый первый, нежный, как бутон розы... И шло все к закономерному финалу, но вдруг...

– Соль не видели, изверги? – произнес суровый голос, казалось, прямо над ухом.

– В автобусе посмотри! – отозвались тоже над головою.

– А ключи от салона где?

– У водителя!

– А водитель где?

– За пивом пошел. Или в гости. Да у Вальки-то спроси, она дежурная.

– А Валька где?

– В Родькиной палатке.

– Спят, что ли?

– Ага, спят. Милуются на весь лагерь! Эй, молодежь, вы хоть потише там!

Родион захохотал в голос, Валентина за ним, хотя в ее смехе слышалась обида.

– Валька, где соль-то?

– Ну, достаа-а-ли! Счас!

Едва не сорвав молнию, девушка выскочила из палатки. Оно, пожалуй, и к лучшему – вряд ли молодой человек совладал бы с собой при столь располагающих обстоятельствах. Да только лишнее это – молода еще Валька для таких дел.

Палатка частенько обманывает обитателей иллюзией уединенности. Да, никто снаружи тебя не видит, зато слышит прекрасно. У полотняных стен звукоизоляция никакая, а члены дружного коллектива – буквально в трех шагах!

– Вот вам соль – подавитесь! – снова зазвучал Валькин голос.

– И мы вас тоже любим! – весело отозвались туристы.

Родион вытянулся, заложил руки за голову.

– Радик, а давай завтра куда-нибудь сходим вдвоем, а? Говорят, места тут красивые.

– Можно и сходить, конечно.

– Радик, а можно, я ночью за тобой побегу?

– Беги, коли хочется.

– Счастливо пробежаться! – пожелали от костра, тронули струны гитары...

Все перекаты, да перекаты,

Послать бы их по адресу...

Молодой человек и не заметил, как под песню задремал. Веки отяжелели, все вокруг померкло, а гитарный перебор превратился в звон мечей среди шума битвы. Он снова сражался – все на том же берегу широкой реки, против тех же врагов. Но теперь кое-что начало проясняться. Река называлась Борисфен или Данапр, враги были из племени готов, а их предводитель носил имя Винитарий.

Откуда Родион взял все это – никто ведь ему не рассказывал? А просто знал – и все. И еще знал, что не Родион его зовут, а...

Глава 2

Юг России

Ночной маршрут

Сон досмотреть Родиону не дали – пришли марийцы со своей брусникой и с водкой для комплекта, разумеется. Те, кто готовился бежать, водку не пили, только посидели за компанию, прикидывая маршрут при помощи полученных к тому времени карт. А там и срок подоспел, уже гудели динамики на главной поляне – что-то сообщали, кого-то звали.

– Ну, пошли, что ли? – Валентина застегнула на запястье ремешок компаса и взглянула на Радика. – Я сразу за тобой бегу, не забыл?

– О чем это они там сговариваются? – хихикнула Катерина Олеговна. – Кто знает, контрольное время сколько?

– Три часа.

– Ну, Радика столько и не надо, он минут в сорок уложится.

– Да ладно – сорок!

– Так что ты, Валюша, за ним можешь и не успеть.

– Это я-то не успею?! Еще поглядим!

Месяц, зацепившийся за вершины сосен, покачивал рогами, словно тоже сомневался: пробежит ли Родион Миронов маршрут за сорок минут? «Нет, вряд ли», – подмигивали звезды теплой южной ночи.

– Ой, ребята, погодка-то какая! – поправив фонарь под тентом, защищавшим стол от возможного дождя, улыбнулась Катерина Олеговна. – Луна какая! Звезды! В такую ночь романтические прогулки совершать нужно, а не ориентирование бежать.

– Вот-вот, – хмыкнул кто-то. – Заодно и прогуляемся. Романтически.

– А с погодой и впрямь повезло. Помните, в прошлом году какой дождь зарядил!

– Не в прошлом, а в позапрошлом.

– В прошлом тоже капало.

– Ну, что? – Михаил Валентиныч поднялся с самодельной лавки. – Пойдем-ка на старт, други. Карты, компасы, часы не забудьте!

Зрелище вокруг разворачивалось прекрасное и удивительное: по всему лагерю оранжевыми цветами пылали костры, взлетали в небо искры, и везде, словно отражение звезд, сверкали фиолетово-синим огнем холодные искорки фонарей. На главной поляне вдруг вспыхнули разноцветные лампочки, и фонарики стягивались туда целыми стаями, будто светлячки.

Настроение у всех участников было приподнятым, раздавались шутки, смех, пожелания удачи. На посторонний взгляд могло бы показаться, что все эти мужчины и женщины, солидные люди, на две недели вернулись в пионерское детство – с палатками, песнями у костра, стенгазетами, линейками, конкурсами художественной самодеятельности и оценками «за быт». Ну и с водкой, конечно, не без этого, взрослые все-таки. Впрочем, спиртное употребляли аккуратно, для настроения.

А Родиону и без водки было весело – ночное ориентирование нравилось ему, пожалуй, больше остальных соревнований. Ему достался тринадцатый номер – слава богу, суевериями он не страдал. Четырнадцатый был у Валентины, двенадцатый – у Катерины Олеговны, которая не раз уже посматривала на юношу блестящими в свете фонарей глазами. И чего, спрашивается, смотрит-то?

– Внимание участников! Первые номера – на старт... Марш!

Через три минуты снова:

– Марш!

Укрепленные на лбах бегунов фонарики один за другим исчезали в ночной тьме. Вот унеслась Катерина Олеговна, подходила очередь Родиона, и нельзя сказать, чтобы молодой человек совсем не волновался. Было волнение, но такое приятное, словно слабенькая, ласковая щекотка.

За спиной вдруг громко чихнули.

– Будь здоров!

– Не дождетесь!

– Тринадцатый номер! На старт... внимание... Марш!

Родион не торопился – спокойно двинулся по дороге, ориентируясь на рой фонариков впереди, еще не рассеявшихся и двигавшихся одной группой. Впрочем, вот один отщепенец свернул... второй... третий...

Но многие остались вместе – бежали веселыми компашками по три-пять человек. Видно, не очень-то им нужны были призовые места, больше привлекала возможность весело провести время. И веселились – издали слышно было.

– Ай, Анька, тут яма!

– Да я попала уже!

– Вылезай, ждем. Кстати, там рядом с ямой КП.

Последняя фраза была сказана потише, но Родион услышал и улыбнулся. Тут и компас с картой не нужны – просто держись за всеми. Многие так и делали, образуя бодрую шумную толпу. Где-то впереди, совсем рядом, бежала Катерина Олеговна, а эта женщина из тех, кому нужна победа. Молодой человек это хорошо знал и не собирался никого догонять. Вместо этого, взяв пару КП, он перешел на шаг, думая дождаться Валью – вместе-то и впрямь веселее. Оглянулся – за спиной мерцал очередной рой светлячков. Даже позвал:

– Вальюша! Ты где там?

– О! Уже свидание назначили! – тут же прокомментировали бегущие. – Радик, ты, что ли? Коньяк будешь?

– А у вас есть?

– Обижаешь! Что же мы – не экипировались? На вон, глотни.

– Нет, спасибо, я лучше потом. Вы Вальку нашу не видели?

– Не, не видели. Постой! Она, кажется, куда-то влево свернула. Ну да, к шоссе. Или к болоту.

– А точно она? – засомневался юноша.

– А больше некому – кто же еще впереди-то?

Налево, значит, свернула. И чего ее туда понесло?

Родион посмотрел на карту – в той стороне имелось немало КП, и обнаружить их куда труднее, чем здешние. Пожалуй, туда и стоит направиться, да побыстрее. Заодно, может, и Валька отыщется.

Светя фонариком под ноги, юноша рванул через кусты параллельно шоссе, едва не угодив с разбегу в овраг, где, впрочем, взял еще пару КП, после чего, довольный удачей, устремился дальше. Время от времени останавливался, сверялся с картой, осматривался, прислушивался. Где-то далеко за спиной слышались крики, впереди на шоссе мелькали желтые отблески автомобильных фар. Автотрасса с одной стороны и болото с другой служили границами, но по краешку топи можно было значительно срезать путь к самым дальним КП.

Взобравшись на холмик, молодой человек внимательно всмотрелся вперед... Есть! Увидел! Вон в зарослях мигнула синяя звездочка фонарика... снова мигнула. Хотя вряд ли это Валентина, скорее уж Катерина Олеговна, она ведь знает этот путь – вместе смотрели. Вместе... ага... «Идущие вместе» – была вроде бы такая партия или молодежное движение. Или «Наши» называлось – как-то так. Их и здесь, на слете, много: кричат «Россия, вперед!», флагами трех-

цветными машут. А в армию идти не хотят, норовят откосить всеми средствами, уклониться от исполнения «почетного долга». Какие же это патриоты? Дезертиры и предатели, вот они кто.

Родион улыбнулся своим мыслям: всего год прослужил, а мозги ему успели прополоскать, пусть и не слишком.

Фонарик снова мелькнул впереди – Катерина Олеговна срезала путь краем болота. А Вальку, интересно, где черти носят? Подождать? Пожалуй, не стоит – уж совсем-то прогулочным шагом идти стремно. Догнать Катерину? Почему бы и нет? Все равно Валька потерялась. А Катя пусть не зазнается. Тогда мешкать нечего, надо рвать!

Спустившись с холма, юноша бросился бежать вдоль оврага к болотцу, по тем местам, где вот только сегодня он... они с Катериной Олеговной... с Катериной... А тело у нее очень красивое. И грудь такая, что...

Черт!

Задумавшись, Родион и не заметил, как с разбега влетел в болото. Да как еще влетел – в вязкую жижу сразу по пояс!

Родион не раз тренировался под чутким руководством дяди Миши, поэтому не паниковал, зная, как вести себя в такой ситуации. Чувствуя, как злая трясина предательски засасывает ноги, первым делом лег на грудь, прямо в дурно пахнущую жижу, и стал грести под себя все подряд – тину, камыши, обломки веток. И шарил, шарил руками вокруг, настойчиво отыскивая твердую опору. Да что-то все никак не мог найти, а тут еще фонарик, как назло, слетел с головы и утонул – прости-прощай.

Вон там, похоже, деревце... дотянуться бы, дотянуться... ну, чуть-чуть... и... эх! Есть!

Черт! Гнилое... сломалось. Ладно, под себя его... И работать, работать руками...

А опора все не находилась, и Родион чувствовал, что погружается в болотину все глубже и глубже. Позвать на помощь? Стыдно, но, похоже, деваться некуда, иначе...

Юноша уже набрал в грудь воздуха, приготовился крикнуть, как вдруг почувствовал под ногами некую зыбкую твердь. Болотце, видать, оказалось не такое уж глубокое. Вон и кочки, камыши – метра два до них, не больше, в лунном свете хорошо видно. Имеет смысл рискнуть и попробовать туда добраться.

И-и-и р-раз!

Родион рванулся вперед, чувствуя, как трясина отпускает ноги, а руки вот-вот ухватятся за твердые кочки... Готово!

Господи...

Это оказались никакие не кочки, а просто сухие камыши, а под ними... под ними...

Выбравшись из одной трясины, молодой человек тут же ухнул в другую, куда более глубокую, вязкую, гибкую. Гнусная жижа засосала его, проглотила, не охнув. Юноша и понять ничего не успел, как оказался в болотине с головой. Ряска сомкнулась над ним, и сильно сдавило грудь, и стало трудно дышать... Уже совсем невозможно... И не крикнуть... не успеть. А вокруг только вязкая жижа, липкая могильная тьма... и холод...

Глава 3

Южная лесостепь

Истр

Однако именно холод пошел на пользу – быстро отрезвил и тем самым спас. В мыслях прояснилось, руки начали двигаться, работать, грести, голова наконец пробила свод мерзкой жижи – и с каким наслаждением Родион вдохнул! Господи! Будто заново на свет появился! Можно сказать, что так и есть.

Воздух! Как же это здорово – просто дышать! Но расслабляться рано, эта отвратительная болотина вполне способна утянуть его снова. Работать, работать! Грести! Тина, камыши, ветки... Ого, да тут хорошие ветки, большие! Целые лапы... Еловые, что ли? Откуда здесь елки? Вот что-то твердое – ствол березы, видать, повалило когда-то бурей. Только бы не гнилой, только бы...

И-и-и... рывок! Черт... неудачно... Ствол скользкий, оказывается. Зар-раза! Еще разок! И-и-и... Оп-па! Есть! Уцепился! Теперь вторую руку... Ага! Подтянуться, упереться ногами... и ползти, ползти, ползти...

Добравшись наконец до твердой земли, Родион повалился без сил, перевернулся на спину и некоторое время лежал, глядя в небо. Ночь, кажется, стала теплее, звезды и месяц исчезли, разве что изредка проглядывали в разрывах туч. Даже, кажется, капнуло – прямо на грудь...

Юноша взглянул на себя, охнул и рывком приподнялся. А чего это он голый-то? Полностью, абсолютно, будто в бане! Ну, карта, компас, часы, кроссовки с носками, ясное дело, в трясине остались заодно со спортивными штанами. Но футболка-то? А плавки?

Вот незадача! А с другой стороны – живым выбрался все-таки, хоть уже почти и не чаял, а одежда – дело наживное. К черту это все, уже теперь не до поисков КП. Бегом в лагерь, к костру. Неплохо бы и выпить чего-нибудь... Черт! Как же он пойдет-то – голышом, что ли? Стыдно, ночка-то светлая. А впрочем, не слишком. Да и не скроешь все равно такое, потом годами будут вспоминать: «Это на том слете было, когда Радька Миронов в болотине штаны потерял. Так потом и пришкандыбал голышом в лагерь – девок всех распугал, варнак...» Не со злорадством, наоборот, с веселым сочувствием – с каждым ведь могло случиться. И все же приятного мало. Штаны бы хоть какие раздобыть! А для этого нужно пробраться в лагерь. Даже КП возле самого лагеря еще можно взять. Хотя, само собой, в штанах это делать удобнее. Как в переделанной песне поется:

Если друг оказался вдруг
В штанах...
Если парень в горах не ах,
Без штанов...

Ладно, хватит тут художественной самодеятельностью заниматься, никто ему сюда штанов не принесет, идти надо. Краем речки можно пробраться, под обрывом никто и не заметит, потом лесополоса укроет. Если что – как появятся впереди фонарики, можно успеть спрятаться, переждать, коли уж так вышло.

Рассудив подобным образом, молодой человек приободрился. В конце концов, ничего особо страшного не случилось. Ну, заплутал, угодил в болотину, не бывало, что ли, такого ни с кем? Вот штаны бы только... а то все же как-то неловко.

Разглядев лесополосу, Родион прикинул маршрут и, стараясь держаться подальше от коварной трясины, быстро зашагал по траве. Идти босиком с непривычки было не очень-то приятно, и молодой человек ступал осторожно, опасаясь поранить ноги о разбитую бутылку или острый сучок. И еще приходилось внимательно смотреть по сторонам, выискивая во тьме синие искорки. Однако их нигде не было, и юноша даже удивился – неужели так далеко зашел?

Кругом было темно – гораздо темнее, чем во время старта. Да еще внезапно пошел дождь, правда, короткий и теплый, и Родион был ему даже рад: смое с тела болотную грязь.

А когда дождь закончился, молодой человек осознал, что заблудился. Узкая лесополоса вдруг обернулась непроходимой чащей с буреломами, колючими елками и высоченными дубами в три обхвата. В окрестностях лагеря ничего такого не было и быть не могло. Куда ж он зашел?

Родион пожал плечами, ничего не понимая. От болота до лагеря минут сорок ходу, максимум час. Но где он, лагерь-то? Где все?

Юноша вновь всмотрелся в темноту – ни одной синей звездочки! И тишина... Ни гитары не слышно, ни голосов, ни смеха...

Впрочем, нет. Прислушавшись, он различил неподалеку приглушенные голоса. И они быстро приближались!

Стеснительный Родион тут же отпрыгнул в кусты, спрятался. Зачем – сам не знал, просто на всякий случай. Видеть говоривших он не мог – лишь смутные тени едва мелькнули во тьме, но по голосам определил, что люди это молодые. Проходя мимо, они сбавили шаг.

– Ты что? – спросил кто-то совсем рядом с тем местом, где притаился Родион. Слова незадачливый турист понял хорошо, лишь мельком отметил, что язык какой-то странный. Может, местный говор? – Хотобуд, что ты застыл?

– Я слышу... Показалось, будто в чаще кто-то есть. Прячется.

– Это косуля. Или олень, заяц, может, кабан, – ответил ему другой голос, звучавший более уверенно и даже нахально. – А людей тут нет, кроме нас, тем более ночью.

– Да, – поспешно согласился Хото... Ну, обладатель того чудного имени, которое Родион толком не разобрал. – Должно быть, олень или кабан. Или волк!

– Тоже верно. Идемте, парни! Волноваться не о чем, духи болот сделают все за нас еще до рассвета.

– А если он...

– Не успеет! И не посмеет! Как может смертный противиться воле богов? Хватит спорить, бежим, други, нам надо успеть до утра.

И призрачные ночные тени исчезли так же внезапно, как и возникли, растворились в лесу. Немного обождав, Родион выбрался из кустов, ругая себя за дурацкие комплексы. Ну, подумаешь, голый? Дорогу-то можно было спросить. А теперь вот иди, пробирайся, думай, в какой стороне шоссе. Хорошо, проглянул среди туч узенький серебристый месяц, давая возможность разглядеть хоть что-то. Да и рассвет, судя по всему, был уже близок. Какое там называли контрольное время – три часа? А стартанули в час ночи. И если он, Родион, не явится на финиш, пропавшего начнут искать – прочесывать лесополосу, луг, болото. Черт! Вот стыдоба-то! И ладно бы, сопливый подросток какой-нибудь, а то ведь солидный человек, в армии отслуживший. И вот такой конфуз! Славы в веках теперь не миновать, хоть на слеты не показывайся!

Юноша усмехнулся: все равно он будет ездить. Туризм такое дело – затягивает с головою, как вот та трясины...

Трясина!

Родион резко остановился, ощутив под ногами зыбкую слякоть. Снова болото! Здесь-то оно откуда, совсем ведь небольшое было!

И тут вдруг послышался стон – очень слабый, едва различимый. Будто кто-то звал на помощь – из последних сил, обреченно, без надежды... Но кто там может быть, в болоте?

«Неужели Валька?» – с ужасом подумал молодой человек. Она ведь пошла именно в ту сторону и где-то по пути потерялась. Может, тоже в трясину забрела? Или Катерина Олеговна!

Да ладно, что гадать? Раз там, в болоте, человек, надо бежать на помощь! Но только с умом бежать, осторожно, чтобы самому снова в трясину не угодить. Слегу нужно подобрать! Вон как раз подходящая сушинка.

Выломав жердь, молодой человек сделал пару шагов и крикнул:

– Эй, кто здесь? Есть кто-нибудь?

«Кто-нибудь... кто-нибудь... кто-нибудь...» – отозвалось эхо и заглохло вдали. Но потом снова раздался стон, уже громче и яснее!

Определив направление, Родион ткнул перед собою слегой – плеснула болотная жижа. Но глубоко жердь не погрузилась, а значит, можно пройти. Он и пошел, прощупывая путь перед собой и с осторожностью ставя ноги. Слега придавала уверенности: если что, проще будет выбраться.

– Эй, эй! Где ты?

– Здесь... О боги...

Обернувшись на голос, Родион вздрогнул и моргнул, не веря глазам. Освободившийся из плена дождевых туч месяц высветил вдруг донельзя странную картину. За камышами, за мелкой болотной порослью, прямо посреди темной жижи кто-то шевелился! Парень лет шестнадцати или того меньше лежал на спине, привязанный к толстой колоде! Лица не разглядеть, видно только, что тощий, в широких штанах, с голой грудью. В кожу глубоко впились веревки, а тяжелая колода неумолимо погружается в трясину.

Ну, ничего себе! Кто же его так? Ладно, об этом можно и потом спросить, сейчас некогда.

– Держись, парень!

Слега неожиданно провалилась метра на полтора, и Родион едва сумел удержаться. Спасатель хренов! Еще немного, и некому было бы спасти!

А колода с привязанным пацаном между тем все погружалась, вот совсем скрылась в трясине. И тут Родион со страхом осознал, что не представляет, как быть дальше. Веревки разрезать – нужен нож, а где его взять? Придется тянуть парня вместе с проклятой колодой. Пробуя путь слегой, он сумел подобраться к несчастному почти вплотную и со второй попытки зацепил веревку за сучок, правда, при этом до крови расцарапав утопающему грудь. Ничего!

– Терпи, пацан, терпи! Нормально все... Сейчас я тебя вытащу...

Сказать было куда легче, чем сделать! Сам-то парнишка оказался тощий, но колода весила ого-го сколько! Правда, утопающий держался мужественно: не скулил, не ныл, даже не матерился – терпел молча, лишь хлопал глазами да время от времени облизывал пересохшие губы.

Еще немного... оп! Потянув колоду на себя, Родион не рассчитал сил и повалился в жижу. Но оказалось, к его радости, что там совсем не глубоко, а чуть позади росли кусты и даже тоненькие деревца – березки, что ли? Или ивы?

Болотная вода уже поднялась до лица связанного парня, когда Родион, отбросив слегу, ухватил колоду обеими руками, дернул, потянул... И-и-и – раз! И-и-и – два! И-и-и... Пошла, пошла, пошла! Поехала, родная! Ну, еще чуть-чуть подтолкнуть.

Вытащив колоду на твердое место, под деревца, Родион уселся рядом и облегченно перевел дух.

– Ну, вот. Как бы теперь тебя развязать-то? Ножика нет? И у меня нет. Придется руками... О, да тут кто-то булинь соорудил! Сейчас, сейчас, развяжу, потерпи немного. Ничего, если я колоду переверну с тобой вместе? Ты ведь не то еще терпел... ага... Так... Ну... все, пожалуй. Тебя как зовут-то, парень?

Отвязанный улыбнулся и пригладил длинные грязные волосы, придававшие ему сходство с Маугли. Некоторое время он сидел молча, покачивая головой и, надо думать, приходя в себя, а потом ткнул рукой в грудь:

– Истр, сын Доброгаста!

– Истр? Честно сказать, странное имечко.

– Истр, да. А кто ты?

– Меня Родионом зовут, можно просто Радик.

– Рад-ди... Тебя зовут Рад! И ты... из болота?!

– Да можно, наверное, и так сказать. – Молодой человек пожал плечами.

– О боги! Я так и знал!

– Ты вообще-то как? – Родион спрятал неуместную пока улыбку. – Идти сможешь?

– Могу, – Истр закивал, встрепенулся. – Да-да, идем скорее отсюда.

– Ты местный? Дом твой далеко?

– Дом? Нет, близко. Скоро дойдем. Кто твой отец, Рад? Из какого рода?

– Миронов моя фамилия, – усмехнулся молодой человек. – Отчество – Данилович. Хотя отца я и не помню.

– Пошли, пошли, не стой! – заторопился новый знакомец. – Клянусь Свентовитом, ты мне теперь как брат!

Вот оно как! От таких слов Родион даже застеснялся. И говорил парнишка странно – скорее всего, на местном диалекте, распространенном в здешних станицах. Чем-то на русский язык похож, чем-то на украинский и белорусский, короче, смесь какая-то.

– А где твой дом? – допытывался по пути Истр. – Где обитает твой род?

Шагал он уверенно, видать, хорошо знал дорогу. И пострадал, похоже, не сильно. Может, не стоит его домой провожать? Пусть лучше скажет, как в лагерь пройти.

– Я вообще-то издалека приехал, все мы...

Сказав это, Родион вдруг снова вспомнил, что, мягко говоря, одет не для визитов – точнее, совсем не одет! А между тем светало – ни на шоссе в таком виде не выйти, ни у палаток показаться.

– Издалека?! – Подросток, шедший впереди, вдруг застыл, обернулся, и в светло-карих глазах его явственно сверкнуло изумление. – Так ты... Что же, один?

– Ну, не один, мы тут с командой. Я же говорю – на турслет приехали, а я вот, идиот, заблудился. В болоте чуть не утонул, да и одежду всю там оставил.

– Мне непонятны твои слова, друг! – Тряхнув длинными темно-русыми волосами, мокрыми от дождя и болотной грязи, Истр посмотрел на Родиона с большим подозрением. – Ты случайно не гот?

– Да не гот я! И не панк, и не эмо, и не другой какой, прости Господи, полудурок – у меня забот хватает, тусоваться попусту некогда.

– Не гот, говоришь... Но и не из наших, – все присматривался парнишка. – И на гунна ты не похож.

– Сам ты гунн! – неожиданно разозлился Радик. – Вылитый Атила!

– Атила?! – с неожиданной радостью воскликнул Истр. – Теперь и впрямь вижу – ты точно не гот. Гот бы сказал не Атила, а Этцель! Ага... Ты знаешь верховного вождя гуннов! Может быть, ты его видел, как я сейчас вижу тебя?

– Знаешь, что, парень... Не пошел бы ты своей дорогой? А я своей. Только будь любезен, покажи... Ну, если не лагерь, так хотя бы шоссе или речку. Ой, Господи! Меня ж ищут уже!

– Ну вот! – Парнишка вдруг погрузился. – Ты, Рад, опять стал говорить непонятно. Откуда ж ты пришел?

– Я ж тебе говорю, дурья башка, из Ленобласти мы, с севера!

– Дурья башка – это что? У вас так называют вождей?

– Ага... И товарища Сталина – в том числе. Ладно, парень, некогда тут с тобой. Погоди-ка!

Молодой человек нарвал папоротников и травы, кое-как прикрыл чресла – тот еще костюмчик получился.

– Вот, блин, индеец чертов!

Показаться этаким чучелом в лагере – нет уж, это выше всяких сил! Однако и в станицу так не явишься. Одно утешение – там Родиона никто не знает.

– Слышь, как там тебя... Истр, – позвал он, дивясь про себя, кто же выдумал парню такое имечко. – Пожалуй, я все-таки с тобой прогуляюсь, раз уж ты говоришь, до дома твоего недалеко.

– Нет, нет, это рядом. Будь нашим гостем, о славный Рад! – Мальчишка приосанился, сверкнул глазами, гордо выставил вперед правую ногу! Князь да и только!

– Ладно, ладно, зайду, раз уж позвал. Только уговор: я сначала где-нибудь на улице, у заднего двора подожду, а ты мне какие-нибудь штаны вынеси, шорты там... И неплохо бы еще рубаху или майку. Я все потом верну, не сомневайся. Да, чуть не забыл, мобилу тоже захвати, позвонить надо срочно.

– Заклинаю всеми богами, Рад, говори яснее! – в ответ взмолился Истр, мотая головой.

Вот дурень-то! Слов уже не понимает. Или он малость «того»?

– Идем, идем, друг! – продолжал Истр. – Значит, твой род далеко?

– О Боже! Сказал же – на севере. А здесь у нас лагерь, турслет, понимаешь? Туристский слет.

– Ты здесь... без родичей?

– Я и вообще, знаешь ли, живу один! – Юноша хмыкнул.

Это была почти правда: жить с теткой Родиону надоело, и он собирался по возвращении с турслета снять комнату в бывшем общежитии – уже договорился.

– Один! – Истр снова застыл, будто пораженный молнией. – Совсем один?!

– А что тут такого-то? У меня, если хочешь знать, и вообще все родные умерли. Ну, почти.

– Умерли?! Их убили враги?

– Ага, конечно... Кто же еще-то?

– А ты выжил и ушел с севера сюда?

– Ну хорошо, пусть так будет: ушел, – Родион уже и не знал, как еще говорить с этим странным пареньком, у которого явно были не все дома.

– Значит, ты изгой?!

– Значит, изгой, – хмуро кивнул Родион. – В таком виде – точно. Короче, с одежкой поможешь или как?

Истр вдруг взглянул на него совершенно по-новому, будто впервые. И улыбнулся – широко и, похоже, совершенно искренне. Улыбка у него оказалась славная – жаль, что дурачок.

– Друг мой Рад, сын Да... Ду...

– Говори просто – Родион, и все тут.

– Друг мой, хочу сказать: ты наконец-то обрел род! Вернее, обретешь, ибо мой род станет твоим! Мой отец Доброгаст – старший над всеми в селении, хотя там живут не только наши родичи. Ведь так все чаще случается в нынешние времена.

– Времена, говоришь? Познера насмотрелся и меня истории учить вздумал? Я ведь постарше тебя, да и знаю малость побольше. Родичи, не родичи, понятное дело: родовая община сменяется соседской. Только вот не пойму – при чем тут ты? А! – Молодой человек с горечью сплюнул наземь. – Да кто ж тебя поймет? Ты хоть читать-писать умеешь? Ладно, ладно, не обижайся. Ну, так что – дашь одежку-то?

– Лучшие мои одеяния будут готовы для тебя, о славный брат мой!

– Ну, вот и договорились! – ухмыльнувшись, молодой человек хлопнул спасенного по плечу. – Тогда чего стоим, кого ждем? Пошли, друг Истр, в твою станицу. Или как там у вас называется? Впрочем, постой! Эти, что тебя в болотце утопить решили, – из твоего селения?

– Не знаю, – подросток угрюмо качнул головой. – Они были в личинах. Может быть, жрецы.

– Жрецы? Да у вас там что – тоталитарная секта?

– Люди Велеса. Так они себя называли, когда мы встретились.

– Встретились? Заранее уговаривались?

– Да, они ждали меня в том месте, куда обычно приходят жаждущие получить силу великого Радомира.

– Радомира?

– Это прославленный вождь. Спасая свой род, он прыгнул в болото, в трясину. Там он исчез и обрел вечную жизнь.

– Хм... интересные у вас в секте верования.

– Это давно было, еще до гуннов. Когда мерзкие готы и их вождь Винитарий победили наш народ. О, то была великая битва!

– Постой, постой! – услышав что-то знакомое, Родион взмахнул рукою. – Как ты сказал? Винитарий? Кто это такой?

– Вождь готов. Он жил в старину, еще до прихода гуннов. В те времена Радомир и совершил свой подвиг. И я хотел бы иметь его силу и храбрость. Навьи сказали – это очень просто, надо только преодолеть страх перед трясинной. И тогда...

– И ты им, конечно, поверил, этим навьям. Кстати, а кто они?

– Те черные жрецы, в личинах. Они привязали меня к колоде, а потом вдруг исчезли, видно, ушли в подземный мир.

– Угу, угу, в подземный, куда же еще-то? А ты, значит, должен был полностью погрузиться в болото...

– И встретиться там с Радомиром! И все от него получить.

– Что же передумал? – Родион цинично расхохотался. Неожиданно история спасенного начала его забавлять. – Иль страшно стало?

– Истр, сын Доброгаста, не трус! – Собеседник вздрогнул и даже побледнел. – Не трус, нет, и...

– Спокойно, парень. Никто и не думал называть тебя трусом, просто интересно – чего ж ты меня не прогнал? Объяснил бы – мол, так и так, погружаюсь в трясину исключительно по своей воле, не надо мне никакой помощи, все хорошо.

– Нет, не хорошо, – Истр до крови прикусил губу, потом тихо продолжил: – Знаешь, брат мой, мне показалось, что навьи смеялись в кустах. А значит, это были вовсе не навьи. Зачем им смеяться-то?

– Так показалось тебе, или на самом деле смеялись?

– На самом деле. У меня очень хороший слух.

– Лучше бы у тебя мозги были хорошие! Ладно, не обижайся. Сам до армии таким же дурачком был.

Подросток пожал плечами:

– Я не обижаюсь – поделом мне. Нельзя быть таким легковверным. Чтоб навьи снизошли до меня? Смешно.

– Да уж, куда смешнее! Лежал бы сейчас в болоте, пускал пузыри... Нет, уже не пускал бы. Стало быть, не знаешь точно, что это за парни?

– Нет.

– А в милицию будешь заявлять? Участковый у вас тут есть? Что глазами хлопаешь? Только не вздумай сказать, что западло. Впрочем, твои проблемы, сам решай, – отмахнулся

Родион. – И меня послушай, я хоть и ненамного старше тебя, но жизнь знаю лучше. Одно дело, если подонки эти просто решили покуражиться, спровадить тебя в трясины без всякой задней мысли, по приколу – так частенько случается, придурков хватает. Особенно если не местные, они потом про тебя и не вспомнят. А вот если местные и ты им чем-то мешал, или испугаются, что ты их узнал, тогда могут и повторить попытку. Подстерегут где-нибудь да отоварят, а труп туда же в болото и выбросят – поди поищи. Ты уж, Истр, извини, но дело-то нешуточное, просто так нельзя оставить. Родителям своим обязательно сообщи. Ну, что глазами хлопаешь? Опять скажешь, непонятно?

– Нет, понятно. – Подросток кивнул. – Почти все. Но родичам говорить не стану – это позор! И тебя прошу не говорить. Добро?

– Как мичман наш говоришь – «добро». – Родион засмеялся. – Мореман хренов!

– Поклянись, что никому не скажешь! Матерью-землей поклянись – пусть она тебя поглотит, если выдашь.

Да, тяжелый случай! А ведь порой рассуждает почти как нормальный парень.

– Хорошо, матерью-землей клянусь – пусть она меня проглотит.

– Я сам сначала во всем разберусь, – вполне разумно пояснил «тяжелый случай».

– Ну, разберись, разберись, – хохотнул Радик. – Смотри только, как бы боком все не вышло. Долго еще идти?

– Скоро на месте будем.

– Плутаем тут буераками всякими, нет бы на трассу выйти... Ой, нет! – Родион вспомнил, в каком он виде. – На трассу, пожалуй, не надо.

Дальше пошли молча. Истр, как видно, думал о навьях, да и Родион – о них же. Про южные станицы много всяких слухов ходило: что там и за обычный мобильник запросто зарезать могут и что в волостях частенько бандиты заседают. Хотя они везде заседают, куда ни ткни. Вертикаль власти!

Узенькая выющаяся тропка то влезала в чащу, то шла лугом вдоль речки, то огибала трясины. Родион и подумать не мог, что здесь окажется так много болот и лесов! Раньше казалось, что только степь да степь кругом, не считая лесополос из тополя, редких рябинок да ивы. И бескрайние поля – подсолнечник, кукуруза, томаты.

Тропинка вынырнула из леса, наконец появились нивы, подернутые золотистой дымкой. Как раз и солнышко встало, обогрело, высушило росу.

– Слышь, Истр. Это что – рожь, что ли?

– Жито! Готы его называют – «хлеб».

– Понимаю, что хлеб.

– Скоро жатва, потом праздники, – мечтательно заулыбался подросток. – Эх, и весело же будет! Восславим богов, потом игрища... ух!

Вот она, современная молодежь – все бы играть.

– Игрища? Так ты, парень, геймер, что ли? Снова не понял? Да ладно...

Поля тянулись широкой полосой справа, а слева, на залидном лугу, за которым синела полоска реки, позвякивали колокольчики-ботала – там паслось коровье стадо.

– Наш скот, Доброгаста! – с удовольствием пояснил Истр. – А вон там – наше поле. И это тоже.

– А где же станица? Или как там у вас называется – хутор?

– А вон!

Молодой человек едва не споткнулся от неожиданности, увидев внезапно возникшие впереди хижинки. По-другому их и не назовешь – низенькие мазанки, с соломенными крышами, похоже, врытые в землю. Насчитывалось их десятка два; возле каждой тянулись плетни, за которыми гуляли гуси и утки.

– Вот так хутор! – в изумлении произнес Родион. – Близ Диканьки... Слышь, парень, а у вас там ведьм случайно нет?

Глава 4

Южная лесостепь

Будь нашим гостем!

Как и договаривались, Истр убежал в дом, точнее сказать, в усадьбу, а Родион остался за плетнем дожидаться обещанной одежды. Уселся в траву за кустами, вытянул ноги, греясь на солнышке – хорошо!

Деревня состояла из дворов и отдельно выстроенных мазанок вдоль речки и выглядела, надо сказать, довольно странно. Или скорее просто бедно: улицы не асфальтированы, ни бара, ни клуба, ни машин. А самое главное, сотовой вышки Родион не мог найти, а ведь из лагеря ее хорошо было видно. Неужели так далеко ушли? Интересно получается – что же, у них тут и мобильная связь не работает? Придется стационарный телефон искать, а время-то поджимает! Туристы, поди, обыскались уже.

Что-то долго Истр одежду подбирает... «Да уж, ну и имечко – Истр!» – еще раз удивился Родион. Впрочем, мало ли странных имен? В части, где служил, старшина был Дормидонт Кондратьевич, основательный мужик, из кержаков-староверов. А еще...

Прикрыв глаза, Родион принялся вспоминать армейских дружков, отцов-командиров – а что еще-то вспомнить недавно отслужившему парню? Само собой, армию, в которую никто попасть не хочет. Ай-ай, вопят, дедовщина, боимся! Что-то в этом роде встречается, конечно, но без крайностей. А как иначе заставить нахального молодого балбеса делать что положено? Ходить в наряды, заниматься боевой подготовкой, кроссы по утрам бегать? Он ведь ни к чему подобному не привык, дома мама и бабушка на него молились, словно на икону – все на подносике подавали, даже сахар в чае размешивали. Как же, вдруг да дитя осердится, завтракать не будет? А уж если учиться куда поедет – вообще позор! Гонору у таких недорослей хоть отбавляй – и спортсмены-то они, и блоггеры, и геймеры, и еще хрен знает кто, а собственные трусишки-носочки постирать не умеют, мамкам домой возят! Те и рады: ах, мальчик наш, мальчик.... А «мальчик» уже такая дубина стоеросовая, что будь здоров. И вот горе-то мамкам-бабушкам, если от армии откупить не удалось! «Ребенок» звонит по мобильнику, слезные письмишки пишет: «Заберите меня отсюда-а-а-а». Сержант-сволочуга утром ка-ак гаркнет: «Р-рота, подъем!» – это вместо того, чтобы каждого разбудить аккуратненько: Андрюша, подъем, вставай, Олеженька... ути-пути-сю-сю-сю... А еще и на зарядку бегать заставляют, службу «тащить». Ау, комитет солдатских матерей, где вы?

Служить-то всего год, а и то никто не хочет. В армии-то чай тебе не помешают. А впрочем, уже все к тому идет. Поваров нанимают, уборщиц – старшина Дормидонт Кондратьевич плевался, как узнал. Армия, сказал, армией должна быть, а не детским садом!

– Рад!

Задумавшийся Родион вздрогнул от неожиданности, услышав чей-то голос. Зовут?

– Твое имя Рад?

Обернувшись, молодой человек увидел перед собой девушку в полотняном платье до пят, с красной затейливой вышивкой, босую. Длинные каштановые волосы незнакомки были заплетены в толстую косу, на висках поблескивало что-то серебряное – серьги, что ли? Очень уж большие, однако. А личико миленькое, красивое даже. Глаза серые или серо-зеленые, большие, нос прямой, тонкий.

– Это тебе! – Девушка держала плетеную корзинку с тряпьем, надо думать, обещанной одеждой.

– Вот, спасибо! Ой... – Родион вскочил было, но тут же, устыдившись собственной наготы, спрятался за кустами. – Ты корзинку-то оставь и иди, ладно?

– Ладно, – девчонка кивнула, опустила ношу на траву, снова улыбнулась. – Ты ведь наш гость, верно?

– Гость, гость...

Молодой человек поспешно натянул штаны – свободного кроя, что-то вроде джинсов фасона «трубы», правда, из более тонкого коричневатого-желтого полотна. Вместо обычной застежки-молнии или хотя бы ремня скреплялись они тесемкой на поясе. К штанам прилагалась просторная рубаша, грязно-белая и с вышивкой, но без разреза и пуговиц спереди, так что надевать ее пришлось через голову. Костюм сопровождался тоненьким ремешком с тяжелой узорчатой пряжкой, похоже, серебряной. Стиль этника, так сказать. Уж не музей ли у них тут? А что, очень может быть! Музей под открытым небом – оттого и хаты такие убогие, и наряды соответствующие.

– А это что еще? – Довольный, что наконец-то понял ситуацию, юноша с удивлением вытащил из корзины обувь.

Вооруженный своей догадкой, он ожидал увидеть лапти, но ошибся: это было нечто вроде кожаных тапочек с ремешками. На самом дне корзины лежали какие-то матерчатые ленты с мужскую ладонь шириной. Портянки, что ли? Обмотки?

Незнакомка все не уходила. Одевшись и выйдя из-за куста, Родион уселся наземь и по армейской привычке принялся обматывать левую ногу этой этнической портянкой.

– Ой! Ой! – Всплеснув руками, девушка звонко расхохоталась. – Ты что же, поршни никогда не нашивал?

– А ты, можно подумать, нашивала! – обиженно огрызнулся Родион.

– Давай, помогу! – Девчонка вдруг упала на колени.

– Да ладно тебе... Да отстань! Ну же...

Но отбиться не удалось – девушка ловко обмотала его ноги лентами, натянула сверху «тапочки», а ремнями обвила почти до колена.

– Ну, вот! Теперь – другое дело. А у вас на севере что носят?

– Лапти! – хмыкнул молодой человек.

– А-а-а! Так я и думала, – поддержала шутку собеседница. – Бедно живете.

– Тебя как звать-то, чудо?

– Радонега, – девушка зарделась. – Негой обычно кличут. Из рода Доброгаста я.

– Понятно, – ухмыльнулся Родион. – Доброгастова Нега... А Истр – он тебе кто, брат?

– Да, братец. Мы тут все братья и сестры. Но – только в нашем подворье, а еще в селении живут Межамир, Витенег, Сдислав, но нам они не родичи, просто соседи. Потому можно у нас в своем селении жениться и выходить замуж. Для тебя это чудно, да?

– Ну, да, вообще-то, – на всякий случай подтвердил Родион, которому речи девчонки впрямь казались чуднее некуда.

– Это потому что у вас в северных лесах только своими родами живут? – Нега усмехнулась.

Родион ничего не сказал, лишь отмахнулся, да девушка и не ждала ответа.

– Пойдем! – Она взяла его за руку и уже у самого плетня шепнула: – Ты мне сильноглянулся, Рад. А я тебе по нраву ли?

– По нраву, по нраву, – искренне улыбнулся молодой человек. – Где у вас тут телефон – покажешь?

– Все покажу. Идем же!

Хороший был музей, просто отличный. Странно, что туристам про него никто не рассказывал, а ведь могли бы и на экскурсию сводить. Правда, в первый день слета не до культурной

программы: все норовят с друзьями-знакомцами посидеть, да и к соревнованиям готовиться надо – какие уж тут музеи? После слета, на обратном пути разве что...

А здесь было на что посмотреть! Это ж надо – целую деревню выстроили! И все добротно, красиво – соломенные крыши, белоснежные хаты-мазанки, плетни с висящими на них глиняными горшками. Повсюду зелень – сады, огородики, а за деревней – золотые пшеничные поля, луга с пасущимися стадами. Жаль только – ни крепости рядом, ни церкви. Еще красивее вышло бы, да, как видно, средств не хватило.

– Ты на что засмотрелся? – Радонега потянула за руку.

– Так. – Родион пожал плечами. – А почему никаких укреплений не выстроили? Денег нет?

– Укреплений? – Девушка хлопнула ресницами. – Но... наши предки всегда жили без них. Да и гунны не позволят.

Гунны не позволят... Н-да-а... До чего же бывают люди... делом своим увлеченные! А девчонка эта, Нега – что-то она молода для сотрудницы музея. Может, из местного института – практику летнюю проходит? Тогда понятно.

Пройдя по заднему двору, мимо отлично сделанной кузницы, где усердно, несмотря на отсутствие посетителей, трудились кузнецы, мимо гончарной мастерской, хлева, птичника, еще парочки хат, молодой человек очутился наконец перед хозяйским домом. Тот был побольше и побелее других, но в том же стиле – крытая соломою полуземлянка.

У входа уже собралась толпа человек из десяти – тоже в старинных одеждах, некоторые даже в разноцветных плащах. За главного, похоже, был заросший окладистой седой бородищей старик, его окружали такие же бородатые мужчины. Среди жавшихся чуть поодаль парней маячил Истр, уже одетый в чистую рубаху. Видно, все это были сотрудники этнографического музея. А Истр – сын директора, что ли?

– Здоров будь, о славный Рад! – звучным хорошо поставленным голосом промолвил старик. – Спаситель нашего Истра от гнусных болотных лап!

Красиво выражается – «от гнусных болотных лап»! А Истр времени зря не терял – всем уже разбазарил. Лучше бы мобильник притащил, чучело.

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулся Родион. – Извините, позвонить от вас можно?

– Будь нашим гостем, о славный Рад! – Старик торжественно развел руками и пригласил в дом.

Еще раз улыбнувшись, Родион спустился в жилище, надеясь, что там найдется наконец телефон...

Мать честная! Вот это стол! Сказать, что ломился от яств – ничего не сказать. Чего тут только не было! Крынки с молоком и маслом, плошки с жареным мясом и рыбой, караваи... или коржи... тыква, репа, морковь, орехи.

– Садись трапезничать, гостюшка! – обернувшись, довольно улыбнулся старик. – Меня зовут Доброгаст.

– Да я уж понял...

Сказать по правде, молодой человек слегка растерялся, не зная, как вести себя в такой ситуации. Просто взять и уйти – невежливо, но если тут нет телефона, то он не может себе позволить терять столько времени.

– Уважаемый Доброгаст, телефон у вас есть где-нибудь? – напомнил он. – Понимаете, мне позвонить надо срочно, сказать хоть своим, где я есть, а то ведь ищут...

Но Доброгаст вопрос о телефоне опять проигнорировал и вместо ответа указал на лавку – садись, мол.

Остальные сотрудники музея толпились у входа и чего-то ждали.

– Не понимаю, о чем ты спрашиваешь, славный Рад, – усадив гостя рядом с собой, наконец отозвался Доброгаст. – Мы многого не понимаем из твоей речи.

Не понимают они, вот как... Да кто же не понимает слова «телефон», оно на всех языках одинаковое? Вообще никакой связи тут нет? Господи, да есть ли хотя бы электричество? Родион огляделся: как на улице не было столбов и проводов, так и в хате он не заметил ни осветительных приборов, ни радио, ни телевизора, ни уж тем более компьютера. Вообще-то оно понятно – музей есть музей. Данная экспозиция, вероятно, именуется «Жилище древних славян» или что-то в этом роде. Какой тут, к черту, компьютер? Хотя, с другой стороны, раз уж тут музей, так должна иметься и касса, и какая-нибудь сувенирная лавка.

– Уважаемый Доброгаст, а вы давно работаете? Ну, музей ваш давно существует?

Вместо ответа старик с важным видом поднялся с лавки; Нега с поклоном подала ему отделанный серебром рог, и точно такой же другая девчонка торжественно вручила гостю. Не пустой, конечно. Родион принялся – что там такое, брага, что ли? Похоже на то. Как бы потом животом не маяться! Лучше бы водки налили. Или что у них тут – горилка? Нет, горилка в Украине.

– Выпьем во славу богов, Световита, Стрибога, Сварога, за тех, кто дают нам солнце и жизнь, за тех, кто послал Рада, дабы спасти Истра! Слава богам!

– Слава!

Родион поддержал, раз уж тут так принято, и вместе со всеми выпил. Неудобно было обижать, они ведь, наверное, готовились и вот теперь обкатывали на случайно зашедшем парне новый обряд, тщательно восстановленный по древним рукописям, песням и всему такому прочему.

– Здорово у вас тут, уважаемый Доброгаст, – едва осилив рог, помотал головой юноша. – Все так натурально сделано! И стол, и лавки... И очаг – это что, глина? И светильники... прямо как золотые! Правда, чадят – уж извините. Это что – настоящие древние вещи? Из курганов, могильников?

– А теперь, други, выпьем за нашего гостя...

Ох ты, Господи, снова пить! А бражка-то ничего, забористая, неужели по старинным рецептам сделана? Уж это наверняка.

– У нас сегодня праздник, Рад, – повернув голову, негромко пояснил старик. – Скоро сбор урожая, надо задобрить богов.

– Ну да, ну да, – парень пьяновато покивал. – Оно, конечно, надо. Как же без этого-то? Да, кстати... А танцы будут?

Родион хотел сказать «танцы», но губы сами собой произнесли «пляс». И вообще он вдруг осознал, что сам говорит на каком-то чужом языке, древнем и малопонятном, лишь порой вставляя туда современные слова, которых в этом старинном языке просто нет. Да-а... И впрямь забористая бражка!

Время летело так быстро, что молодой человек лишь диву давался. Вроде бы только что сели, выпили «во славу богов», поболтали – а уже и смеркается! Потом все вышли на улицу, и тут праздник продолжился: выпили еще, побрызгав бражкой на все четыре стороны и поминая Семаргла, Световита, Мокошь; постояли, покричали что-то, и всей толпой двинули в поле. Там все разом поклонились, и Родион решил не отрываться от коллектива. Очень интересный оказался обряд... только вот потом подняться удалось не сразу, едва не завалился наземь. Вот она, бражка-то! Коварная оказалась штука – вроде слабенькая, пил себе и пил, опьянения никакого не чувствуя, и вдруг – на тебе! Ноги не слушаются...

Хорошо хоть, Истр подбежал, подхватил.

– Истр, дружище! – обрадовался Родион. – Ты-то хоть как? Бражку, смотрю, не пил.

– Мне еще не дозволено.

– Славный ты парень, Истр... Слушай, а что меня так шатает-то?

– С усталости, – осторожно поддерживая спасителя, улыбнулся подросток. – Да и мед у нас крепкий!

– Мед? А, так это медовуха... То-то я чувю, медом пахло. А ты знаешь, голова совсем не болит. Только язык, блин, чуть-чуть заплетается, так, слегка... и ноги куда-то не туда несут. Ты не обращай внимания, ладно?

– Ты мой друг и брат, Рад! – с пафосом отозвался парнишка. – Я буду заботиться о тебе, как и подобает брату.

– Спасибо, конечно, но... Ты бы мне лучше телефон отыскал, а?

– Чего отыскать?

– Да ты что, глухой? Русским языком говорю – те-ле-фон! Что, у вас тут вообще связи нет?

– Извини, брат. – Истр обиженно моргнул. – Я совсем не понимаю, чего ты хочешь. Вы там, на севере, хоть и словенским языком говорите, но уж больно много у вас слов непонятных.

– Каким языком?

– Словенским, ибо все мы – сло-вене, то есть «ведающие слова». А есть другие люди, нашей речи не разумеющие и потому будто немые, их так и зовут – немцы. Скажем, готы.

– Да уж, – кивнул Родион. – Готы – точно немцы. А мы, значит, славяне. Кто бы спорил! Какой ты умный, Истрик.

Парнишка приосанился, даже покраснел от удовольствия – видать, не уловил иронии. Ну и слава богу – зачем обижать хорошего парня, пусть и немного странного?

– Ромеи называют нас венедами, – усадив старшего друга под березкою, Истр уселся рядом и с неописуемой важностью продолжал лекцию: – А гунны – те кличут антами. Но «ант» – по-гуннски означает «союзник, друг», потому что мы когда-то помогли им против готов. Готы никому не давали житья! А их вождь Винитарий разбил наших...

– Постой! – Родион пьяно потряхнул головой. – Как-как ты сказал? Винитарий?

– Да, Винитарий, готский вождь. Но это было давно, еще до нашествия гуннов. А после готов они двинулись на нас, и с тех пор мы платим им дань.

– А ты по истории хорошо подготовился, ничего не скажешь! Ну, еще что поведаешь?

– Я много чего ведаю, я умный! – сверкнув глазами, совсем по-детски похвалился парнишка. – Я набирался мудрости у наших старейшин, а еще у одного ромея, Василия – на торжище встречал, давно уже. Василий был ученый человек! Его потом убили – готы или гунны. Он говорил, что до прихода гуннов все наши словенские селения были куда больше, чем сейчас, в них насчитывалось и по десять дюжин домов! Были мастерские, кузницы, мы торговали с ромеями, с цезарем, никто никого не боялся. Только вот иногда вредили готы – они обитали по соседству, в своих длинных домах. Иногда мы с ними воевали, но чаще жили мирно, обменивались невестами. Многие наши знали готскую речь, а уж ромейскую и подавно. У нас были свои вожди и особо обученные умелые воины. Сейчас ничего такого нет, в наших племенах остались одни земледельцы – те, кто не ушел с гуннами или не попросил убежища у ромеев. Да и у готов тоже самое творится.

– Очень интересно тебя слушать, Истр! – снова похвалил Радик. – Сказать честно, и я даже такого не помню – чтобы в нашей стране в римские времена были какие-то государства, славянские, а тем более готские. Неужели правда?

– Готы всегда жили на полуденной и закатной стороне, за широкими реками. Но и мы туда приходили, а готы – к нам. Когда с миром, а когда и как Винитарий...

– Винитарий... – Молодой человек вскинул глаза. – А Радомир? Что ты о нем скажешь?

– Это был великий вождь! Я уже говорил тебе: он жил до прихода гуннов и сражался с Винитарием. А затем, чтобы спасти свой народ, принес себя в жертву.

– Ну да, да, ты рассказывал, – вспомнил Родион. – Прыгнул в болото. С этим ясно. Слушай, а давай больше не будем об истории, давай про ваш музей, хорошо?

– Про наш... что? Мусе... Какое-то непонятно слово. Греческое? Я от Василия такого не слышал.

– Тьфу ты, Господи! Опять ему непонятно. Ну, вот как с тобой разговаривать? Ладно, ладно, извини. Скажи лучше, что тут у вас сейчас происходит-то? Я так понимаю, репетируете какой-то старинный праздник?

– Да, праздник у нас, – кивнул Истр. – Перед сбором урожая полагается умиловить богов. А то вдруг нашьют ветер, град, дожди?

– Ну, конечно, умиловить богов надо, а как же? Слышь, друг...

Опираясь на плечо Истра, молодой человек поднялся. Вроде бы ничего, ноги держат. А вот только отпустил плечо и попытался сделать шаг – ка-ак шатнуло, едва в кусты не улетел, хорошо, Истр опять подхватил.

– Стой, стой, не падай! Брат, если чего-то тебе надо, попроси меня, я все сделаю!

– Тебя?

А почему бы и нет, в конце концов? Раз тут связи никакой не имеется, а до соседнего поселка Родион самостоятельно при всем желании добраться не в силах, то придется послать бойца...

– Истр, запиши-ка где-нибудь номер...

– Запиши? Что это значит?

– Хочешь сказать, что ты и писать не умеешь?

– Василий умел. А я на греческом и говорить-то не могу, куда там писать!

– О боже! Ну, может, хватит издеваться-то?

– Ты говори, что хотел сказать – я запомню.

– Вундеркинд ты наш! Ну, будь по-твоему.

Родион назвал номер, и парнишка тут же повторил его в точности.

– Ну, действительно, вундеркинд! – Родион удивился. – Не ожидал даже. Значит, слушай. Сбегай в соседний поселок, в любой, где цивилизация, позвонишь по этому номеру, скажешь, что со мной все в порядке, я мол, у вас. Заблудился, на праздник попал... В общем – завтра в лагере буду. Все запомнил?

– Истр! – Из кустов выскочил белобрысый парень с коротким копьем в руках. – А мы тебя везде ищем! Пошли, скоро наш пляс.

– Так успеем еще.

– Всевид тебя зовет.

– А, Всевид! Брат, ты тут без меня...

– Обойдусь, обойдусь! Ты только позвонить не забудь. Сам понимаешь – люди волнуются, ищут.

Кивнув, Истр убежал, смешался с группой юношей. Позвонит? Обещал ведь. А в целом – хорошо здесь! И костры эти, и синяя звездная ночь, и пляски девчоночьи. Классно как все организовано, жаль, туристов нет.

Видать, генеральная репетиция перед началом нового сезона, и пока тут Родион – единственный зритель. Но ведь сколько тут сотрудников, и все с детьми – девчонки и мальчишки так и кишат. Неужели мобилы ни у кого нет? Ах, тут же связь не работает...

Остается надеяться на Истра. Или стоит у кого другого спросить? Истр все-таки немного странный...

Чуть приподнявшись, молодой человек ухватил за подол рубахи пробежавшего мимо парнишку лет двенадцати:

– Слышь, пацан! Мобильника не дашь позвонить, а? Очень надо, правда. Всего-то пару слов сказать.

Мальчишка непонимающе хлопнул глазами и вдруг расплылся в улыбке:

– А! Ты – Рад из болота? Про тебя рассказывали! Ты славный воин, болотный Рад! Твой род мог бы тобой гордиться.

О боже, боже, опять! Они тут что, все такие? А не дать бы этому пацаненку леща? Треснуть по шее пару раз, чтоб не выпендривался? Не полный же он идиот. По виду – вполне нормальный.

– А ну-ка... – Родион попытался подняться, но его снова шатнуло.

Ну и бражка! Не нужно было так пить. Хотя теперь-то чего уж...

Пацаненок тем временем убежал, а Родион все сидел, прислонившись спиной к толстому дереву, и трезвел понемножку, а тем временем смотрел на костры, на девичьи игры, на то, как далеко за лесом заходит солнце.

Дидо праведный Сварог, дуй – подуй, дуй-подуй,
Коло Сварожье золото колодуй, колодуй...

– пели девушки, и под звуки старинной красивой песни Родион сам не заметил, как задремал...

В себя он пришел на широкой лавке в одной из хижин и сначала никак не мог понять, где находится. И почему без одежды? Потом резко сел, откинул покрывало, но тут же стыдливо прикрылся, ибо в открывшуюся дверь вошла Радонег с горящей свечой... нет, это была длинная щепка с огоньком на конце. Лучина, что ли?

– Хорошая вещь! – Поклонившись, девушка вставила лучину в кованный светец над кадкой с водою. – Из березового топляка делана, потому и горит видишь как? Ярко и почти без дыма.

– Это ты меня... Ну, сюда приволокла?

– Я, – Радонег засмеялась и кивнула. – Вдвоем с Истром.

– А Истр ходил ли... В смысле, где он?

– Спит уже – время-то позднее.

– А ты что же?

– А я пришла к тебе, Рад! Ты же наш гость.

Ничего не добавив, девушка снова поклонилась и вдруг стащила с себя длинную рубаху. Ни белья, ни чего-то еще под ней не оказалось.

– Эй-эй, – Родион удивленно моргнул. – Что, вот так сразу?

– Мы все хотим, чтобы тебе было хорошо, гость наш! – Радонег уселась рядом, распустила косу, посмотрела игриво – голенькая, красивая, просто фея из сказки! – Ну, что ж ты? Иль я не красивая? Худая?

– Да нет, что ты!

– Тогда...

Их губы слились в поцелуе, долгом и жарком, молодой человек прижал девчонку к себе, обнял, чувствуя, как твердеющие соски приятно щекочут кожу.

И вот уже молодые тела сплелись в волшебном узоре вспыхнувшей страсти, став на какое-то время единым целым, девушка застонала, выгибаясь и закатывая глаза, Родион же совсем потерял голову. Было от чего – забыл и про своих, и про здешних. Только блестящие зеленые глаза, колдовские, манящие, только пленительные изгибы юного девичьего тела, жар призывно открытых губ, любовная нега... и стоны, стоны, стоны... вскоре сменившиеся расслабленной тишиной, не нарушаемой ни единым звуком, какая бывает только в деревне. Лишь слышно было, как потрескивает лучина да где-то на улице зашелся лаем пес, но тут же взвизгнул и замолк.

– Что-то наш пес беспокоится. – Девушка встрепелась, приподнялась на локте.

– Какая ты красивая, Нега! – Родион нежно погладил ее по плечу.

– Что-то он нехорошо лаял. Недобро. – Радонег живо натянула рубаху. – Пойду-ка взгляну – может, кто чужой?

– Да брось ты, – тихонько засмеялся гость. – Ну, мало ли на кого собака залаяла? На то она и собака.

– И все же выгляну. Может, стоит разбудит наших?

– У вас что, сторожа нет ночного?

– Сторожа? – Девчонка почему-то сделала ударение на второй слог. – Как не быть? То-то и непонятно. Гляну!

Она выскользнула наружу, и от хлынувшего в открытую дверь сквозняка пламя лучины дрогнуло и погасло. Впрочем, сквозь малюсенькое оконце уже струился серый утренний свет. Или это еще месяц сияет?

Что-то долго не идет Нега... Черт побери! Вот это приключение! Вот уж верно сказано – не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Ну и ориентирование в этом году получилось! М-да-а, сориентировался... Однако хватит тут расслабляться, утром к своим надо двигать, в лагерь! Интересно, Истр выполнил просьбу, позвонил? Хотелось бы надеяться...

С улицы вдруг послышался крик, но тут же оборвался, как и собачий лай перед этим.

Быстро одевшись, Родион выскочил из хижины. Обширный двор Доброгаста был залит призрачным светом месяца, все постройки отбрасывали смутные тени. Небо начинало светлеть, а вдали за лесополосою занималась заря.

– Нега! – осматриваясь, тихонько позвал юноша.

Никакого ответа.

– Нега, ты где?

Родион подбежал к плетню – показалось вдруг, будто на нем что-то висит. Мешок, что ли? Нет, померещилось... Он заглянул за кузницу – и не удержался от крика, едва не споткнувшись об ничком лежащую у плетня девушку.

– Нега, ты?

Молодой человек схватил девчонку за плечи, перевернул. Точно, это была Радонег! Распахнутые глаза недвижно смотрели в небо, а в груди торчал обломок стрелы.

Глава 5

Южная лесостепь

Россия, вперед!

Поначалу Родион подумал, что это продолжение спектакля для будущих посетителей музея. Но уж слишком натурально все выглядело. Даже кровь...

– Нега! Нега! Ты что? Ну, хватит уже. Вставай!

И сердце не бьется! Черт! Что тут такое происходит?

На соседнем дворе что-то звякнуло, послышались грубые голоса, смех. И вдруг кто-то закричал протяжно и громко:

– Го-о-оты! Готы! Го...

Крик оборвался так же резко, как и прежние. Но кричавший старался не зря. По деревне уже слышались голоса, люди выбегали из домов, вооруженные разным холодным оружием. Еще и военно-исторический клуб у них тут? Но, черт побери, как...

На глаза ему попался Доброгаст в кожаном доспехе с металлическими бляшками; кое у кого из мужчин и парней имелся римского типа панцирь, у некоторых поблескивали в руках мечи, однако куда больше было секир и рогатин.

– Оровид, Путимysl – к воротам, – деятельно распоряжался староста. – Вы двое – к бане, вы... Ты, Истр, беги к соседям, узнай, что там? Смотри, осторожней!

– Не беспокойся! – откликнулся Истр, вооружившийся рогатиной, с какой ходят на медведя. – Я проберусь. Ждите!

Дождаться не пришлось – парень едва успел тронуться с места, как по всему селению снова пронесся крик:

– Готы-ы-ы!

Из утреннего туманного марева, словно из какой-то мрачной саги, вдруг вынырнули вооруженные люди в сверкающих кольчугах и шлемах, в разноцветных плащах, с мечами.

– Водан! Водан! – кричали они.

С ходу перемахнув через плетень, враги оказались уже во дворе. И закипела битва! Настоящая, без дураков – засвистели стрелы, мгновенно поразив нескольких нападавших. Доброгаст взмахнул секирою, зазвенели мечи...

– Да поможет нам Свентовит и все боги!

Родион находился в полнейшем шоке! Он отказывался понимать, что происходит. Яростные крики, звон клинков, ненависть – не чересчур ли даже для самой убедительной постановки? Здесь убивали по-настоящему – вокруг уже валялись трупы.

Ну, сволочи!

– Рад, держи! – подбежавший Истр кинул гостю копье.

Ага, еще бы знать, как им действовать? Всплыло в памяти, как совсем недавно старшина Дормидонт Кондратьевич учил орудовать штыком на карабине Симонова – коли, раз-два!

– Истр! Что здесь такое про...

– Берегись, брат!

Свистнула рядом секира, и Родион едва успел уклониться. Не присел бы – снесли бы голову.

Гот – или кто он там был, этот негодяй – подбежал сзади, из-за кузницы. А с ним еще целая толпа. С бандитами тут же схватился Истр и прочие Доброгастовы парни. Хлопать глазами было некогда: глядя на врага, Родион вдруг во всей отчетливости понял – этот молодой,

еще безбородый воин в низко надвинутом шлеме и с мечом в руках намерен его убить! Просто как врага – ничего личного.

В-вух!

Радик рефлекторно отбил меч лезвием копья и отпрыгнул в сторону, внимательно следя за всеми движениями нападавшего. А тот действовал незамысловато – пер напролом, как трактор, размахивая мечом.

Удар! Удар! Удар!

Хорошо, копьё попалась крепкое, да и парень этот был весьма предсказуем. Глаза его смеялись, выражая полную уверенность в победе. Но Родион, как и учил старшина (вот кому спасибо!), сжимал копьё и смотрел как бы сквозь противника, что позволяло вовремя замечать любое намерение. Точно зная, куда будет нанесен следующий удар, Радик успел уклониться, отскочил и тут же сделал, как учил старшина – коли, раз-два!

Гад успел подставить щит – круглый, красный, с большим блестящим умбоном, хорошо видным в утреннем свете.

Бум-м!

С силой воткнувшись в щит, копьё застряло. Родион был озадачен: что теперь делать-то, как вытащить? Не ногой же упираться – достанет мечом.

Ну, тогда черт с ним, с копьём этим. Готу теперь тоже от щита проку мало. Наверное, сейчас попыбует перерубить древко.

Но нет – враг просто отбросил щит, захохотал, закрутил над головой меч и бросился на безоружного парня.

Оставалось одно: ноги в руки и бежать. Радик живо скользнул в кузницу, но гот не отставал. Под руку попался серп, хоть и без рукоятки, и Родион метнул его в преследователя, однако тот отбил бросок, с торжеством ухмыляясь, и снова полез вперед. Родион отскочил, но споткнулся и упал. Вражеский меч взвился, будто железная птица, жаждущая крови...

И застрял, зацепившись за балку – всего на какой-то миг, но Радика вполне хватило времени, чтобы метнуть подвернувшийся под руку молот. Тяжелое орудие труда, конечно, летало плохо и недалеко, но угодило врагу по ноге, и тот взвыл от боли!

Не тратя ни секунды даром, Родион сунулся было наружу, но гот не пустил. Теперь он прихрамывал, но меч держал так же крепко. Гад, ведь едва не достал!

Они закружили по кузнице вокруг столба, подпиравшего крышу. Родион метал в противника все, что попадалось – косы, подковы, гвозди, но враг, уверенный в успехе, лишь ухмылялся. Сделав обманное движение, хитрая сволочь загнал-таки Радика в угол и засмеялся, уже считая себя победителем. Сейчас ударит в шею – с размаху, слева, разрубит чуть не напополам, если меч острый. Веселится, сука! Родион прижался к стене. Ну, давай, бей!

Мгновенно пригнувшись, юноша дернулся в сторону, к кузнечным мехам и горну, схватил горсть золы и швырнул противнику в глаза, надеясь выиграть хоть какое-то время. И в этот самый миг увидал в ближайшем углу аккуратно поставленные рогатины на крепких тяжелых древках. Такими не помашешь – бить надо наверняка.

В-вух! – опять свистнул над ухом меч. Схватив копьё, Родион очень вовремя подставил древко, потом отскочил, примерился и, как учил старшина, сделал резкий выпад, ударив прямо в прикрытую блестящей кольчугою грудь. Гот попытался отбить удар, но куда там! Не спасла и кольчуга. Слабый скрежет железа... противное чавканье... И вот уже гот, с удивленно выпученными глазами, медленно сползает по стене...

Гот затих на полу, лишь изо рта вытекла тягучая черно-красная струйка. А Радика, едва он осознал, что сделал, тут же вытошнило прямо на мертвое тело – всем тем, чем вчера закусывал брагу. Тошнило долго, до желчи, но все никак не верилось: он, Родион Миронов, только что убил человека? Заколол копьём... Господи! Это же была защита, самооборона... И все равно – ужас что такое.

Юноша поднял вражеский меч – тускло блеснуло лезвие, и тяжесть оружия в руке неожиданно показалась приятной. А снаружи доносился непрекращающийся шум битвы. Стыдно воину отсиживаться в кузнице, надо помогать своим. Ничего другого, похоже, и не остается.

С мечом в руках молодой человек выскочил во двор и без раздумий ринулся в гущу битвы, на помощь Истру – парень из последних сил отбивался аж от троих.

– Водан! Водан! Эрмольд! – орали готы.

– Свентовит! Сварог! Велес! – славяне тоже призывали своих грозных богов.

Вокруг слышался звон мечей, крики ярости и боли, стоны раненых... Бей! Коли! Убивай! Все бегали с выпученными глазами, кидались один на другого, толпа на толпу, мешая своим же. А тут – втроем на одного. Сейчас ведь достанут пацана!

– Держись, Истр! – отмахиваясь мечом от выскочившего на пути врага, Родион бежал, влекомый колдовской музыкой битвы, орал, как все, ибо иначе было нельзя. – Россия, вперее-о-од! – выкрикнул он первое, что пришло в голову.

Удар! Удар! Удар! Эх ты, гад... ты так, да? Вот тебе, на! Получай!

– Держись, Истр!

– Бей их, Рад, рази! Заходи слева! – командовал Доброгаст.

Не слабый старик оказался: тяжелая секира на длинной рукояти бабочкой порхала в его руках, сокрушая головы врагов, словно гнилые поленья – хэк! хэк!

– Россия-а-а-а! А-а-а-а! – Вращая глазами, Родион пробился-таки к Истру, встал рядом, по пути полоснув мечом одного из врагов.

– Брат! – на миг скосив глаза, улыбнулся парнишка. – Я рад, что мы вместе!

– И я...

Бам-м!

Звякнули, взорвались разноцветными искрами скрестившиеся мечи, раздался скрежет.

А здорово оказалось орудовать клинком! Как удобно лежал в руке трофейный готский меч, как влек вперед, как жаждал крови! И парировал, отбивал удары, рубил – ловко, будто сам по себе! Видно, не даром мечам давали собственные имена! Интересно, как зовется этот?

Родион погрузился в стихию битвы, чувствуя, как поет душа, словно ничего естественнее и быть не могло. Звон мечей, свист стрел, стоны и кровь врагов – что может быть лучше для воина? Особенно когда в руках надежный меч, пусть даже и готский.

Удар! Удар! Удар!

Родион и сам раньше не знал, что в нем таится подобная ярость! Шум сражения, запах вражеской крови наполняли все существо непередаваемой радостью.

– Россия-а-а-а! Россия, вперед!

Глава 6

Южная лесостепь. Поселок

Тризна

Очнулся Родион сидя на вытоптанной траве у самых ворот, распахнутых настежь. Левой рукой он опирался на плетень, правой сжимал красный от крови меч. Никаких готов вокруг больше не было – вместо звона клинков и яростных криков по всему селению раздавались лишь стенания да бабий вой, протяжный и жуткий.

Уцелевшие Доброгастовы парни расхаживали по двору, деловито собирая трупы. Своих складывали отдельно, врагов – отдельно. С готов при этом стаскивали кольчуги и кожаные панцири с блестящими металлическими деталями. Не гнушались и поясами, и обувью – все это кидали в кучу.

Господи! Что же тут такое было-то?

Родион покрутил головою, окончательно приходя в себя. Над дальним лесом вставало солнце – красное, словно напитавшееся кровью; от кузницы, амбаров и хат тянулись длинные тени.

Боже! Радонега! Неужели...

– Ты славно бился, брат! – К нему подбежал Истр, поклонился.

Слава богу, парнишка выглядел здоровым, лишь левая рука ниже локтя была обмотана кровавой тряпичей.

– Задели все-таки?

– Так, чуть-чуть. – Подросток пожал плечами и рассмеялся.

Веселится, ишь ты! У них тут что, каждый день такое?

– Если бы не ты, Рад, меня бы точно живота лишили!

«Убили бы» – понял Родион. Он вообще на удивление хорошо понимал местный диалект, будто внутри сидел переводчик.

– Слышь, Истр... – начал Родион, но запнулся и поморщился: опять вдруг замутило. – Можешь мне объяснить: что тут такое случилось-то? Кто эти отморозки, откуда взялись?

– Это готы! – усевшись рядом, хмуро пояснил Истр. – Ты что, не узнал их клич?

– Ах, да... Они что же, живут с вами рядом? Община у них целая?

– Не сказать чтобы рядом, скорее далеко. Но, вот... пришли.

– Надо срочно сообщить в полицию! – Родион встрепенулся и в волнении схватил приятеля за плечо. – Понимаешь, у меня даже в голове не укладывается – как такое могло случиться? Совершенно открытый беспредел! Бандитский налет! У вас так часто бывает?

– Нет, – подросток покачал головой. – Не часто. Очень редко. Последними гунны приходили, но я помню плохо – мал еще был.

«Бо детеск», он сказал...

– Такое нельзя оставлять безнаказанным! – сплюнув, твердо заявил Радик. – Ни в коем случае!

– Верно говоришь! – Истр одобрительно хмыкнул. – Мы и не оставим. Вон, посмотри, Доброгаст идет, довольный такой. Еще бы! Боги на этот раз были милостивы – мы отбили и не так уж много людей потеряли.

– Они тоже потеряли немного, – Доброгаст улыбнулся, показав крепкие желтые зубы, и пригладил волосы. – Ты славно бился, Рад, гость наш! Меч пел в твоих руках, словно птица!

– Не понравилась мне эта музыка, – невесело отозвался юноша. – В полицию пойдете заявлять?

– Пойдем... – староста на секунду задумался. – Пойдем, глянем. Осмотрим врагов. Сегодня же похороним всех с честью!

– Похороним? А как же следствие, экспертиза? Их надо всех в морг отвезти, и поскорей сообщить хотя бы участковому. Ну, вы, думаю, уже это сделали.

– Мы сделаем все, что нужно! Вставай же, гость и славный воин. Идем посмотрим.

Убитые налетчики уже были освобождены от доспехов и шлемов, а кое-кто – и от рубаш. В целом насчитали девять человек, все как один молодые парни. Этому, что с краю лежит, больше пятнадцати не дашь – ему бы книжки читать, на лето заданные, а не... Господи... И все равно жалко! И Радонегу жалко... и даже этого готского паренька с пробитой грудью, бурой от запекшейся крови.

– Ну? – Доброгаст взглянул на молодых спутников. – Что скажете, парни?

– Мы славно бились!

– Это понятно, – староста слегка поморщился. – Но я сейчас не о том.

– Здесь только молодежь, нет ни одного по-настоящему взрослого человека... – тихо промолвил гость. – И во время сражения я ни одного зрелого не заметил.

– Верно, Рад! – Старик кивнул. – У тебя острый глаз. Учись, Истр. Все так – одни молодые парни, думаю, еще не женатые. А что это значит?

– Я понял! Понял! – неожиданно взвился Истр. – Готы... они... они сделали, как в старину – собрали дружину! Но гунны вряд ли стерпят!

– Может, и не стерпят, – согласился Доброгаст. – А может...

– А что если и нам возродить дружину? – Подросток распахнул глаза, обмирая от собственной дерзости. – Как было в старые добрые времена, при воеводе Радомире! А что? Гунны сейчас далеко, тем более мы платим им дань.

– Как и готы.

– Ну, вот! Им же позволили...

– Откуда ты знаешь, что позволили? Готы коварны и хитры.

– Никогда не думал, что они так близко.

– Вряд ли так уж близко. Но вот эти пришли, – Доброгаст с усмешкой кивнул на убитых. – И нашли здесь то, за чем явились.

– Так и нам нужно собрать дружину! И еще выстроить укрепления, настоящий град, как у ромеев! Я про них слышал от Василия.

– Ты еще молод, Истр. – Староста вновь покачал головой. – Еще очень и очень молод. Наши предки никогда не строили укреплений – было незачем, но сейчас, как видно, настала пора, в этом ты прав, сын мой. А вот дружина... Три, четыре дюжины молодых мужчин станут воинами и будут заниматься только войной – мы не сумеем их прокормить! А богатых соседей, чтобы жить за счет добычи, у нас нет. Ты сам видишь, на счету каждая пара рук, особенно сейчас, когда впереди уборка урожая. Да, были прежде дружины, но в те времена были возможности их содержать – многолюдные селенья, ремесло, торговля с Римом... Давным-давно, еще до прихода гуннов. Они все разорили, словно смерч пронесся. Даже горшки с тех пор вручную лепим, только для себя, а ведь наши предки торговали посудой! Вот укрепления, думаю, к зиме выстроим – выроем ров, поднимем вал. А дружина...

– Но ты мог бы хоть немного научить молодых владеть мечом! – взмолился Истр. – Ты же умеешь!

– Умею, – Доброгаст усмехнулся в усы и кивнул на Родиона. – Наш гость тоже умеет. И очень неплохо! Если сможете уговорить, пусть он вас поучит.

– Ага, меня бы кто поучил! – с ходу отмахнулся юноша.

Сказал и тут же осекся, вспомнив вдруг, как уверенно держал в руке клинок – и как тот жаждал крови, будто живой, как рвались сухожилия врагов, трещали кости...

И неужели он, Родион, всему этому радовался еще совсем недавно? Точно, радовался, чего уж перед самим-то собой притворяться?

Идиот... А эти двое сумасшедших – старый да малый? Рвы копать собрались, дружину заводить. Какие, на хрен, рвы, когда тут такое? Сейчас вот-вот ОМОН явится, следователи приедут, показания брать будут... А эти дебилы еще тризну какую-то справлять собираются. Сумасшедший дом тут, а не музей этнографический. Свихнулись они тут все, помешались на древности.

– Вы тут снова про похороны говорили, или мне послышалось?

– Тебе не послышалось, о доблестный гость наш! – пафосно изрек Доброгаст. – Да, мы устроим сегодня тризну, достойно похороним павших.

– С ума тут все посходили, что ли! – не выдержал наконец Родион. – У них убийства массовые, а они шоу устраивать собираются, пляски на костях!

– Да, плясать будем! Не сомневайся, в последний путь мертвых проводим как полагается! Во славу богов.

На все у них один ответ – во славу богов! Как с ними разговаривать? Психи ненормальные, давно уже можно было догадаться. Где их набрали столько? Но тогда другой вопрос возникает: кто им музей доверил? Да и кто были те отморозки, пресловутые «готы»? Конкурирующий дурдом? Господи... Скорей бы полиция, следствие... Хоть что-то бы прояснилось. Хоть бы один нормальный человек появился! А до тех пор...

Родион посмотрел в небо, где желто-белым шаром сияло жаркое солнце.

– Знаете что? Пойду-ка я прогуляюсь. До своих дойду, здесь недалеко. А если полиция спрашивать будет, скажете, на турслете я, в лагере. Миронов Родион Даниилович. Ну, все, пошел...

Никто его не удерживал, все были заняты делом: девушки подметали двор, мужики чинили плетень и ворота, да и от всех прочих дел по хозяйству никто никого не освобождал.

В целом музейная деревня от налета не пострадала, лишь на соседнем дворе дымились крыши, и то начавшийся пожар уже тушили, заливая пламя огромными бадьями воды из колодца. Интересно, у соседей тоже трупы валяются? Но хозяевам все равно, потому что они такие же сумасшедшие? И у всей деревни тот же диагноз? Ладно, сейчас полиция приедет – разберется. Умышленное убийство бы только не повесили, хотя не должны – тут ведь необходимая самооборона выходит.

Ну и отморозки в селе орудовали! И, главное, – зачем, почему? Допустим, имелись у музея конфликты с местными, но не до такой же степени! Радонегу вон... стрелюю... с-суки! Заигрались в старину, сволочи... Ничего, сейчас следствие начнется... И уж он-то, Родион, молчать не будет, ему скрывать нечего.

Миновав околицу, молодой человек зашагал по дорожке, накатанной явно не автомобильными шинами, а скорее тележными колесами, и, пройдя через поля, поднялся на холм. Не обнаружив в пределах видимости асфальтированного шоссе, в задумчивости спустился к речке – не широкой, зато с омутками, плесами и песчаными пляжиками на излучинах. С рекой все было как положено, вот только загорающих что-то нет. Или уже докатились слухи о ночном побоище? Деревня – она и есть деревня, всегда все всё про всех знают.

Правда, рыболовы имелись – и на берегу, и на лодках, причем только дети.

– Ловись рыбка большая и маленькая! – спустившись, помахал им Родион. – Мне к шоссе как выйти? Ну, к дороге?

– Ты из Доброгастовых? Из села? – откликнулся с лодки маленький рыжий парнишка, веснушчатый, с оттопыренными ушами.

– Оттуда.

Усевшись на мостки, путник устало вытянул ноги, посмотрелся в речку – м-да-а... Вот ведь будет фурор, когда он в таком прикиде в лагере покажется. Вышитая рубаха, башмаки с обмотками, пояс... Меч – Господи, его-то зачем взял? Забыл оставить.

– На дорогу, говорю, как выйти-то?

– А у нас нет дороги, дорога у вашего Доброгаста. – Сидевший в лодке пацан неожиданно засмеялся. – У нас один зимник да гать через болото.

– Зимник, – передразнил Родион.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Трупы настоящие, от этого никуда не денешься. Опять Радонега вспомнилась – совсем еще девчонка была... Сволочи!

– В вашем селе телефон есть?

Мальчишка не ответил – то ли не понял, то ли не услышал. Родион повторил вопрос, на этот раз громче, но с тем же результатом.

– Не хочешь отвечать, и не надо, уши бы тебе надрать... – проворчал Родион и, сплюнув, поднялся на кручу, а там зашагал вдоль берега к лесополосе, которая отсюда казалась густой непроходимой чащей. Еще посмеивался над собой: – Вот чучело! Давно надо было вдоль речки к лесочку двинуть, а там и лагерь. И пяти километров не будет, скорее даже три.

Тропа тянулась мимо лугов, поросших высоченной травой; радовали глаз бесчисленные цветы – трехцветные полевые фиалки, синие васильки, лиловые колокольчики, нежно-голубые незабудки, розовые бутончики клевера, желтые купальницы и лютики, ромашки... Раньше Родион как-то не замечал, что здесь столько цветов, даже когда шел по этой самой тропке с Катериной Олеговной.

Вот и лесополоса... густая, однако, натуральный лес! Где тут дорогу искать? Лучше по-прежнему вдоль реки идти.

Прошагав километров пять – сперва в одну сторону, потом обратно – никакого лагеря Родион не обнаружил и понял, что заблудился. Снова спустился к реке, немного отдохнул, напился, потом выбрал на обрыве кривую сосну и вскарабкался чуть не на самую вершину. Огляделся – от открывшейся перспективы захватило дух!

В оранжево-золотых лучах заходящего солнца блестела река, вдалеке хорошо просматривались и лес, и знакомое селение, и еще несколько хуторков из трех-четырех домишек, тоже крытых соломой. Да что тут у них, нормального человеческого жилья совсем нет? Какого же размера этот исторический заповедник?

Родион проглядел все глаза, но так и не заметил ни шоссе, ни железной дороги, ветка которой проходила поблизости, ни вышки мобильной связи. Ни силосной башни, ни элеватора какого-нибудь – короче, ни единого признака цивилизации. Одно кондовое унылое сельское бытие! И не диво, что все тут сумасшедшие. От такой тоски хоть вешайся, хоть пьянствуй, покуда здоровье да средства позволят. Впрочем, как говаривал незабвенный старшина Дормидонт Кондратьевич, для винопития поганого деньги не нужны, а нужно только желание.

Прикинув, в какую сторону пойти на разведку завтра, молодой человек слез с дерева и зашагал обратно к селу. А что оставалось делать? Где ночевать? В поселке пусть и психи, но уже знакомые. Даже можно сказать, товарищи по оружию – ведь сражались плечом к плечу. Черт! Как же Радонегу-то жалко! Может, выжила она? А стрела... показалась? Пойти еще раз глянуть? У них ведь «шоу продолжается» – тризну справляют. Да наверное, и полиция уже приехала. Тогда и лагерь отыскать помогут – все документы там остались, без них и личность-то не установишь. На полицию Родион сейчас только и надеялся, ибо на «музейщиков» надежды уже не было никакой.

Пока дошел, стемнело, на косогоре у реки загорелись костры – высокие, почти до неба!

Подойдя ближе, Родион нервно закусил губу. Показалось вдруг... Нет, правда – Доброгастовы родичи сжигали покойников! Что, и Негу тоже?

– Величайся, величайся, Темная Мать, жизнь и смерть, погибель и возрождение, – стоя у самого пламени, громко причитал дед с длинной седой бородою, выглядевший куда старше Доброгаста. – Хладное дыхание за левым плечом и свет далеких звезд, непостижимая, несказанная, несущая ужас и бесконечно прекрасная, юная и старая, ослепляющая маято-мороккой и дарующая прозрение, убивающая и возрождающая – хвалы возносим Тебе! Гой, Черна Мати³!

Родион только диву давался: ну, бред, бред чистый! Да и в целом дед был из главных психов, судя по повадкам. Буйный еще окажется... Клюка в руке, пояс из птичьих черепов, что ли? Или скорее змеиных. Тоже еще – шоумен, Борис Моисеев!

– Вещий Бог проведет вас, внуки Перуновы, из темной Нави к свету Сварожьей кузни, там Отец Сварог перекует ваши души со старых на новые, и Матерь Лада облечет вас в одежды из света, и будет каждому дадено по мере его...

– Рад!

Кто-то потянул за руку, Родион обернулся, оказалось – Истр.

– Рад, вот хорошо, что ты пришел. Я тебя искал. И Доброгаст искал, и все наши.

Паренек лучился радостью, и почему-то она не пришлась Родиону по душе. Искали его! Или это наконец полиция приехала? Что-то машины не видать.

– Вот он я. Где следователь-то? Небось, поговорить со мной хочет?

– Мы все хотим. Ты – добрый воин.

– Следователь, говорю, где? Ну, или кто там – опер, участковый?

– Ты – изгой, – продолжал Истр, не слушая. – Помнишь, говорил, что сирота?

– Сирота, сирота... Куда идти-то?

– Потом. После тризны.

– Ха! – Родион недоверчиво прищурился. – Это что же, полиция тут до утра ждать будет?

– Поли-ция? – наконец услышал Истр, но, похоже, не понял. – Это кто? У нас такой девки нет. Я говорю, все мы тебя ждали, дело есть к тебе, Рад! У всех нас, у молодых...

– Какое еще дело? – недовольно переспросил Родион. – Ну, говори, коль уж начал, глазами-то не хлопай попусту!

– Потом! – с неожиданной твердостью заявил подросток. – После...

– Слышь, Истр, а это что еще за чучело? – Родион хмыкнул, указывая на завывающего старика.

– Где? Чучело по весне сжигаем.

– Ну, дед этот – кто?

– Это же Влекумер, навий!

– Типа жрец, что ли?

– Не жрец. Навий, – пояснил подросток, и в голосе его сквозило уважение, смешанное со страхом.

– Да-а... – с сожалением покачал головой Радик. – А говорят, «настоящих буйных мало, вот и нету вожakov»... Вам бы всем тут психиатр не помешал. И санитары...

Влекумер между тем замолк, поняв клюку к небу, словно вслед за взвивающимся ввысь пламенем, что жадно пожирало плоть умерших. В наступившей тишине слышно было, как трещали дрова.

– Истр, а Радонегу что? – шепнул молодой человек. – Ее тоже... того?

– Всех, – так же шепотом отозвался Истр. – И наших, и готов. Только пепел наших мы захороним по обычаям предков, а готов – развеим над рекой.

– Ох! Ох! У-ух! – Влекумер вдруг отбросил клюку и стал кататься по земле, квохча и завывая. – Недоволен Велес, повелитель мертвых! Недовольна Мара, волчица, воющая в ночи! Ух-х... Недовольны духи предков! Полоняника, полоняника надо!

---

³ По «Черной книге Мары» волхва Велеслава. (Прим. ред.)

– Чего это он причитает? – Родион передернул плечами.

– Пленника надо было, – охотно пояснил подросток. – И вместе с нашими на краду.

– Куда?

– На костер! И – к небу.

И это он серьезно? Не улыбнется даже – неужели правда? Но пленника на костер? Что за инквизиция такая? Все-таки это шутка, наверное...

– Эх, что ж вы так... без пленных-то? – не удержавшись, с сарказмом бросил Родион.

– Ты сам видел, как готы сражались! Они ведь знают, что будет с пленными, поэтому никто не сдавался живым. Даже своих раненых прикончили.

– Молодцы, – мрачно усмехнулся Радик. – Что уж тут скажешь?

– Да, готы – славные воины, – вполне серьезно кивнул собеседник.

Пламя, прежде взлетавшее до самых небес, тем временем улеглось. Сразу вокруг сомкнулась тьма, а луна и звезды сделались словно ближе и ярче. При свете их можно было даже разглядеть выражение лиц собравшихся, у большинства почему-то благостное, чуть ли не веселое.

– Сейчас будет пир, – улыбнулся Истр. – Помянем павших, как следует. Эх, Радонег, сестрица моя... Теперь ты на небесах – заступница наша.

Родион ничего не сказал, лишь вздохнул. Радостное настроение Истра как-то плохо подходило человеку, потерявшему сегодня сестру и многих других родственников.

Тут же на траве расстелили холсты, расставили горшки с ухой и кашей, разложили хлеб, большие куски жареного мяса, которое полагалось есть руками, отрезая ножом понемногу. Не обошлось и без медовухи, но теперь гость проявлял осторожность и почти не пил, едва мочил губы, благо в темноте не видно.

Зато Истр... вот уж чудище мелкое! То говорил, не дозволено, а сам уже один рог выдул, за второй принялся. Конечно, Родион ему не отец и не мать. Отец – Доброгаст, а мать умерла вроде. Сама ли умерла? Или тоже убили?

– Ты чего пьешь-то? – Молодой человек ткнул приятеля локтем в бок. – Ведь говорил, что нельзя.

– На тризне можно, – отозвался парнишка. – То приятно павшим. И сестрице...

– Жаль сестру-то?

– Очень! – В глазах Истра блеснули слезы. – Я отомщу, клянусь всеми богами, отомщу этим мерзким готам! Мы все отомстим. И очень скоро. Ты, брат, с нами?

– С вами, а как же? – Родион поспешно спрятал усмешку: не хотелось обижать мальчишку в столь скорбный час. – И далеко эти готы живут?

– Далеко.

Вот и хорошо. Не бесконечен же этот заповедник гоблинов, выберется он когда-нибудь из заколдованного места!

– Пей, брат, поминай Негу... сестрицу... – Парнишка зашмыгал носом, но быстро овладел собой. – Доброгаст... Мы хотели поговорить с ним сегодня. Я, Хотобуд, Творимир, Доможир и прочие. И ты с нами. Сегодня поговорим, а завтра отправимся, чтобы до страды вернуться. А сейчас пляски будут.

Кроме плясок им заняться нечем!

– Истр, дружище, скажи-ка – а полиция когда приезжала?

Да только опоздал Родион с вопросами – парнишки уже рядом не было. Скинув рубаху и схватив копье, Истр вместе с другими парнями встал в круг возле костра, в который навий Влекумер подкинул дровишек. Как говорится – гори-гори ясно, чтобы не погасло!

– Зрите, сородичи: ветры буйные – внуки Стрибожьи реют во небе! – Факелом Влекумер указал вверх, куда поднимался густой черный дым. – Слава!

– Слава! – отозвались люди, простившись с ушедшими.

– Ладья Дивия над землей летит, птицы ирийские ей путь указуют! Слава!

– Слава!
– Зрит род небесный – родные боги и предки наши, честных потомков своих! Роду Все-
богу Вседержителю Всесущему – слава!
– Слава!
– Роду небесному и предкам святым – слава!
– Слава!
– Роду земному и всем сородичам честным, по Праву живущим – слава! Дедам и праде-
дам, щурам и пращурам рода, старшим во роду нашем, во свет ирийский ушедшим – светлая
память! Гой!

Кто-то забил в бубен, тревожно и страстно, парни выстроились в две шеренги перед кра-
дой. Поклонились, подпрыгнули и по знаку махнувшего клюкою жреца начали битву – ибо
танцем происходившее нельзя было назвать. Подростки целили друг в друга копьями вполне
серьезно, и вот уже полилась кровь! Кого-то ранили в грудь, кого-то в руку... Ага! Истр
нарочно подставился, Родион ясно видел! Рисковый чувак: повернулся левым боком, и нако-
нечник копья сорвал лоскут кожи. Рана быстро закровила, и довольный мальчишка, в свою
очередь, тоже нанес удар по охотно подставленной ладони.

Нет, все же они бились не по-настоящему, и это сильно огорчало жреца, вызывавшего у
Родиона все меньше и меньше симпатий. С длинной узкой бородою и крючковатым носом, с
кустистыми седыми бровями над темными ямами глаз, высокий, худой, но жилистый, старик
производил отталкивающее впечатление, чему сильно способствовали змеиные головы, птичьи
черепа и клюка с головой козла в намершии. И злой шепот:

– Доброгаст, старче, отроки должны биться насмерть!
– Нет! – весьма решительно отрезал старейшина, надо отдать ему должное.

Что и понятно – кому охота множить трупы, особенно после того, что здесь было? А этот
Влекумер – точно сумасшедший! И как такого на свободе оставили? А с другой стороны, здесь
бы всех по палатам разместить – и Доброгаста с Истром, и прочих. Без психиатра тут никак,
надо будет сказать на допросе.

– Наши мертвые будут недовольны... – продолжал бубнить мерзкий старик. – Их некому
сопровождать, им не оказан должный почет!

– С ними целый отряд готов! – Доброгаст оставался непреклонным. – Да не простых,
а молодых и сильных. Это ли не почет? К тому же скоро страда. Мне нужны люди убирать
урожай.

– Смотри – боги разгневаются, тогда и урожая не будет!

– А ты на что? – Похоже, старейшина не испытывал перед жрецом особого трепета. –
Это твое дело – ублажить богов.

Плюнув, Влекумер выдул рог бражки и погрозил кому-то клюкою. А парни все продол-
жали прыгать и размахивать копьями – вот ведь, блин, ансамбль песни и пляски!

А между тем за лесом уже светало. Опять всю ноченьку проквасили: вчера на радостях,
сегодня с горя.

Глава 7

Поднепровье

Охотники за головами

Селение покинули с рассветом. Кроме Истра и Родиона, в путь отправились еще четверо. Хотобуд был из рода Витенега – чернявый, невысокого роста, юркий, с непримечательным лицом и маленьким ртом; он же помогал сразу после тризны договориться со старейшинами. Еще троих дал род Сдислава – Доможира, Оровида и Ятвига. Последний считался старшим над всеми. Угрюмый юноша лет двадцати, с продолговатым вытянутым лицом и презрительным взглядом глубоко посаженных серых глаз, Ятвиг давно заслужил славу лучшего охотника, а потому с явным удовольствием возглавил мстителей. Ему беспрекословно подчинялись Оровид с Доможиром – здоровенные, очень похожие друг на друга парни, молчуны с простоватыми лицами, готовые мгновенно выполнить любой приказ. Хотобуд, правда, тоже в открытую со старшим не спорил, но когда тот не слышал, нередко отпускал язвительные замечания.

Задачи напрочь разгромить какое-либо из готских селений перед маленьким отрядом не ставилось: не хватило бы сил, а больше людей старейшины в ожидании жатвы выделить не могли. Спасибо, хоть этих пятерых отпустили!

– Мы выследим и уьем молодых готских воинов! – заверил Хотобуд. – И быстро – я хорошо знаю тамошние места. Помните, три лета назад мы хаживали туда с ромеем Василием?

– Помним, помним – Василия потом убили вместе со всеми слугами. Ты один и спасся.

– Да, боги были ко мне благосклонны. Я знаю, где готы ловят рыбу и охотятся. Месть будет неотвратимой и страшной – очень скоро мы вернемся с головами убитых врагов!

– Смотрите, не оставьте там свои головы! – посмеялись старейшины.

Истр не слушал насмешек и не боялся поражения. Как сияли его глаза в ожидании скорой мести! Что может быть приятнее сердцу, чем вернуть кровавый долг зарвавшемуся и наглому врагу? Убить молодых воинов – надежду и опору рода!

– Мы поднимем головы врагов на копья и расставим вокруг могильных домиков! – радостно потирал руки подросток. – Я очень доволен, что ты с нами, Рад! Это великая честь – отомстить за погибших.

Родион отмалчивался – он вовсе не собирался ни мстить кому-либо, ни охотиться за головами, и все это безумное предприятие считал блажью. Заигрались ребята «в войнушку», как говорили в детстве, и теперь собираются отрезать чьи-то головы? И эти тоже психи! От своего приятеля Истра он проявлений здравого рассудка уже не ждал, а насчет остальных попытался выяснить дорогой, разговорить спутников, но без особых успехов. Добродушные здоровяки в ответ на все расспросы лишь улыбались, Ятвиг тоже отмалчивался, а оказавшийся самым болтливым Хотобуд нес всякую чушь.

– Да, там есть дороги, и я их ведаю! Железная дорога? Отродясь такого чуда не видывал, даже от стариков не слышал! Кто же такой богатый – железом дороги мостить, этого даже ромеи не могут! Селения? Да, там есть селения, встретятся на пути, но мы не станем туда заходить, незачем зря привлекать внимание. Вышки? Сторожевые? Иногда встречаются. Какие, какие? Со-то-вые? Ты имеешь в виду бортовые деревья? Те-ле-хвон? У нас нет такого слова. Может, Василий бы тебя понял, он тоже иногда говорил похожие слова. Но он, увы, уже покойник. Сказать по правде, ты, Рад, и сам очень непонятный парень. Не обижайся, но это так. Изгой, не помнящий своего рода... Ты был совсем один, но как-то выжил. Понимаю, понимаю: твой род вымер, пока ты ходил на север... Такое случается, да. И что ты намерен делать дальше?

Остаться у нас? Это было бы неплохо – ты славный воин, думаю, Доброгаст с удовольствием примет тебя.

Вот так вот и разговаривали: Хотобуд нес всякую псевдоисторическую чушь да навязчиво расспрашивал Родиона, предпочитавшего, по примеру новых соратников, большей частью отмалчиваться.

Но, при всех своих странностях, эти парни оказались непревзойденными охотниками. Из селения взяли лишь немного соли и лепешек, зато по пути добывали дичь, особо даже не задерживаясь, били копьем рыбу и не испытывали благодаря этому ни малейшего недостатка в пище.

Привалы делали вечером, когда начинало темнеть и становилось невозможно двигаться без риска переломать ноги. У реки, на кособоре, разводили небольшой костерок, запекали на углях добычу, ели, запивая водой.

А вокруг высился лес – темный, недобрый, и над черными вершинами сосен угрюмо сверкали звезды. Родион все удивлялся: никак не думал раньше, что здесь, на юге, существуют такие лесные массивы, к тому же совсем не обжитые.

Подкрепившись, ложились спать в траве под деревьями, а с первыми лучами солнца поднимались и трогались дальше. И снова шли, шли, шли...

Вскоре непроходимые леса сменились зарослями кустарников, а потом бескрайней степью, полной всякого зверья и птицы. По пути частенько попадались деревни, удивительно похожие на Доброгастово село, но их путники обходили стороною, лишь Родион, чуть поотстав, все оборачивался, надеясь разглядеть свет уличных фонарей или красные огни сотовой вышки. Ну, хоть что-нибудь – автомобиль, трактор, велосипед! Один раз, у какой-то неширокой реки показалось – вот они, велосипедисты! Ан нет – просто мальчишки купали коней. И за четыре дня пути он так и не увидел ни единого признака цивилизации: ни железнодорожной ветки, ни шоссе, ни поселка хоть сколько-то современного облика. Ни-че-го!

Впрочем, спутники Родиона нарочно огибали жилые места самой дальней тропой. Проводником служил Хотобуд – на взгляд Радика, парень хитрый и скользкий, словно налим.

Почему они не выходят к цивилизации, хотя бы к шоссе, почему таятся? Неужели и в самом деле задумали убийство?! Пусть даже противники первые начали, но это уже не отнесешь к самообороне – с заранее обдуманном намерением, да еще по сговору... Короче, совсем другая статья выходит, тянет на срок конкретный и осязаемый! И что теперь с этими буйными психами делать? Может, бросить их к черту да свалить? Давно надо было, ведь ради этого молодой человек и согласился участвовать в дурацком рейде! И ушел бы, если бы увидел хоть раз шоссе, поселок, моторную лодку... Хоть что-то знакомое!

К исходу четвертого дня Родион устал уже ночевать под кустами и не столько спал, сколько ворочался. Хоть и натирались какой-то пахучей травой, комары все равно доставали; одно утешение, в степи их стало гораздо меньше, чем в лесу. В этот раз привал устроили не в открытом поле, а в небольшой, но весьма живописной дубовой рощице, где в поисках желудей хрюкали кабаны. Здоровяк Доможир думал было промыслить поросеночка, но Ятвиг с презрительной ухмылкой отсоветовал: мол, не за кабанами мы сюда явились!

Пора, пора сваливать, думал Родион. Чего дальше тянуть? Бросить эту странную компанию, выйти к нормальным людям. На пути они пока, правда, не встречались, так ведь и тропинки Хотобуд выбирал не людные.

Может, стоило и не ходить никуда, а дожидаться полиции в музейной деревне? Если она приедет, конечно, а в этом Родион уже сомневался. Из тех, с кем он успел переговорить на тризне, никого на допросы не таскали, незнакомых людей в селе не появлялось – пешком не приходили, в повозке не приезжали. Повозками местные именовали автомобили. Почему? Что-то слишком много накопилось этих «почему», слишком много странностей. Да и само селение – что это за музей такой непонятный? Хижины, плетни, утварь и прочие экспонаты

есть, а ни кассы, ни туристов нет. А если нет туристов, то шоу-то это дурацкое, тризну, для кого устраивали? Для собственного удовольствия? И нормальные они после этого? Не музей, а сумасшедший дом под открытым небом! И почему-то без охраны.

Уходить нужно, уходить – уж слишком Родион задержался, надеясь увидеть шоссе или что-то в этом роде. Истра жалко – неплохой парнишка, хоть и псих.

Вот только куда идти? Да куда глаза глядят: вдоль реки, а там кто-нибудь и встретится – рыбаки, туристы. Может, и мобильник у кого-то окажется. Ой, хорошо бы! Завтра бы и сказать парням – все, мол, дальше без меня! Но не посчитают ли тогда его предателем? Хуже того – шпионом! Могут и того... Да, эти точно могут! Вдарят секирой промеж глаз... У Ятвига меч, у остальных – копья, луки-стрелы, топоры, ножи.

Луки! Стрелы! Мечи! Слово на тысячу лет в прошлое провалился! А прочему бы и нет? Науке под названием философия это нисколько не противоречит.

Скептически покачав головой, Родион отогнал дурацкие мысли и, прислушавшись, осторожно выбрался из кустов к теплому еще кострищу. Там постоял немного – вроде все было тихо, спутники спали, кто-то даже похрапывал, словно у себя дома на диване. Ха, на диване! Да эти удалыцы небось нормального дивана отроду не видели.

Молодой человек осторожно двинулся по тропе – благо ночка выдалась светлая, лунная, хотя, конечно, все равно приходилось внимательно смотреть под ноги: не хрустнуть бы веточкой, не споткнуться...

Перемещаться бесшумно у него не получалось, но падения удалось избежать, и, похоже, никто ничего не услышал. А Родион был уже далеко – спустился с холма к речке, полной лунного серебра, как на знаменитой картине Куинджи. Втайне надеялся, что повезет наткнуться на какую-нибудь лодку – поплыл бы сейчас по течению куда глаза глядят.

Но никаких лодок он в ночной темноте поблизости не обнаружил. А вот как начнет светать, тут уж нужно не щелкать клювом, быстренько все осмотреть – вдруг да отыщется что-нибудь. А ну как рыбаки есть невдалеке – жгут на бережку костер, травят под водку байки. Огонь в ночи далеко виден!

Родион отошел от воды, осторожно стал взбираться обратно на крутой берег и внезапно услышал шаги. Незнакомый не крался – двигался уверенно. Вот, вышел на берег... какой-то парень... или мужик, черт его знает? Подойти сейчас, спросить, «как пройти в библиотеку»? Кто бы ни был – наверняка местный! Стоит, вроде бы вглядывается...

Тоже обернувшись, Родион заметил на том берегу тусклое пламя костра. Рыбаки! Ну, слава те Господи, наконец-то.

– Не спишь, Хотобуда? – произнесли над головою, и эти негромкие слова в тишине прозвучали, как выстрел.

– Что-то живот схватило, – стоявший на круче повернулся к лесу. – А ты что не спишь, дружка Ятвиг?

– Да я тоже... На костры смотришь?

– Смотрю. Там, за рекой, уже земля готов.

– Слава богам, добрались. Этот Рад...

Услышав свое имя, Родион насторожился.

– Мечом он владеет, не спорю, – продолжали наверху. – Но ходит... Ломится, будто медведь через малинник. Вражеская сторожа его уже сто раз могла убить.

– Могли бы и нас... – Хотобуд хмыкнул. – Если бы...

– Ла-адно! – тихонько захохотал Ятвиг. – Скоро принесем домой целый мешок вражеских голов, а, дружка?

Смех угрюмого парня показался Родину издевательским и нехорошим – как и хмыканье Хотобуда. Создавалось впечатление, что этих двоих связывает некая тайна... если не сговор.

– Варимберт не подведет? – посмеявшись, задал вопрос Ятвиг.

– Не должен. – Хотобуд сплюнул. – Но придется ему...

– Сделаем все, как обещано. Домой вернемся с победой!

Последняя часть фразы несколько успокоила Родиона. Правда, волновался он не за себя, а за Истра. Ну, раз они планируют вернуться с победой...

– Этот новенький... Рад... Не нравится он мне! – заметил кто-то из двоих наверху, кажется, Ятвиг.

– Ничего, тебе ж к нему не свататься! – снова хохотнул Хотобуд. – Завтра начнутся людские места, там и дело с концом. Вернемся с победой, вождь!

– С победой!

Обменявшись еще несколькими словами, они ушли, а чуть погода и Родион возвратился к месту ночлега. Уходить он пока раздумал: одно дело – планировать, а другое – действовать по дурному плану. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! Казалось, легко уйти по берегу вдоль реки, однако даже при луне тропинку видно плохо. А товарищи его – следопыты умелые, начнут искать – найдут. А завтра, Хотобуд сказал, пойдут людские места. Вот тогда и... Может, хотя бы с Истром удастся проститься по-человечески.

Утром солнышко встало в какой-то туманной дымке, но вскоре небо прояснилось. К тому времени «охотники за головами» уже перешли речку по указанному Хотобудом броду и быстрым шагом двигались вдоль полевой дорожки, прячась в глубокой траве от каждого встречного. Последних, несмотря на уверения проводника, оказалось не так много: пацаны с веслами, девушки с граблями и косами на плечах, какой-то вислоусый мужик на запряженной быками телеге. Вот уж экзотика-то! Да и девушки были одеты довольно необычно – в длинные сарафаны с блестящими металлическими застежками на лямках, пацаны – в рубахи с вышивкой, зато без штанов, обуты во что-то типа мокасин.

– Готы! – посмотрев им вслед, с ненавистью прошептал Истр. – Добрались наконец-то! Ну, уж теперь-то мы отомстим за все.

– Смотри, как бы тебе раньше времени не отомстили, парень! – нервно хохотнул Хотобуд. – Если будешь и дальше так высовываться...

– Да кто высовывается-то? – парнишка явно обиделся. – Кто?

– Ладно вам! – поднимаясь из травы, урезонил обоих Ятвиг. – Идем осторожней, с опаской...

Ну, да. Будто они раньше просто так прогуливались!

Вдоль дороги, отделявшей поля от кленовых рощиц, мстители прошли еще километра два или около того, а потом впереди показалось жилье. Это был всего один дом, но весьма необычный, Родион никогда раньше таких не видел: выросший в землю, не менее десяти метров длиной, с дерновой крышей, на которой уже успели вырасти березки. Выглядел он заброшенным – каменная ограда разрушена, тележная колея заросла травой.

– Без окон, без дверей – полна горница людей, – Родион усмехнулся. – Но насчет людей не уверен: похоже, тут нет никого!

– Зайдем посмотрим, – Ятвиг махнул рукой. – Истр, Рад, Хотобуд – оставайтесь на страже.

– Да что тут смотреть-то? – Истр пожал плечами. – Ясно же – он нежилой.

Ятвиг и здоровяки его не слушали – с трудом отворив замшелую от старости дверь, почти присосхнувшую к косякам, скрылись в сумрачном чреве дома.

– Хорошее место для засады, – Хотобуд сделал несколько шагов в сторону реки, узкой полосой блеснувшей за деревьями. – А вон и головы!

Он кивнул на лодку, показавшуюся на излучине, в которой сидели, похоже, те самые пацаны, что недавно попались на пути.

– Головы? – всмотревшись, Истр дернул плечом. – Шутишь! Зачем нам головы детей? Разве этого от нас ждут?

– Шучу, – ухмыльнулся чернявый. – Однако и эти могут пригодиться. Вдруг больше никого не найдем?

– Издеваешься, да?

– Заходите, посмотрите, что тут есть, – раздался голос за спинами спорщиков.

Родион обернулся: Ятвиг и здоровяки вышли, с довольным видом вытирая губы, будто только что из-за стола.

– Что там такое?

– Похоже, то, что нам и надо! Сами увидите. Идите, идите, мы пока посторожим.

Истр с Хотобудом удивленно переглянулись, потом чернявый исчез за дверью. Истр и Родион последовали за ним. Сразу после светлого дня внутри дома показалось непроглядно темно, ибо освещала длинное и узкое помещение лишь распахнутая дверь. А когда глаза привыкли, стал виден обложенный камнями круглый очаг, дощатые нары вдоль стен, вытянутый стол, а на нем крынки, плетенки, деревянные блюда с орехами, вяленным мясом, сушеной рыбой.

– Ятвиг прав – именно это нам и нужно! – осмотревшись, Хотобуд радостно потер руки. – Прекрасное место для засады! Очень удобное.

– Чем удобное-то? – не выдержал Родион. – С чего ты взял, что сюда вообще хоть кто-то придет?

– Объясни ему, друже Истр, а я пока взгляну как следует.

– Огонь бы зажечь, – тут же предложил подросток.

– Не надо. Хочешь, чтоб они потом учуяли дым?

– Да кто? Кто они-то?

– Этот дом не совсем заброшен, – соизволил-таки пояснить Истр. – Видишь, брат, тут оставлена еда, что долго не портится. Это запас для охотников, которым некогда искать пищу. И они, охотники, сюда придут. А кто ходит на охоту? Правильно, молодые нахальные парни.

– Ну у тебя и фантазия! – засмеялся Родион. – Вешаешь мне всякую лапшу на уши. Ну, ладно, поверю, что этим домишком время от времени пользуются охотники или рыбаки. Но с чего ты взял, что они молодые и нахальные?

– Да потому что жилища просто так не бросают! Ты что, сам не понимаешь, Рад? Почему этот дом забросили?

– Да, действительно, почему? – язвительно переспросил Родион. – Может, объяснишь мне, темному?

– Объясняю, коли ты сам не понимаешь. Имелась некая причина оставить такой хороший дом. Либо злой мор бушевал, или кто-то проклял здешний род, или враги вырезали. Дом этот – выморочный, однако охотники здесь ночуют и трапезничают. Кто это может быть? Зрелые люди, умудренные опытом? Конечно, нет! Молодые и дерзкие – вроде нас, те самые, что напали на нас, убийцы моей сестры и других родичей, больше некому!

– Он прав, – подтвердил Хотобуд, вернувшийся из дальнего конца дома с небольшим кожаным мехом, в котором что-то булькало. – Смотрите-ка, что я нашел! Да, молодые готы совсем недавно здесь были. И скоро снова придут – ведь не местным духам они такое богатство оставили!

– Да что там такое-то, Хотобуде?

– А я что, не похвастал? Думаете, брага? О нет – настоящее ромейское вино! Вкуснящее и хмельное.

– Ты что, уже попробовал?

– Вас, что ли, ждать? Ладно, глотните. Да этим, снаружи, оставьте.

Взяв мех, Истр понюхал и, блаженно прищурившись, сделал долгий глоток.

– Пей, друг! – Он протянул добычу Родиону. – Небось еще не пробовал такого у вас на севере?

Одолевая брезгливость, Родион все же приложился к меху. Действительно – сухое вино, что-то вроде «Каберне» или «Мерло». В винах Радик не очень-то разбирался, но это оценил: терпкое, ароматное, с едва заметной кислинкой.

– Давай сюда! – Хотобуд протянул руку. – Ишь, присосался! А то нашим не хватит.

Выйдя на улицу, Родион прищурился от яркого солнца, бьющего прямо в глаза, и поспешно укрылся в тени под ивами, где, привалившись спинами к камням ограды, сидели Ятвиг и здоровяки.

– Что мы нашли, парни! – подойдя, Хотобуд прищелкнул языком и подкинул мех в руке.

– Неужели вино? – поднимаясь, усмехнулся Ятвиг. – Давай-ка сюда!

– Лови, вождь!

– Пейте, парни, – ловко поймав, Ятвиг перебросил сосуд Доможиру. – А я пока спущусь к реке, гляну... Хотобуд, пошли. Вы только все не вылакайте, мне тоже оставьте.

– Договорились! – Здоровяки весело переглянулись. – Конечно, оставим. Ох, Оровид, друже, вот это вино! Не какая-нибудь там брага. Что ни говори, а умеют ромеи делать! На... пробуй...

Второй здоровяк припал к меху и блаженно зажмурился. Родион покачал головой – во дают, ребята! Ромеи какие-то... чушь всякую мелят.

– Садитесь с нами, парни. – Доможир махнул рукой.

– А вдруг кто...

– А Ятвиг с Хотобудом на что? Садитесь, садитесь. Только вот вина вам больше не дадим – вождю надо оставить.

Родион, пожалуй, предпочел бы сходить к речке осмотреться, а не сидеть, но... Голова вдруг показалась тяжелой, словно чугунная гиря, ноги подкосились, перед глазами все поплыло – зеленые кусты, деревья, дом, улыбающиеся лица довольных товарищей... Нет, засыпающих... спящих...

Глава 8

Поднепровье

Яма

– Рад, братушка... А мы где?

Голос Истра доносился словно сквозь пелену, как будто сам воздух затвердел и сделался вязким и тягучим, точно липовый мед.

– Где?

Ох, как голову-то ломило... А все вино! Вино?

Родион дернулся, осмотрелся. Куда делась веселая зелень, река, солнышко? Лишь сверху издевательски сверкали звезды, а вокруг было темно, прохладно и как-то скользко.

– Мы, похоже, в яме, брат!

– Ага... – встревоженный Родион поднялся на ноги. – А то я без тебя не догадался. Фу-у... Ну, тут и вонища! Точно – в яме. А наверху, глянь, решетка... Господи ты Боже! Мы что же – к чеченам в плен угодили? Вот это блин, неприятность... мягко сказать! Слышь, Истрик... А ну-ка, заберись ко мне на плечи, сможешь?

– Запросто!

Повернувшись, Родион уперся руками в скользкую глинистую стенку, а Истр ловко запрыгнул ему на плечи и выпрямился.

– Тут точно – решетка, – послышался сверху его голос. – Кованая!

– Так я и думал... Что еще там видно?

– Добрый кузнец ковал!

– Добрый? Сомневаюсь. Эй, друг, ты там что-то не то высматриваешь. Глянь-ка, решетка заперта?

– Нет, просто камнями завалена. Ну-ка, попробую... И-йэх... Еще разок... умм... – Усилия его сдвинуть решетку Родион очень хорошо ощущал плечами. – Нет, никак! Слишком камней много.

Потный от напряжения подросток спрыгнул обратно на дно ямы и уселся, прислонившись спиной к стене.

– Ну, что еще там видел? – Родион опустил на корточки рядом.

– А что увидишь из-под решетки? Верхушки деревьев да звезды на небе.

– Да-а, дружище, угодили мы с тобой в переплет.

– Угодили так угодили... Послушай-ка, брат! – Истр вдруг подпрыгнул. – А может, готы в свое вино отвар сон-травы подлили?

– Может, и так, – задумчиво согласился Родион.

– Да, да, все вино! А наши, верно, в других ямах сидят. Мерзкие готы! Это ж надо – такое выдумать. Что, выходит, они давно за нами следили? Или уже здесь заметили?

– Ну, что тебе сказать, мой юный друг? Боюсь, круто нас подставили! Что же касается наших... Даже не знаю, что и думать.

Ясно – в плену оказались все. Подпоили, сунули в трейлер, увезли... В Чечню, Ингушетию, Дагестан – где у нас еще рабовладение? В Москве тоже, конечно, есть, но там больше таджиков держат и всяких прочих нелегалов. Хотя, очень может быть, что и в тех криминальных станицах. Почему бы и нет? Тут же беспредел цветет пышным цветом: бандиты станицами владеют в открытую, при полном попустительстве местной власти. Они сами и есть власть – достаточно недавние события вспомнить. Весь Интернет взорвался, даже по телевидению говорили, хотя обычно такие новости у нас замалчиваются.

– Слышь, Истр... Мы, может, и не в Чечне вовсе, а тут, у «станичников», чтоб им пусто было. Здесь же, как я понял, бандиты повсюду – у власти, в полиции... То-то и на ваше побоище не приехал никто! Отморозки кругом полные – другого объяснения у меня просто нет! Одно радует – если нас не убили сразу, а взяли в плен, значит, мы им зачем-то нужны. Олигархам разным мы не родственники, взять с нас нечего. Значит, рабами будем. С чем вас и поздравляю, господин Истр!

– Рабами? – подросток вздохнул и тут же упрямо мотнул головой. – Ну, это мы еще посмотрим!

Некоторое время пленники сидели молча: говорить больше было не о чем. Откинувшись на глинистую стенку, Родион дремал вполглаза, а мысли лезли в голову одна мрачнее другой. Что там говорить, плен – дело гнусное. Выкуп никто не заплатит, придется вкалывать: навоз разгребать, со скотом возиться, чай, тяжелой работы на селе вдоволь. Остается одна надежда – побег.

– Истр, спишь? Нет? Про жизнь свою рассказал бы.

– Так я рассказывал уже.

– А ты не про селение да охоту-рыбалку рассказывай и на древнюю историю не налегай, я уже этим сыт по горло. Зато до сих пор так и не понял – ты в школе учишься или в ПТУ? В техникуме?

– Ромей Василий немного обучал меня своей речи. Когда бывал у нас.

Ромей Василий, да-а-а... Вот и поговорили!

– Так ты что, в школе-то не учился?

– Не понимаю тебя, брат. Опять говоришь как-то невнятно.

– О Боже!

– И постоянно поминаешь какого-то бога, никак его не называя. Что это за бог такой?

– Иисус Христос – надеюсь, понятно? – с издевкой пояснил молодой человек.

– Иисус?! – с неожиданной радостью отозвался Истр. – О да, я знаю этого бога! Ромей Василий и готы...

– Господи-и-и-и... – Родион обхватил голову руками и застонал. – Когда же все это кончится-то, а? Все эти ромей, готы... Ты нормально-то говорить можешь? Вроде ведь не дурак... Извини, если обидел.

Оба ненадолго замолкли.

– Ты очень странный человек, брат, – первым нарушил тишину Истр. – Что я о тебе знаю?

– И что?

– Ты – изгой с севера, спас меня от верной гибели на болоте, доблестно бился с готами и пошел сюда с нами, чтобы мстить. А мог бы и не ходить, ты ведь нам не родич. Но я тебя уважаю, брат! – Подросток шумно вздохнул. – Что еще? Да ничего... Роду-племени твоего я не ведаю, знаю только, что ты честный парень. Нет, не знаю – просто чувствую!

– Сколько тебе лет, Истр?

– Лет?

– Ну, зим... Годов то есть.

– Я скоро встречу свою шестнадцатую весну! – заявил Истр, но поправился: – Встретил бы. Если б не готы, не эта подлая засада! Нет, брат, не обольщайся – не будем мы рабами, не для этого нас захватили. Принесут в жертву в какой-нибудь священной роще или на берегу озера – таких мест у готов множество!

– Опять готы! Кстати, а они разве не христиане? Я где-то что-то такое читал.

– Христиане? Иисус Христос? Ах, да, да... Многие готы уже давно предпочитают Иисуса прочим богам, но не забывают и старых.

– А у тебя еще близкие родственники остались? Кроме Радонегии был кто-то?

– Да полселения! – Истр удивился вопросу. – Сам же видел, сколько нас, Доброгастовых! А Межамир, Витенег, Сдислав – наши соседи, да и с ними мы уже породнились.

– Знаешь что, дружище Истрик? – немного подумав, оживился Родион. – Давай-ка мы так с тобой поступим: я тебе буду вопросы задавать, а ты отвечай быстро. Если не понял – значит, не понял.

– Мы вроде бы так и делали.

– Нет, давай теперь на удивление времени не тратить, а попросту: вопрос – ответ, вопрос – ответ. Ты когда-нибудь куда-нибудь из своего села выезжал?

– Пару раз, на торг, в низовые земли.

– Город ближайший назови, хоть какой-нибудь.

– Город? Они есть на юге, у моря. Я там не был.

– Жаль... В Ростове-на-Дону тоже не был?

– Не понял.

– Ясно, проехали, идем далее. У вас точно – музей?

– Не понял.

– Почему я у вас ни компьютеров, ни телевизоров не видел? Даже мобильных?

– Не знаю таких слов.

– Тогда давай так: я буду просто называть слова, а ты отвечай, знаешь их или нет.

– Давай, – охотно согласился подросток. – Забавная у нас с тобой игра получается.

– Да уж, куда забавней. Особенно если учесть трупы в селе и то, что сами мы в яме. Итак, готов?

– Угу. Начинай!

– Железная дорога.

– Железо – знаю, дорогу – тоже. Вместе – не понимаю! Как дорога может быть железной?

Продолжай – очень любопытно! Никогда в такую игру не играл!

– А в какие играл? Бродилки-стрелялки?

– По лесу бродил, из лука стрелял. Я метко стреляю.

– Кто бы спорил... Компьютер!

– Не понимаю. Ты уже говорил это слово.

– М-м-м... Санкт-Петербург!

– Не понял.

– Москва.

– Не понял.

– Господи-и-и! Откуда ж ты такой взялся, парень?!

– Сам ты откуда взялся? – не выдержав, заорал Истр. – А я – из рода Доброгастова! Говоришь, я ничего не понимаю, а сам-то ты хоть что-нибудь понимаешь? Прости... – добавил он, сникнув. – Не сдержался я, брат.

– Это ты прости... – Родион вздохнул. – Послушай, как ты думаешь, а какой сейчас на дворе год? Лето? Не знаешь?

– Очень даже хорошо знаю. Восемнадцатый год идет, как мой батюшка Доброгаст старейшиной был избран.

– Э... Ну, а если оставить твоего батюшку в покое – вообще какой сейчас год?

– А как год может быть вообще? – с явным недоумением спросил Истр. – Года отсчитывают ведь от чего-нибудь, не просто так. Или ты сам скажи, от чего считать?

– От... – начал Родион и запнулся. От Рождества Христова? От сотворения мира?

– Ромеи обычно считают лета по индиктам, – обстоятельно пояснил образованный парень Истр. – Готы – по правлению своих вождей, гунны... эти я не знаю как. А ты с чего считаешь?

– Со дня рождения Иисуса Христа обычно...

– Откуда я знаю, когда он родился? – Истр пожал плечами. – И кто вообще может знать – когда родились боги? Это бы у Влекумера спросить, может, он знает? Или у Василия. А я думаю, что боги вообще никогда не родились, они всегда были и будут.

Больше вопросов у Родиона не нашлось. Где же этот парень жил все свои пятнадцать весен? В сумасшедшем доме? В секте? В каменном веке? На умственно отсталого, что характерно, не похож – мальчик шустрый и сообразительный, даже в логике ему не откажешь. Вот только логика у него странная донельзя. Дикарская какая-то. И в селе все такие же дикари. А что, известны подобные случаи – находили разные заимки староверческие, где до сих пор семнадцатый век на дворе. Да то все где-нибудь в Сибири, в тайге бескрайней, но чтобы в Ростовской области, населенной и цивилизованной! Разве такое может быть? Не может, а вот ведь есть! Или одно остается – что сам он, Родион, оказался вдруг в ином времени, в далеком прошлом. Правда, это еще труднее представить. Однако ничего другого не остается...

– Слышь, Истр, а ты каких-нибудь римских императоров знаешь?

Слово «римский» он невольно произнес как «ромейский».

– Конечно, знаю, – тут же откликнулся подросток. – Кесаря знаю, Августа, Калигулу, Тиберия, Марка Аврелия...

– А нынче у ромеев император какой? – слабым голосом спросил Родион, с ужасом ощущая, что наиболее ошеломляющая из его догадок подтверждается. Слабоумный или дикарь, не знающий телефонов и телевизоров, не может так бойко перечислять римских императоров, которых и нормальные-то люди не всегда помнят.

– Хм... Сейчас, сейчас... – Истр деловито наморщил лоб. – Василий рассказывал. Ага – на западе, в Равенне – Валентиниан, а в Константиновом граде – Феодосий, кажется. Но насчет последнего не уверен.

«Этого не может быть, – стучало у Родиона в голове. – Потому что не может быть никогда...»

На минутку допустим: Истр ничего не выдумывает, а честно говорит то, что знает. Тогда выходит, сейчас в Западной римской империи правит Валентиниан, а в Восточной, то бишь Византии, Феодосий. И что нам это дает? Когда там они правили? Одно ясно – очень и очень давно! Нет, нельзя верить одному Истру, надо спросить у кого-нибудь еще. А если и другой тех же правителей назовет? И третий, и четвертый...

Тогда, выходит, придется поверить в невероятное! И не железную дорогу и не шоссе искать для возвращения обратно, а что покруче – машину времени.

– Как же домой-то вернуться? – невольно вырвалось у Родиона как отголосок этих мыслей, от которых даже волосы на голове шевельнулись.

– Вот именно, брат! – охотно подхватил Истр. – Я и сам об этом думаю.

– Ты? Мыслитель! Осталось позу соответствующую принять – как у Родена: колени подтянуть, руку на подбородок... Однако, смотри-ка, рассвет! – Родион вдруг обнаружил, что прекрасно видит товарища по несчастью. – Сколько мы с тобой пробазарили, не заметили, как утро настало.

– Это ты не заметил, брат, а я-то давно заметил, – со снисходительным сожалением отозвался Истр. – Кстати, слышишь – сюда кто-то идет!

Родион прислушался и действительно услышал шаги. А вот кто-то нагнулся над решеткой, лица не видно – один силуэт. Что-то спросил – голос мальчишеский.

Как, мол, не сдохли еще, собаки антские?

– Смотри, сам не сдохни! – хмуро пригрозил Родион.

– Ха, братец! – Истр вдруг ударил юношу по плечу. – Вот уж не ведал, что ты знаешь готский. Я тоже понимаю немножко. Раньше почти все наши ведали германскую речь – рядом ведь жили, да теперь не то!

– Ты сказал – германскую речь? – Родион резко обернулся.

– Ну да, язык всех родственных племен – готов, гепидов, скиров. Ромеи их прозвали германцами, а все их земли – Германией. Я слышал, «германцы» значит «люди войска», но не уверен.

– Видно образованного человека...

– О чем языки чешете, собаки? – донеслось сверху.

– А ты что обзываешься-то? – поднял глаза Родион. – Вылезем – уши тебе оборвем! И вообще, что ты приперся? А ну, пошел отсюда, быстро, пошел!

– Да я... я так просто... посмотреть... – Мальчишка был так озадачен подобной отповедью, что даже перестал ругаться. – Нельзя, да?

– Нельзя! Что тут тебе, цирк? Иди куда шел, парень.

– Ну и пойду... – обиделся не в меру любопытный подросток. – И пойду... А вас... вас завтра казнят – вот!

– Ага, казнят. Вот, прямо так возьмут и казнят. Ладно врать-то!

– Нет, не прямо так, сначала судить будут, а потом, после суда, казнят. У нас все по закону, мы ведь не дикари вроде вас, антов!

– Перестань нас оскорблять этой кличкой! – подпрыгнув, прокричал Истр вдогонку уходящему парню.

А Родион лишь сплюнул. Хотел цивилизации – вот она, получите и распишитесь. Казнят не просто так, а по суду. Интересно, какие обвинения предъявят? Да, и еще – как получилось, что он понимает язык готов? Если это действительно готы, так их разэтак через коромысло в двойной тулуп!

Глава 9

Поднепровье

Фея из снов

– Если кто-то лишит человека жизни и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемого по закону, он должен представить двенадцать соприсяжников, которые поклянутся в том, что ни на земле, ни под землею он не имеет имущества более того, что уже отдал. Если же никто не поручится в уплате виры, тогда он должен уплатить виру своей жизнью!

Продекламировав нараспев эту длинную фразу, судья – худенький и сутулый старикашка со злым сморщенным личиком, одетый в темную хламиду до самых пят, – обвел собравшийся на площади люд ехидным подозрительным взглядом и, откашлявшись, поинтересовался: желает ли кто-нибудь что-нибудь сказать относительно «омерзительных и гнусных преступников»? Преступники были привязаны к столбам рядом с высоким дубом, под сенью которого и разместилась вся судебная коллегия, включавшая самого судью, иначе тунгина, его помощников и присяжных – судя по богато расшитым ярким плащам, людей далеко не бедных.

– Я желаю, господин тунгин! – Из первых рядов собравшихся выступил парень лет двадцати или чуть больше, с пижонской бородкой, заплетенной в две жиденькие косички, и со светло-пегой шевелюрой, стянутой серебряным обручем.

Точно такие же обручи блестели на его лодыжках и запястьях, длинная фиолетовая рубаха из плотной ткани была украшена разноцветной вышивкой по подолу и вороту. Довершали наряд узкие штаны, смешные башмаки-мокасины и куцый широкий плащик, заколотый сверкающей на солнце застежкой. К наборному поясу с начищенными накладками были привешены гребень, небольшой мешочек, по всей видимости, кошель, и нож в зеленых замшевых ножнах. Из подобных же ножен на богато расшитой перевязи, только куда богаче украшенных, торчала рукоять меча, золоченая, но без перекрестья. В общем, внушительный облик молодого человека явно свидетельствовал о его высоком положении в обществе. Не красавец, но и не урод, лицо обычное, разве что несколько одутловатое.

– Назови свое имя, о славный юноша, – приторно прищурился глазки, попросил тунгин.

– Я – Эрмольд, сын Годальбоolda, сына Автгальда, сына...

– Достаточно, юноша, мы все хорошо знаем тебя и твоих славных предков, – устав слушать, судья махнул рукой. – Говори по существу дела, славный Эрмольд сын Годальбоolda. Знаешь ли ты этих людей?

Сухонький палец указал на привязанных к столбам пленников – Истра и Родиона. Последнего, надо сказать, это театральное действо весьма забавляло, он даже не скрывал улыбки. И не переставал удивляться: как вышло, что он понимает местный язык, судя по всему, явно германский? Не сказать, что отлично понимает, но на твердую «четверку».

– Да, господин судья, и вы, собравшиеся, – Эрмольд снова поклонился. – Я узнаю этих молодых негодяев. Именно они пять дней назад лишили жизни моего родного брата, юного Ансарда сына Годальбоolda, а также юного Годелинда сына Гунберта, юного Дакбоolda сына Гаутсинда, юного...

– Вполне достаточно, славный Эрмольд. Думаю, собравшиеся и соприсяжники хорошо знают, кто погиб и при каких обстоятельствах, но ты должен еще раз прояснить, как положено по закону.

– С большим удовольствием, господин судья! – Парень осклабился и сверкнул глазами.

Тунгин тоже улыбнулся и обернулся к стоявшим под дубом:

– Есть ли у вас вопросы к этому славному юноше, господа? Прошу задавать по ходу дела.

– Скажи, о славный Эрмольд сын Годальбольда, эти ли двое негодяев причастны к гибели наших молодых воинов? – Вперед выступил тучный бородач с заплетенными в две косы волосями. Выглядел тип забавно, только нес какую-то чушь!

– О да, оба к этому причастны. Тот, что постарше, убивал наших парней мечом, и от его руки пал мой младший брат, мне это известно от очевидцев! – Эрмольд бросил на Радомира ненавидящий взгляд. – А второй – копьем и стрелами.

– У них были еще сообщники, славный Эрмольд?

– Увы, да. Жаль, что не все они сейчас здесь. Но двоих мы все же настигли, а еще двое, жалкие трусы, бежали, покрыв себя вечным позором.

Родион насторожился: стало быть, из прочих «охотников за головами» двое погибли, а двоим удалось скрыться. Кому – неизвестно, но это значит, что может прийти помощь!

Молодой человек усмехнулся: вот и он стал рассуждать, как древний воин. Впрочем, как тут по-другому? Надежда на своевременный приезд полиции уже ему самому казалась напрасной.

Выходит, тот парень, что в кузнице... был братом этого пижона... Да, и в лице сходство заметно, только тот выглядел на несколько лет помоложе. Понятно, что этот... как его... Эрмольд так разозлился! Но должен же понимать – его брат первый начал!

– Речь не о тех, кого вы настигли и кого упустили, – тем временем покачал головой судья. – Прошу, спрашивайте и дальше, господа.

– Хотелось бы знать, почему Эрмольд упустил врагов? – непочтительно выкрикнул худощавый парень с бритым лицом и длинными светлыми локонами, похожий на слегка подгулявшую рок-звезду. – Если уж он рвется стать херцогом, пусть объяснит, как такое могло случиться? Захватил убийцу своего брата и доволен, а остальные могут идти разбойничать дальше, так, что ли?

Собравшиеся загомонили: видимо, этот вопрос волновал многих.

– Эти антские собаки хитры, как хорьки! – покраснев, выкрикнул Эрмольд.

– Не знаю, насколько хитры хорьки, – издевательски пожал плечами «рокер». – Но ты, Эрмольд, на то и херцог, чтобы быть еще хитрее! На что нам глупцы?

– Ах ты, подлый выскочка! – Эрмольд схватился за меч.

– Ой-ой, как страшно!

– Фротберт, помолчи! – прикрикнул на парня тунгин. – Свои личные вопросы задашь потом.

– Потом? Так ведь Эрмольд меня только что оскорбил, при всех, причем два раза, назвав «подлым» и «выскочкой», – с явным удовольствием перечислил «рокер». – А ведь согласно законам, каждое оскорбительное слово тянет на три солида, не так ли?

– Не так, Фротберт сын Витланда! В твоём случае эти слова нельзя считать настоящим оскорблением.

– Ничего себе – не настоящим?!

– Не перебивай судью! Они потянут... на две дюжины денариев каждое. Не больше!

– Пусть так!

– И не отвлекай нас от разбираемого дела. О своих оскорблениях напомним позже, уплатив перед тем судебную пошлину в размере сорока денариев.

– Вот-вот! – убрав меч в ножны, Эрмольд довольно усмехнулся. – Заплати сперва, Фротберт, а уж потом будешь призывать к законности. Так я продолжу, уважаемый господин судья?

– Да, продолжай... Постой, посмотрим, может быть, кто-то хочет задать вопрос. – Тунгин вновь обернулся к собравшимся. – Уважаемый Ротгарн сын Хродравна, ты?

– Да, у меня есть вопрос. – Из тени дуба вышел рослый мужчина с ручищами, словно корни сосны. – Скажи, Эрмольд, при каких обстоятельствах были убиты наши парни?

– Мы отправились на охоту, не имея намерения причинить вред кому-либо, но заблудились и зашли в селение антов, дабы спросить дорогу. Однако они сразу же набросились на нас, будто мы убийцы или дикие звери. Для подлых антов законы гостеприимства – ничто!

– Сам ты подлый ант! – не выдержав, заорал Истр. – Гнусное отродье, засунь свой лживый язык себе в задницу!

– Слышали, господин судья? – Эрмольд вновь взялся за меч. – Может, лучше мне отрезать его грязный язык, пока наши уши не опухли от оскорблений?

– Эй, вы! – Сдвинув брови, судья строго взглянул на пленников. – Мы так и поступим, если вы будете мешать суду.

– Но...

– Молчать! Будете говорить, когда спросят.

– А нас спросят? – хмыкнув, осведомился Родион.

– Если будет на то нужда! – выпренно отвечивал тунгин.

Подобной нужды пока, похоже, не возникало: вопросы задавались лишь с целью «утопить» обвиняемых. Впрочем, этот балаган не затянулся надолго. Взглянув на тень дуба, служившую тут часовой стрелкой, судья прервал обсуждение и откашлялся:

– Дело мне представляется ясным, как и его решение. Подлые убийцы должны понести строгое, но справедливое наказание по нашим законам, ибо своих у них нет.

– Как это нет?! – снова было закричал Истр, но тут же умолк: по знаку судьи воин ударил его кулаком в печень.

Подросток скривился от боли и застонал.

– Итак... Именем славного народа готов и Этцеля рэкса...

«Этцель рэкс» значит «король Атиллы», понял Родион. Надо же, какой интересный спектакль! Эти странные люди на самом деле собираются кого-то казнить?

– Приговариваются к смерти путем сварения заживо в котле! – наконец провозгласил судья.

Напряженная тишина повисла над поселением – площадью, длинными домами под деревянными крышами, каменной высокой стеной, садами и пашнями.

– Да, это гуннский способ казни, – подтвердил тунгин. – Именно ее и следует применять к чужакам.

– Верно! – обрадованно закричал Эрмольд. – Так этим собакам и надо!

– Да, все по закону, – важно закивали помощники. – Все верно. На какое же время назначим казнь, господин судья?

– Полагаю, неплохо будет приурочить ее к какому-нибудь празднику, скажем – ко дню урожая. Думаю, никто не против?

– Я против, если позволите! – Расталкивая собравшихся, к дубу протиснулся высокий мужчина лет сорока, с бритым худым лицом и стриженными в кружок волосами. – Извините, мои господа, я опоздал. – Он поклонился. – Спешил как мог, но...

– Отец Ингравд... – пронеслось в толпе. – Отче...

Родион с интересом взглянул на вновь прибывшего – это еще кто? Священник, что ли? Так они, выходит, христиане? Что же тогда церкви не видно?

– Прошу простить – мой плащ в пыли, а одежда мокра от пота, – отец Ингравд улыбнулся. – Наших погибших детей не вернуть, но я уверен, их светлые души на небесах. Однако не вижу причин казнить этих антов. Месть – удел поганых язычников.

– Да что ты такое говоришь!

– Судья прав! Казнить, казнить их!

Толпа зашумела: священника никто не спешил поддержать, и ухмыляющийся тунгин хорошо это понимал.

– Так что ты нам предлагаешь, уважаемый отец Ингравд?

– Предлагаю сохранить им жизнь...

Толпа зашумела еще более возмущенно, молодежь засвистела, кто-то даже запустил в святого отца камнем, правда, не попал. Не очень-то они почитают служителей церкви! Может, крещены недавно?

– И использовать их для уплаты налога. Налога кровью. Эти двое, похоже, умелые воины. И, клянусь Господом и сыном Его Иисусом...

– Верно! Он верно говорит! Заплатить ими налог!

– Тем самым мы уберем от гуннского рабства двух наших юношей, разве это плохо?

– Хм, – покачал головой тунгин. – Я смотрю, не очень-то ты почитаешь Этцеля рэкса, святой отец. А мы ведь его данники, не забывай. Кстати, еще не известно, как бы все сложилось, если бы гуннам не помогли подлые анты!

– Ну, это давняя история. Относительно же смертной казни епископ наш и учитель Ульфила говорил...

Что говорил «епископ и учитель Ульфила», дослушать не удалось – тунгин снова махнул рукой, раздалось несколько ударов в медный таз или бубен, и все умолкли.

– Да, эти подлые анты достойны смерти, – с неожиданной звучностью промолвил судья. – Но и предложение святого отца заслуживает внимания. А потому я властью своей выношу вопрос на ваш суд, люди! Как в древние времена великих героев, вопрошаю: кто за то, чтобы предать пленных смерти, соберитесь слева от этого дуба, а предпочитающие отдать их в счет налога – выстройтесь справа.

Родион восхищенно присвистнул: а судья вовсе не дурак, хоть и производил на первых порах впечатление чокнутого фанатика.

Народ одобрительно загудел и живо пришел в движение, расходясь на две группы.

Пленники с волнением наблюдали. На суде присутствовали только мужчины, и толпа разделилась примерно поровну. Противники казни выглядели победнее, а стоявшие с другой стороны от дуба начали их переманивать – хватать за руки, обнимать за плечи, что-то шептать, и в итоге большинство проголосовало за казнь.

– Ну и электорат у них тут, – Родион презрительно сплюнул. – Впрочем, у нас в России не лучше: голосуют сердцем, или задницей, или печенкой, но только не головой.

– Слава Господу, сыну Его Иисусу Христу и... – Тунгин покосился на святого отца и уже куда тише добавил: – Нашим древним богам. Вот мы наконец-то разобрались с этим делом, решив его по справедливости и закону.

– Собаки! – ругался у столба Истр. – Разве ж это справедливый суд? Где ж тут законность-то?

– А ты, дружок, на что-то иное рассчитывал? – Родион усмехнулся. – Скорей бы кончился этот дурацкий спектакль.

Дюжие парни отвязали пленников от столбов и потащили обратно в яму. Родион пару раз чихнул от поднятой ими желтовато-серой пыли, конвоиры тоже чихали и ругались.

– Кормить-то нас сегодня будут, деятели? – спросил молодой человек по дороге. – А то ведь помрем до казни.

Все происходившее казалось дурным навязчивым сном: суд, причудливые дома, странно одетые люди. Ну, и яма конечно же, гнусная и вонючая, накрытая кованой решеткой с тяжеленными камнями сверху.

– Еду вам принесем, так и быть, – уходя, пообещал один из стражей. – Благодарите отца Ингравда, псы.

«Псы» не отозвались никак – не было охоты ругаться понапрасну.

– Ну? – Родион искоса взглянул на приятеля. – Что скажешь?

– Многих слов я не понял, не так хорошо помню готскую речь...

– Откуда ты ее вообще знаешь? Учил?

– Раньше, до гуннов, ее все наши знали. Ну, многие. И молодежь обучали по старой памяти – ведь так делали предки.

– Понятно. А мудрые предки не учили выбираться из таких ям? Ведь нас скоро казнят – сварят заживо в кипятке, это ты понял?

– Да понял. Чего уж тут непонятного...

– Дурацкий спектакль! Как и то ваше похоронное шоу. Господи, да когда ж все это кончится-то?

Родион замолчал, задумался – и мысли его не радовали. Одна деревня придурков – это может быть случайность, а вот две – уже тенденция. Станные одежды, странные дома, суд этот чертов. И на протяжении нескольких дней пешего пути ни одной антенны, ни спутниковой тарелки, ни велосипеда, ни автомобиля. Ну, хоть бы кто-нибудь в пиджаке встретился или в шляпе! И в небе – ни единого самолета, даже следов инверсионных нет. Плохо дело, если логически рассуждать, очень плохо. Неужели...

– Что вздыхаешь, брат? Думаешь, как сбежать? Я тоже.

Вот, все эти люди здешние, называющие себя готами, и тамошние, якобы словены или анты. Предположим, что все они психи, актеры-неудачники, сектанты, больные на всю голову члены клубов исторической реконструкции. Допустим, здесь у них слет, как у туристов. Но ведь какие-то вещи современные должны иметься: мобильники, ключи от машин. Ладно, может, их куда-то на хранение сдали – во избежание неаутентичности, как у этих деятелей говорят. Хорошо, но язык? Что, специально готский учили? Но это ведь историком надо быть или лингвистом, доктором наук – способен ли на это обыкновенный придурок? И наберется ли таких сумасшедших гениев на несколько деревень – ведь это десятки, сотни людей! Ну, допустим, свихнулся целый научный институт, хотя, как гласит народная мудрость, с ума по одиночке сходят, только гриппом все вместе болеют. Но неужели никто ни разу не вспомнит, не заговорит о чем-то современном – о политике, спорте, фильмах, музыке, выпивке, наконец! Истру эти вопросы задавать бесполезно, как Родион убедился – тому бы с психиатром пообщаться...

– Я вот думаю, с решеткой мы вряд ли управимся, – негромко произнес в это время потенциальный пациент. Да, отметил про себя Родион, может, Истр и сумасшедший, но точно не дурак. – Копать надо. Тут кое-где мягкая земля, я попробовал. Только...

– Что? – скорее из вежливости спросил Родион.

– Только знать бы, сколько нам осталось? День, два, больше? Когда у них праздник урожая?

– А когда у вас бывает?

– У нас будет дней через дюжину, не раньше – пока страда, сушка, обмолот.

– Так и у них, наверное.

– Нет, у них раньше. Ты же видел – поля уже почти все сжаты, отскирдованы. Боюсь, не так уж много времени нам осталось.

– А что гадать? Сейчас еду принесут – спросим.

– Думаешь, нас кормить будут?

– Так обещали ведь!

– А, тот бритый жрец... Готы верят в бога, распятого на кресте, но не забывают и старых своих богов – те помогают им в битвах.

– Ага... Тс-с! – Родион вдруг насторожился. – Кто-то идет, кажется.

– Точно – идет, – хмыкнул Истр. – Я давно услышал.

Сверху раздались шаги – кто-то подошел к решетке, загородив солнечный свет, что-то поставил на землю.

– Я принес вам воду и пищу. Сейчас спущу, принимайте.

Корзинка, видать, сквозь решетку не проходила, и неизвестный доброхот (или стражник) спускал все по очереди на веревке: кувшин с водой, завернутые в тряпицу лепешки, сливы и груши. Что ж, спасибо и на этом. Подняв голову, Родион поблагодарил.

– Я всего лишь исполняю свой христианский долг, – сухо отозвались сверху. – Ешьте, пейте. Вечером я приду еще или пришлю кого-нибудь.

– А как долго... как скоро нас... – спросил Истр.

– Праздник урожая через два дня. Именно столько вам осталось, увы, ничего не поделаешь.

– Пойдите! – вдруг встрепенулся Радик. – Вы ведь священник, да? Из местной церкви?

– Наша церковь не владеет имуществом, мы – последователи епископа Ария⁴.

Все это ничего не говорило Родиону. «Ария», не «Ария» – какая разница? Узнать он хотел нечто другое.

– Раз вы священник, то должны знать, сколько времени прошло с начала нашей эры... Тьфу ты! Со времени рождения Иисуса Христа, конечно.

– Сложно подсчитать... – Отец Ингравд задумался, принялся бормотать себе под нос. – Так... сначала был Тиберий, потом... а за ним Траян... Нет, Траян после... Господь наш Иисус родился примерно четыре с половиной века назад, – решил он наконец.

– Четыреста пятьдесят лет назад?! Всего? – холодея, ахнул юноша. – Я не ослышался, вы так сказали?

– Да, да, именно так. Едва ли я мог сильно ошибиться в подсчетах.

– Значит, сейчас примерно четыреста пятидесятый год! – не в силах поверить, обалдело шептал молодой человек. – Плюс-минус год-другой. Неужели, правда?

На шутника священник вовсе не походил.

Середина пятого века – даже если священник ошибся не на год-другой, а лет на десять, это мало что меняет. Все равно ничего еще нет! Насколько Родион помнил из школьного курса истории – а учился он прилежно и успешно сдал ЕГЭ – в те времена еще не было почти ничего из того, с чем знаком современный человек. Ни Киевской Руси, ни Франции, ни Германии, ни Англии. Нотр-Дам еще не построили. Сильнейшим государством Европы считался Рим... Или империя уже распалась? Нет, разделилась на Западную и Восточную, то есть Византию. А Рим одолевали варвары, германские племена, в том числе готы. Но здесь-то они как очутились? Они должны быть в Западной Европе, в крайнем случае, в Крыму. Но если на одну секунду допустить, что изменилось время, то почему бы и прочим категориям не пойти иными путями? Философии это нисколько не противоречит: по ней, время и пространство связаны.

– Истр, дружище! – позвал Родион. – Ты знаешь такую реку – Дон? Или Черное море?

– Дон... хм... – подросток задумался. – Есть поблизости большая река, мы зовем ее Тихий, а ромеи – Танаис. А еще одну большую реку – Борисфен или Данапр. А море... море... Эвксинский понт? Слышал что-то, но плохо помню.

Борисфен, Танаис, какой-то понт. А ситуация-то беспонтовая! Без бутылки – точно не разберешься! Параллельная география какая-то.

– Истр, а у вас зимой снег бывает? – озадаченно потрянув головой, Родион решил зайти с другой стороны.

– Конечно, бывает, и много. А ты думал, кто от вас на юге, тот и зимы не видал? И морозы случаются, и реки замерзают – не каждую зиму, правда, но бывает.

Ну, уже кое-что – находимся не в Африке! Впрочем, главное не место, а время. Неужели действительно четыреста пятидесятый год (или около того)? Это даже не старина, это... арха-

---

⁴ *Арий* – александрийский священник, основатель теологического учения в христианстве IV–VI веков, названного арианством. Ариане не принимали основной догмат официальной христианской церкви, согласно которому Бог Сын предвечен как и Бог Отец, и считали, что Сын Божий (Христос) – творение Бога, лишь посредник между Богом и людьми. Официальной церковью Арий и его учение были осуждены в 320 и 325 годах. (Прим. ред.)

ика! За полторы тысячи лет забросило, даже больше! В дикие и малоизученные времена, о которых никто почти ничего толком не знает! Ну, были какие-то варвары... кочевали... народы переселялись. Зачем, спрашивается, чего им на месте не сиделось? В Рим тянулись не то грабить, не то на заработки, повышая криминогенную обстановку. Как гастарбайтеры в Москве, ничего принципиально нового.

– Ты чего, брат, сидишь-то? – Истр толкнул в плечо задумавшегося Родиона. – Давай помогай копать!

– Копать?

Ах да, ну, как же! Раз помощи от полиции раньше чем через полторы тысячи лет ждать не приходится, надо полагаться на себя.

Но голыми руками рыть оказалось трудно, почти невозможно: сперва шел слой глины толщиной с ладонь, а дальше земля оказалась твердая, будто камень. Сломав ноготь, Родион выругался и сплюнул:

– Да тут, братец ты мой, экскаватор нужен! Ну, или, хотя бы лопата, кирка...

– Нету у нас кирки. Хочешь жить – и так справишься, – с цинизмом, уже не удивительным в столь молодом парне, отозвался Истр. Родион начал понимать: в этом мире каждый привык спасать себя сам. – Не сидеть же просто так, врагам на радость?

– Да тут не только ногти – руки переломать можно! Слушай, а давай-ка я к тебе на плечи встану. Выдержишь?

– Спрашиваешь! Я, брат, тебе не слабак какой-нибудь!

– Да я заметил, что не слабак. Только уж больно тощий.

Оказавшись наверху, Родион уперся левой рукою в край ямы, правой же попытался расшатать решетку, но все усилия оказались напрасны.

– Да-а, – опустившись снова на дно, устало промолвил юноша. – Зацепить бы ее тросом к «КамАЗу» да дернуть. Плечи-то я тебе не отдал, братец?

– Да не такой уж ты и тяжелый!

Усевшись наземь, Родион посмотрел на свою руку – даже здесь, в тени на дне, была хорошо заметна широкая рыжая полоса, пересекавшая ладонь.

– Ржавчина...

– Ну, да – ржа. – Истр глянул с недоумением. – И что?

– Как ты думаешь, старая у них эта яма?

– Пожалуй, да. Места здесь мало, больше двух-трех человек сразу держать не получится, а дерьма в отхожей ямине – много, ишь, смердит-то!

– Да уж, – Родион поморщился. – Мог бы и не говорить. Яма, значит, старая. Решетка, судя по ржавчине, тоже не новая. Так неужели она везде одинаково крепкая?

– С виду так. – Истр поднял глаза. – Крепкая.

– Вот и тюремщики наши так думают. А вдруг они ошибаются?

– Ты предлагаешь проверить? – Парнишка с готовностью вскочил. – Давай теперь я полезу!

– Ладно, ладно... Потом, чур, поменяемся!

Истр копошился наверху долго, не уставая командовать: туда подвинься, сюда... пару шагов влево... вправо...

– Ну, что там? Нашел что-нибудь?

– Да нет пока... Может быть...

– Ну, так не пойдет. Слезай!

Спрыгнув, подросток недовольно поморщился.

– Что глазами засверкал? – накинулся на него Родион. – Туда его подвинь, сюда. Нет, брат, этак мы зря туда-сюда метаться будем. В любом деле главное что?

– Что?

– Методичность!

– Ну, вот опять непонятное слово.

– Сейчас поймешь. А ну-ка, подставляй спину. И, обрати внимание, сейчас я тщательно проверю весь этот сегмент... то есть край, потом ты – следующий, чуть левее. Понял? Сперва края проверим, потом середину. Если дотянемся...

– Дотянемся, – усмехнулся Истр. – Главное, отыскать бы хоть какую слабинку.

Края решетки, черт бы их побрал, оказались крепкими – ни один прут не прогнулся, не дрогнул даже. А вот середина...

– Внимание... Иду!

Оторвавшись от стенки, Родион сделал шаг, потом другой. Истр, придерживаясь за решетку сверху, балансировал у него на плечах, будто цирковой акробат. Аттракцион братьев Доброгастовых! Спешите видеть! Алле... Оп!

– Есть! – Голос подростка дрогнул. – Нашел! Слышишь, брат! Тут вот... вот... Дрожит, прогибается... Сейчас-сейчас, я на ней повисну... Эх, я слишком легкий! А ну-ка, дерни меня за ноги!

– Только ты ухватись покрепче!

– Уже!

– Ну, тогда... р-раз-два...

Они завалились наземь оба, но тем не менее были счастливы: в руках Истра остался вырванный из решетки прут!

– Вот заодно нам и оружие! – улыбался подросток.

– Заточка выйдет изрядная, – согласился Родион. – Да не сиди ты, давай, подтягивайся! Выбираться надо – солнышко заходит, скоро нам еду принесут, а тут решетка почти выломана!

Парнишка не заставил себя упрашивать: живо вскарабкался на плечи Родиона, ухватился за прутья.

– Ну, как, протиснешься?

– Сейчас... рубаха мешает... Сейчас.

Скинув рубаху, Истр вновь забрался на плечи, подтянулся... Пролез! Черт побери – пролез ведь!

– Ну, как там наверху, хорошо, да?

– Камни тяжелые... Едва отвалил... И много их!

– Ты вот что: подложи под решетку прут, обопрь на камень, надави, ну, используй как рычаг – понимаешь?

– На камень? А, понял... Давай, бросай прут!

– Отойди, в башку еще попаду.

– Не попадешь – я увертливый.

Выкинув прут наверх, Родион азартно потер руки и вдруг засмеялся. Господи... Ну, приподнимет Истр решетку, да только как туда добраться-то в одиночку? Кто ему теперь-то плечи подставит? А до решеточки метра три с половиной, допрыгнуть – никак, и стенка отвесная.

– Все! Готово, брат!

– Слышь, парень, – окликнул осененный ценной мыслью Родион. – Сбрось-ка мне сюда пару-тройку камешков, побольше которые!

– Сейчас! Оп...

Немного погодя в яму рухнул увесистый булыжник.

– Черт, ты что творишь-то?! Едва голову не проломил. Ладно... Давай еще.

Соорудив из камней шаткую пирамиду, Родион забрался на нее, постоял, стараясь найти равновесие, потом подпрыгнул, цепляясь за край ямы, подтянулся.

– Держись, брат! – Истр поспешно протянул сверху руку.

– Сам держись! А не то обратно уволок.

Еще немного, немного... чуть-чуть... протиснулся... вот оно! Все! Свобода-а-а-а!

– Ну, что теперь стоять-то? Бежим! Извини, голопузый, рубашку я твою не прихватил, как-то не до того было.

Яма располагалась на краю селения, почти у самой стены, сложенной из серых камней – высотой в два человеческих роста. Меж стеной и домами были посажены сливы, смородина, еще какие-то ягодные кусты, способные послужить временным укрытием.

– Смотри-ка, – наклонившись, Истр приподнял валявшуюся на земле жердину. – Это ж для стога!

– Отлично! Тогда чего ждем? Давай, лезь первым. Встречаемся там, внизу... где-нибудь.

– Брат, а может, лучше подождем темноты?

– Вечером нас кормить придут – забыл?

– Ах, да...

Осмотревшись, беглецы прислонили к стене жердину.

– Давай, братишка!

Истр быстро и ловко полез первым и через мгновение уже скрылся из глаз. Спрыгнул – зная бы еще наверняка, куда приземлился? Но вроде бы покуда все было тихо...

– Не думала, что вы выберетесь сами!

Услыхав за спиной тихий голос, Родион вздрогнул и обернулся. Да так и застыл с разинутым ртом: перед ним стояла до невозможности красивая девушка в белом льняном платье и с серебряным ожерельем. Очень светлые волосы с легким солнечным отливом, будто белое золото, под черными дугами бровей – темно-голубые глаза, как грозное море. И Родион мгновенно узнал ту фею, что уже давно являлась ему во сне. Она!

– Ты?! – одновременно произнесли они, словно разом выдохнули.

И сделали шаг навстречу друг другу. Девушка, как успел заметить молодой человек, тоже казалась безмерно удивленной.

– Тебя зовут Хильда? – с улыбкой спросил Родион, которому, здраво рассуждая, следовало бы огреть не вовремя появившуюся девчонку жердью по голове и бежать со всех ног.

– Да, Хильда... – Девушка не сводила с него глаз. – А ты... я знаю – Радомир. Я часто вижу тебя во сне...

– А я – тебя!

За деревьями послышались голоса, и Хильда вздрогнула:

– Скорей! Тебе надо бежать! Там, на берегу, в камышах, есть челнок с зеленой меткой. Весла рядом. Возьмите его и плывите вниз по течению, обязательно вниз, сколько сумеете.

– Почему? – Взявшись за жердь, молодой человек обернулся.

– Отец Ингравд и его сторонники хотели вас выкрасть и спрятать в заброшенном доме, вверх по реке, чтобы потом отдать гуннам.

– Видел я уже этот дом. И что с нами сделают гунны?

– Не знаю, – девушка повела плечом. – Обратят в рабство или заставят воевать за них. С гуннами ничего нельзя знать заранее. Ну иди же, не стой! Прощай.

Повернувшись, юная красавица быстро пошла прочь, в ту сторону, откуда доносился людской гомон.

– Хильда! – негромко позвал Родион.

Услышит или нет? И обернется ли, если услышит?

Обернулась! Ах, как вспыхнули ее глаза – голубые, яркие, небывалой красоты!

– Да?

– Мне кажется, мы с тобой еще обязательно встретимся!

– Я надеюсь! – Помахав рукой, девушка улыбнулась. – Удачи тебе, Радомир! Да, вас хватятся не раньше завтрашнего вечера. Это мне поручили принести вам еду.

Фея ушла, скрылась за грушевыми деревьями, и Родион, проводив ее взглядом, вскарабкался наконец на стену...

О Боже! Внизу оказался ров метров шесть-семь глубиной, да еще и без воды, очевидно, недавно выкопанный. Не свернуть бы шею! Благо еще, поблизости не было часовых, верно, стояли у ворот и на сторожевой башне.

Молясь, чтобы не переломать ноги, Родион собрался с духом и прыгнул. В ушах свистнул ветер, сердце замерло, но все же опыт туриста помог – беглец рассчитал все правильно и приземлился на каменистое дно вполне удачно, после чего сразу бросился в густые камыши. Ров был соединен с рекой, но перемычка мешала ему заполниться водой. Немного отдышавшись, Родион пробрался камышами к реке, змеей скользнул к ивам...

– Ну, наконец-то! Давно тебя дожидаясь!

– Истр!

– А ты кого хотел? Что так долго, брат? Я уж думал, плохи дела...

– Идем, – юноша махнул рукой, – спустимся к реке, выждем, а как стемнеет – украдем лодку. Присмотрим, пока светло.

– Да хоть бы какую найти!

– Хоть бы какая нам не подойдет. Будем искать челнок с зеленой меткой. Что за метки – не знаю.

– Откуда ты...

– От верблюда! Один разговор подслушал. И этого челнока долго потом не хватятся.

– А! Вот почему ты так долго.

Прячась за ивами и камышами, друзья вскоре обнаружили искомое суденышко с зелеными узорами на носу.

– Этот? – обернулся Истр, первым его заметивший.

– Похоже. Пошарим по камышам – должны быть и весла.

Весла тоже нашлись, а тем временем почти стемнело. Сумерки, как всегда на юге, оказались короткими, и вот уже на небе вспыхнули звезды.

– Пора, – вставая, решительно заявил Родион. – Нечего тут высиживать. Значит так... Сейчас уводим челнок на середину, садимся и плывем вниз по течению.

– Вниз? Но нам ведь надо вверх!

– Делай, как тебе сказано, и не спорь. Пошли...

Бросив весла на дно, они столкнули челнок в воду, вплавь вывели на середину реки, придерживаясь за борта, а там уж и забрались внутрь. На берегу стояла тишина – похоже, никто их оттуда не заметил.

– Какие мы с тобой молодцы! – радостно засмеялся Истр, когда готский поселок скрылся за излучиной. – Настоящие воины – смелые, хитрые, ловкие!

– Да уж, – ухмыльнулся молодой человек. – Куда ловчее! Если бы не чьи-то голубые глаза...

– Чьи глаза, брат?

– Так... о своем я...

В черной воде отражались желтые звезды, где-то рядом, на плесе, играла крупная рыба, а на берегу в отдалении выл одинокий волк. Челн почти сам собой легко скользил по течению.

– Ты больше не гребь, брат, – обернувшись, посоветовал сидевший на носу Истр. – А то еще наскочим с разбегу на камень!

Глава 10

Лето – осень 450 года. Южная лесостепь

Наречение

Обратный путь получился долгим – вскоре бросили челнок и шли пешком, запутывая следы. Зато было время обдумать все приключившееся и даже наметить план дальнейших действий. Тот факт, что неведомая сила перенесла Родиона в четыреста пятидесятый год, ему принять было трудно, но он не мог больше не верить собственным глазам. Все эти селения, старинная одежда и, самое главное, полное отсутствие признаков двадцать первого века! Ведь сколько они ни прошли, а не заметили на живописных берегах реки ни единой пивной бутылки или бумажки от какого-нибудь «сникерса» – в то время как кострища встречались, а значит, люди эти места посещали. В двадцать первом веке такого никак не может быть – чтобы отдыхали, а банок, стекляшек, окурков и мятых одноразовых тарелок после себя не набросали. В перемещение по времени и то легче поверить, ей-богу... И остается сделать вывод, что готский священник говорил правду: на дворе действительно четыреста пятидесятый год, то есть пятый век от Рождества Христова.

Но тогда неотвратимо встает следующий вопрос – как обратно-то выбираться? Хотя бы попробовать надо, но с чего начать? «Болото! – осенило Родиона. – Именно там причина!» Он хорошо помнил, как угодил в трясину и едва не утонул, как вода сомкнулась над его головой, почти заставив мысленно попрощаться с жизнью – вот тогда-то все и произошло! Ведь выбравшись из трясины, он сразу же услышал голоса, потом обнаружил привязанного к тяжелой колоде Истра...

Значит, имеет смысл разыскать то самое место. Истр поможет – он ведь там поблизости сам едва не утонул, а окрестности села знает.

– Слышь, помнишь ту болотину? – окликнул Родион товарища. – Ну, из которой мы с тобой еле выбрались.

– Болото? – Сидевший на обрыве Истр обернулся. – Конечно, помню. Если бы не ты...

– Расскажи еще раз: как ты там оказался?

– Да чего там рассказывать... – Истр отвернулся и посмотрел вдаль, на бескрайние степи, тянувшиеся почти до самого горизонта, вдоль которого синел широкой полосой лес.

– Я к чему спрашиваю – ты место это отыскать сможешь?

– Место? – Подросток наморщил лоб. – Наверное, смогу. Не о том ты сейчас заботишься, брат! Сначала домой нужно добраться.

– Доберемся, погони вроде бы нет.

– Погони-то нет, но кто сказал, что окрестные племена – мирные? Пора костер разжигать да рыбу бить на порогах, – Истр быстро поднялся, взял острую палку с обожженным концом. – Я за рыбой, а костерок с тебя. Огниво во-он там, под кустом.

Огниво они нашли в чужой лодке, в первый же день побега. Обойдя какое-то селение, подобрались незаметно, надеясь раздобыть соль. Соли не нашлось, зато разжигались огнивом, что тоже неплохо – не жрать же пойманную дичь или рыбу сырыми? А уж насчет рыбы и дичи Истр оказался мастак! Что и говорить – первобытный парень. Родион при всей своей ловкости ни за что бы в рыбину палкой не попал. Огонь разводить – и то едва выучился, все пальцы отбил. Стучать изогнутой железякой по кремню, высекая искру, – это тебе не спичкой чиркнуть. Родион радовался теперь, что дома хватило ума не пристраститься к сигаретам. Ведь почему подростки курят? Потому что друг перед дружкой выделываются: вот, мол, я какой большой уже, сигаретиной дымлю, будто взрослый мужик! А еще водки могу выпить!

И девку снять! Смотрите все, завидуйте. Родион без этого обошелся: на турслетах призовые места занимал, для самовыражения хватало. Взрослые они, дескать, потому что пиво умеют пить? А костер в сыром лесу с одной спички разжечь – слабо? Впрочем, добыть огонь с помощью спичек ему теперь казалось детской забавой.

Но вот наконец костерок запылал, и светлое пламя слилось с оранжевым закатным солнышком. Неширокая протока густо заросла камышом, ивняком и смородиной; жаль, осень скоро, ягод почти не осталось. Осень... Черт! Как же там братья-туристы – Валентиныч, Катерина Олеговна, Валька? Никогда, ни на одном слете такого не бывало, чтобы человек пропал бесследно. Это же ЧП! Ну, бывает, покалечится кто-нибудь, руку или ногу сломает, но так, чтобы ночью ушел на маршрут и не вернулся! Ищут сейчас, поди, спасателей вызвали, все болото слегами прошарили. Неудобно-то как – людей подвел дурацким своим исчезновением. Как потом тому же Валентинычу в глаза смотреть? Извиниться, объяснить ситуацию: я в пятом веке был, в плену у готов, так получилось... Ага, чтобы прямо со слета – в сумасшедший дом! Нет уж, придется что-то другое придумать.

Подкинув в костерок хвороста, Родион тихонько рассмеялся: ишь ты, уже сочиняет, как свое отсутствие объяснить, будто в школе урок прогулял. Еще бы выбраться отсюда, из этого чертова пятого века! Сомневаться Родион почти перестал – никак иначе объяснить происходящее было невозможно.

Красные угли как раз пылали жаром, когда с реки прибежал Истр с уловом – мокрый, веселый, уселся к костру, ловко вскрыл рыбе брюхо острым камнем. Родион даже позавидовал: и из бывалых туристов мало кто сумел бы в этом деле обойтись без ножа. А этот – пожалуйста.

– Кушай, брат! – перевернув подрумянившуюся добычу, махнул рукою подросток. – Вкусная!

Родион улыбнулся:

– И правда вкусно. Эх, жаль соль никто в лодке не позабыл!

– Смеешься, что ли? – удивился Истр. – Кто же соль в лодке оставит-то? Она в наших местах знаешь сколько стоит? На вес золота почти. Правда, у нас в селении есть, у Доброгаста в закромах. Жаль, что так все вышло. – Парнишка тяжело вздохнул. – Не удалось нам отомстить! А может, наши успели все-таки? Ну, хоть кого-нибудь... А то ведь придем домой – смеяться над нами будут.

– Не будут, – Родион потянулся за вторым куском. – Мы ведь не так просто прогулялись. Сведения важные принесем: где готы живут, сколько их, какие у них укрепления. Все это мы теперь знаем.

– Да, – подумав, согласился Истр. – Ведаем. Так, мыслишь, смеяться не будут?

– Говорю же, не будут. Особенно как про погибших узнают. Двоих-то наших парней... того...

– Зато остальные выбрались.

– Да. Если их потом не поймали.

Для ночлега Истр выбирал такие неудобные места, что Родион поначалу возмущался и спорил: и сыро тут, и кустов приличных нет, даже задницу подтереть нечем, зато вон там, у обрывчика над речкой, и сухостой, и вообще красиво – любой турист именно там палатку бы поставил. Но в ответ на эти вполне резонные замечания спутник обидно расхохотался:

– Станный ты человек, брат, опять чушь какую-то городишь. Да, есть места поудобнее, но как раз потому нам туда и нельзя. Местные охотники да рыбаки сами там останавливаются, а нам и на глаза никому показываться не надо, и следов оставлять. Чужаков нигде не любят. А сюда, в болото, никто не зайдет. Так что терпи, брат: неудобно, зато безопасно!

Родион больше не спорил: понял его правоту. Сообразительный парень Истр, да и опыт виден.

К счастью, обошлось без дождей. За два дня миновали степь, и к вечеру изумрудно-голубой океан трав с редкими вкраплениями кустарников, кое-где прорезанный руслами речек, сменился дубравами и буковыми рощицами. Потом замелькали липы, тополя, рябина, постепенно переходя в густые массивы растительности, где преобладали кустарники, но встречались и сосны.

Не трата времени даром, Родион по пути расспрашивал Истра о житье-бытье – обычаях, праздниках, людях. Узнал много нового, причем такого, что шло вразрез с тем, что говорили в школе, например, о тех же готах.

Описания многочисленных праздников и племенных богов молодой человек пропускал мимо ушей, полагая лишним забивать голову подобной чепуховиной. Зато весьма интересовался болотом: не происходили ли там какие-нибудь непонятные или необъяснимые случаи, не появлялись ли оттуда странные люди или вещи.

– Необъяснимого ничего не бывает, – перепрыгнув через ручей, отозвался подросток. – Все ведь делается волею богов.

– Ах, ну да, конечно, – Радик едва скрыл издевку. – И все же, неужели никогда ничего странного не случалось? Хотя бы очень давно, при дедах? Может, старики что-то помнят?

– При дедах мы здесь не жили, – Истр покрутил головой. – В давние времена наш род обитал южнее, где теперь готы. В леса ушли после появления гуннов. Правда, они и сюда добрались, и теперь мы платим им дань кровью – отдаем молодых воинов.

– Что-то я гуннов у вас не видел.

– Подожди, еще увидишь. Сейчас не время.

Какое-то время друзья шагали молча, и каждый думал о своем: Истр о родном селении, а Родион... Радоваться пока было нечему.

– О болотине навий Влекумер может знать, – неожиданно промолвил парнишка. – Он частенько там бродит, с богами говорит.

– Влекумер? Крюконосый дед с бровями вразлет?

– Агу, дед... За ним не всякий молодой угонится. Недавно двух новых жен в дом привел – в придачу к тем, что уже были.

– Силен мужик, что и говорить, – Родион покачал головой. – Как бы с ним перемолвиться словечком?

– Не советую, – Истр вдруг нахмурился и потряс головой. – Влекумер – он себе на уме. Не зря его в селении бояться – он ведь волхв, навий. Но больше него о болоте никто знать не может. Разве что Хотобуд, его племянник.

– Хотобуд? – оживился Радик. – Тот парень, который с нами был? Что же ты мне раньше-то не сказал, дружище?!

– А ты раньше про болото не спрашивал.

И правда, не спрашивал.

– Да и жив ли Хотобуд? – вздохнул Истр. – Или готами убит?

Кто знает?

Жив оказался Хотобуд! Он и был первым, кого они встретили, оказавшись наконец в угодьях Доброгастовой общины, – вдвоем с каким-то мальчишкой вытягивал с лодки сети раненько поутру.

– А вон он, твой Хотобуд! – Истр сразу углядел с бережка знакомое лицо. – Живой и здоровый.

– А точно – он? – Родион всмотрелся. – Издалека не разберу.

– Да он один у нас такой чернявый. Слава богам – пришли, значит! Слышишь, брат? Наконец-то мы дома!

Стало быть, не убит Хотобуд, отметил про себя Родион. Значит, он из тех, кому удалось сбежать. Интересно будет с ним поговорить.

А Истр уже мчался к воде, размахивая руками и вопя:

– Эй, Хотобуд! Хотобуде-е-е!

Тот вдруг бросил сеть, оглянулся, всмотрелся – а потом схватил со дна лодки лук, живенько наложил стрелу и спустил тетиву.

К счастью, Истр оказался парнем ловким – услышав свист стрелы, тут же упал в воду.

– Эй, эй! – закричал с берега Родион. – Хотобуд, не стреляй! Свои! Это же мы с Истром. Мы от готов сбежали!

Вздрогнув, Хотобуд обернулся на новый голос, а Истр уже поднялся на ноги.

– Это ж я, Хотобуде! – крикнул он.

– Ой! Да это ж и впрямь наши! – Сидевший в лодке мальчишка тоже узнал обоих. – Вернулись!

– А, теперь вижу, что наши, – Хотобуд попытался улыбнуться, но улыбка вышла больше похожей на досадливую гримасу. – Рад, что боги услышали наши мольбы и помогли вам.

Вечером этого же дня беглецы подробно рассказали обо всех своих приключениях. Слушал их совет старейшин: Доброгаст, Межамир, Витенег, Сдислав. Все это были уважаемые в селении люди, не суетливые, не говорливые, почтенные, чем-то похожие между собой – не внешностью, а скорее манерой держаться и общностью взглядов. И Влекумер присутствовал – как же без него? Как Родион успел выяснить, свою должность тот получил по наследству: и дед его был волхвом, и отец.

По ходу рассказа старейшины задавали вопросы.

– Четыре для пути, говорите?

– Может, и пять, если не очень быстро идти.

– Все на заход солнца?

– Там броды, Хотобуд их знал, да и мы запомнили.

– Да, Хотобуд и Ятвиг нам все рассказали.

Кстати, Хотобуд уже бегло пересказал свою часть истории. Ничего неожиданного Истр и Родион не услышали: дескать, заснули парни, проснулись от шума драки, увидели готов, пришлось сражаться, Доможира с Оровидом убили, а им двоим удалось уйти.

– Говорите, у них каменная стена вокруг селения? – продолжали расспрашивать старейшины.

– И ров глубокий.

– Надо и нам такую ставить, что скажете, отцы?

– Где взять столько камня?

– Зачем камень? Деревом обойдемся.

– А гунны? Они что скажут?

– А что же они нас от готов не защищают? Пришлют воеводу – поговорим. Теперь о Раде речь пойдет, – Доброгаст повернулся к парню. – Ты изгой, это плохо. Нельзя человеку жить без роду-племени. Я сегодня размышлял: парень ты неплохой, воин отважный. Тем более, у нас ведь останешься?

– Думаю, так. – Родион пожал плечами.

– Ну вот, – довольно ухмыльнулся старейшина. – Тогда завтра все и сладим. Имя себе выбери, сыне!

Родион не сразу понял, но Истр, сидевший рядом, ткнул локтем в бок и шепнул:

– Вставай, брат! Кланяйся! Честь тебе великая... теперь и в самом деле мне братом будешь! Всем нам.

«Великая честь» была оказана Родиону уже на следующий вечер. Сперва истопили «черную» баньку и прислали девку-рабыню – спину тереть. Родион сперва было застеснялся, потом

плюнул – в конце концов, баня ведь. Да и девчонка оказалась ничего себе: большеглазая, худенькая, как раз в его вкусе, и грудь маленькая – а то ведь такие бывают, что убить можно... У этой грудь в ладони помещалась – сама и предложила проверить, уже после, в предбаннике... Там все и сладилось. Потом кваску попили, поболтали. Родион и тут не упустил случая расспросить про болота, но девчонка тут ничем помочь не могла: сказала только, что как-то брала краем болота бруснику, но ничего непонятного не видала – медвежонка разве что.

– Какого медвежонка? – тут же насторожился парень. – Плюшевого? Пластмассового? А, может, на нем еще и иероглифы были или надпись – «Мэйд ин чайна»?

– Не поняла, – девчонка расхохоталась. – Обычный медвежонок был, бурый. Рычал так смешно!

А потом мужики пришли: дескать, одевайся, ждут тебя все. Надев чистые порты и льняную рубаху с вышивкой, Родион вышел.

На берегу реки, на крутояре, под россыпью мерцающих звезд ярко горел костер, подкидывая искры в фиолетовое вечернее небо. Вокруг собрались люди – парни и молодые мужики, многие – с короткими копьями и щитами. Перед костром лежала колода, на которую Родиона усадили – так, чтобы не касался земли. Навий Влекумер в «рабочей одежде» и с жутковатыми ожерельями из птичьих и змеиных черепов, с секирой за поясом, побрызгал на голову парня водой из чаши, приговаривая:

– Яко тоя вода чиста, тако будет чисто лице; яко тоя вода чиста, тако будут чисты мысли; яко тоя вода чиста, тако будет чисто имя!

И вдруг, выхватив секиру, взмахнул над головой Родиона. Тот, сидя к жрецу спиной, этого не видел, но почувствовал, как сверху просвистело тяжелое лезвие – раз, другой, третий! Затем навий выбросил секиру себе за спину, и среди присутствующих прокатился радостный гул – значит, упала она как надо и можно было продолжать обряд. Влекумер тогда схватил зажженный факел, трижды обнес его вокруг Родиона, потом снова окропил водой, посыпал зерном.

– Гой! Гой! Гой! – все это время громко кричали собравшиеся. Видать, одобряли.

Наконец жрец остановился, поднял руки к небу и торжественно провозгласил:

– Нарицаемо имя тебе... Радомир!

– Радомир! – подхватило эхо, разнеслось по селению, на берега реки, к лесу. – Мир... мир... мир...

По толпе прокатился гул удивления – никто не ожидал, что неведомо откуда пришедшему парню дадут имя почитаемого древнего вождя. Родион выбрал его себе не случайно. Если взять первые буквы от его настоящего полного имени – Родион Даниилович Миронов – то и получится: Ра-до-мир. А к тому же именно так он звался в своих чудесных снах, в тех самых, где видел Хильду еще до первой встречи с нею наяву. Хильда и Радомир – ну черт возьми, чем не пара? Истр поначалу не верил, что его новому брату позволят носить столь почетное имя, но выяснилось, что в ночь перед наречением воевода Радомир, что ушел в болото, явился во сне Влекумеру, Доброгасту и другим старейшинам и повелел назвать пришельца в его честь. Стало быть, и правда это все не случайно!

– Пей, нареченный брат наш! – Истр в праздничной белой рубахе протянул братину с медом. – Пей, Радомир, сын Доброгаста! Помяни наших предков – теперь они и твои.

– Слава великим предкам! – Новонареченный поднялся с колоды, но чуть не упал – ноги затекли. Однако удержался, даже братину не выронил, лишь расплескал чуть-чуть. Выпил – в чаше оказалась та же медовуха, легко льющаяся в горло. С прошлого раза хорошо помня ее коварное действие, он увлекаться не хотел, но обычай требовал выпить все до дна. Благо, она была налита далеко не доверху.

Однако пока ноги держали, и Радомир, как он уже привыкал себя называть, огляделся. Откуда ни возьмись, появились девушки в цветочных венках, подхватили нареченного под руки, закружили в хороводе, запели:

То не свет-заря разливается,
То не солнышко с ясным месяцем,
Да роса блестит скатным жемчугом!

Хорошо девчонки пели, душевно! Одну песню закончили, другую завели. Радомир слов уже не различал, и слышалось ему нечто другое, всплывшее из глубин памяти:

Милая моя, солнышко лесное...
Где, в каких краях, встретиться с тобою?

А вот с плясками уже ничего у него не вышло – ноги заплетались, хорошо, новообращенный брат Истр поддержал, не дал упасть, спас от конфуза. Зато голова была ясной, будто эта вот звездная ночь – колдовская, волшебная! И все люди вокруг казались такими родными, будто он всю жизнь с ними прожил, будто они от рождения ему братья и сестры – Истр, и тот улыбочивый кудрявый парень, и эта девушка... и та... и эта...

– Эх, дай-ка я тебя поцелую, сестренка!

Поцеловал жарко, аж покраснелся. Ноги подводили, а целоваться-то хотелось – как же без этого, праздник ведь, да еще в его, Родиона-Радомира, честь! Пустячок, а приятно! А небо-то какое! А месяц, звезды! И к-крутятся... все быстрее, быстрее...

Возрождаясь для новой жизни в семье Доброгаста, Радомир пришел в себя под березою. Помотал головою, на удивление ясной. Праздник продолжался, девушки и парни все так же резвились, играли, пели. Людей постарше не было – видать, гуляли своим кругом, чтобы не напиваться на глазах у молодежи и не подавать дурной пример. Ай, нехорошо! Надо бы и с мужиками выпить – Витенегом, Межамиром, Сдиславом... С Доброгастом особенно – он ведь теперь ему, Радомиру, второй отец. Или даже первый...

– Ты тут посиди, брате. – Откуда-то возник радостный Истр. – Хочешь, я тебе медку принесу?

– Не-е, – застонал Радомир. – Не надо, хватит уже... А вот с мужиками-то... со старейшинами то есть, надо бы выпить.

– Не надо, – рассмеялся парнишка. – У них свое гулянье, ты до него не дорос еще. А здесь для нас, молодых! Пей, пляши, веселися!

– А завтра, поди, на работу вставать?

– Да, страда, страда завтра. Еще не закончили. Завтра, брат, и нам с тобой скирды таскать.

– А сможем?

– Доброгастовы да не смогут? Не смейся, брат!

Звездная ночь плескалась весельем, искрилась кострищем и плясками. Немного оправившись, Радомир поднялся на ноги, опираясь на плечо Истра, подошел к костру под приветственные крики парней и девчонок. Поискал глазами ту, из бани – Малосту... Не нашел, ну и ладно – красивых девчонок хватало. Улыбнулся – ах, хорошо-то как, как хорошо!

Глава 11

Осень 450 года. Поселок

Навий

Все население деревни строило стену. Из ближайшего леса возили бревна, отесывали, ставили тын, сколотили уже крепкие ворота, и сейчас кузнецы обивали их толстыми железными полосами. Страда закончилась, прошел обмолот, желтели деревья и жухли в степи травы, а высоко в небе курлыкали журавли, сбиваясь в стаи. Осень пришла незаметно – уж очень много было работы, некогда оглянуться. Все жители селения, родичи и соседи, трудились на равных, зато все вместе, а так веселее. Там – острое словцо, там – два, глядишь, уже и смех пошел, а поблизости кто-то затянул песню:

Моя ладушка, красна девица,
От красы ее травы клонятся,
И поют ей с небес песни звонкие!

И не случайно: слава богам, страда закончилась до дождей, урожай сберегли, наступала пора свадеб. В селении живущие по соседству семьи давно успели породниться, почти все парни и девушки друг другу приходились братьями и сестрами, поэтому уже лет двадцать невест искали на стороне. В давние времена, когда еще с готами мирно жили, не зазорно было и от них девушку в дом привести или свою им отдать.

Уж ты ладушка, красна девица!
Открой в сердце своем ты тропиночку
Да дороженьку – мостик радужный
Ты для вольного сердца молодца.

Хорошо пели, дружно, Радомир тоже бы подхватил, да стеснялся – боялся попасть не в лад. Да и грустно было: его-то ладушка о-о-ой как далеко, вряд ли скоро придется свидеться.

А Доброгаст-то не промах – нового сыночка женить задумал. В пристройку, где жили неженатые парни, являлся часто: присядет, и давай с Радомиром разговоры вести. И все к одному клонил – к женитьбе.

– За леском, за кленовой рощицей, Озогля-река течет, там в селениях девки красны, тебе понравятся, парень! Женишься пока на одной, обживетесь, детишки пойдут, а там, как на ноги встанешь, можно будет и еще подобрать. Одна жена – это разве дело? Так, уткам на смех.

Родион все отнекивался: молод еще жениться, дескать, вот, на следующий год разве что...

– Э-э-э, в следующее-то лето и Истр, детинушка, в силу войдет, тоже женихом станет! – Старику все хотелось пораньше уладить дело.

– Вот и славно! Вдвоем за невестами и поедem, как истинные братья.

Поохал, поохал Доброгаст, да махнул рукой – что тут скажешь? Не уговорил, ладно – пусть уж следующим летом.

Ты для вольного сердца молодца-а-а-а!

Славная была песня.

– И... поднатужтесь, братие! – командовал строительством тына кряжистый рыжебородый мужик самого разбойничьего вида, по имени Годомысл.

Все знали, что довелось ему за жизнь повидать немало: попал в юности в плен и только через тридцать лет в родные края воротился, а до того бывал даже у ромеев и работал на строительстве крепостей, так что понимал в этом деле лучше многих.

– И... да помогут нам боги... р-раз! И-и-и... Пошла, пошла, пошла...

Напряглись, потянули за веревки, подняли окованные ворота, на петли навесили. Вот теперь как: было село, а стал настоящий город! С виду – не хуже ромейских, радовались ново-явленные горожане, разве что не из камня, а из дерева выстроены. Даже начали обсуждать, как назвать его?

– Велесовым градом назовите, – хмуро посоветовал жрец Влекумер, но народ не поддержал: чай не святилище Велесово тут.

Жрец один был недоволен строительством, шипел, ругался: зря, мол, вдруг да не понравится гуннам? Велят все разрушить или сами сожгут, а еще дань увеличат в наказание. Вот и сейчас что-то такое сказал злобно, сплюнул, великого Атиллу вспомнил.

– Да, – почесал за ухом Годомысл. – О гуннах-то мы не подумали.

– А что про них думать? – презрительно хохотнул Истр. – Понравится, не понравится... Нас теперь и гунны так просто не возьмут!

– Возмут, – строитель махнул рукой. – Нас мало, а гуннов тьмы и тьмы. К тому ж они колдуны, говорят. Кто к ним пристанет, в походы с ними ходит, тот и сам гунном становится!

– А! Вот почему из наших парней, к ним отправленных, ни один еще домой не вернулся, – задумчиво пробормотал светлокудрый парень из Доброгастова рода, по имени Тужир.

Все примолкли, не находя возражений. Неужели и правда все гунны – колдуны?

– А навий-то, поди, опять на болота захаживал, – посмотрев вслед жрецу, негромко промолвил Истр. – И что его так в злые места тянет?

– На то он и навий, брат, – Тужир улыбнулся. – И дело свое знает: пока страду не закончили, уберег нас от дождя!

– Да, – согласно кивнул Годомысл. – Тут Влекумер молодец – с богами ладить умеет.

– Еще бы! – невесело хохотнул Тужир. – Не зря ведь девчонку в болото бросили... с богами договариваться послали.

– Куда кого бросили? – Радомир посмотрел на Истра. – Что-то я ни о чем таком не слышал.

– Мы с тобой на молотье были, к ночи с ног валились. Не до разговоров...

– Да уж – цеп молотильный до сих пор снится.

– Так вот, тогда тучи собрались, Влекумер и потребовал богам на умиротворение девку. Из самых красивых хотел взять, да старцы воспротивились, не согласились лучших невест отдавать – чернавкой откупились. Была у нас такая, Малостой звали.

– Малоста?! – Родион закусил губу.

То-то он замечал, что знакомой по бане девчонки нигде не видно. Так ее, значит, в трясины?! Договариваться с богами?

– Слышь, Истр... Помнишь, как сам-то? Только тебя в болото хитростью отправили, а ее – насильно.

– Сколько раз тебе объяснять, брат! – Парнишка вспыхнул. – Не люди то были, а навьи, духи болотные!

– Ага, духи... А голоса ты ведь человеческие слышал – сам говорил!

– Послышалось мне.

– О чем это вы, братцы? – К ним тут же повернулся не в меру любопытный Тужир. Впрочем, четырнадцатилетние, как он, все любопытны.

– Мы про Влекумера, – понизив голос, охотно сообщил Радомир. – И что его так на болота тянет? Что там такого? Вот бы сходить посмотреть!

– И ходим! – обрадовался кудрявый. – Верно, Истр, брате? Вот, закончим с тыном, выпросимся в лес на охоту – тогда и поглядим.

– Делать нечего, так ступайте! – отмахнулся Истр. – Без меня только. Ишь, любопытно им! Я в те края ни ногой. Да и дичи там нет.

– Как это нет? А утки?

– Утки улетят скоро.

– Э-ге-гей, парни! – снова замахал рукой Годомысл. – Давай за бревнами! Да веселей глядите – немного уже осталось.

Ничего себе – немного! По Родионовым прикидкам, как раз к январю можно управиться. Но селяне не унывали, работали на износ, не щадя ни здоровья, ни жизни. Тут вообще просто относились к жизни, как своей, так и чужой. Сколько детей умирало в младенчестве, сколько женщин – родами, но к этому относились как к неизбежному злу. Сколько людей погибло при готском набеге, Малосту принесли в жертву, но сейчас уже никто не думал об этом. Такова их судьба, а на все – воля богов! И бывший Родион, а ныне Радомир из рода Доброгаста, с ужасом замечал, что и сам потихоньку перенимает эти взгляды. А что делать – такая жизнь вокруг, понятие гуманности тут неведомо. Радонегу он еще жалел, но известие о смерти Малосты воспринял с постыдным спокойствием. Нет, выбираться отсюда надо поскорее, пока совсем не одичал. Уже приживаться начал, о женитьбе разговоры вести...

– Так что, братец Тужир, пойдем на болота-то?

– Чего же не сходить? Мне тоже любопытно на те места взглянуть.

К удивлению Радомира, тын удалось поставить всего за пару недель. Правда, работали все от зари до зари, пахали, как черти, зато потом старейшинами был объявлен праздник. К тому же пошли дожди, все тропинки размокли, и добраться до нужного места сделалось просто невозможно. Истр смеялся даже: что, братья дорогие, сходили на болото?

– Ниче! Подморозит – ходим!

– Тогда и я с вами пойду заодно. Но только до края, дальше не полезу.

Радомир жил вместе с Тужиром, Истром и еще тремя неженатыми парнями в полуземлянке на краю Доброгастова двора. Всего в роду насчитывалось человек тридцать, обретавшихся еще в трех домах. И весь день каждый был занят каким-то делом: женщины и девки пряли, мужчины конопатили бочки, выстругивали древки для стрел и все такое прочее.

А по вечерам все желающие набивались, как сельдь в бочки, к Доброгасту, слушали сказки, точнее, предания старины глубокой: о многолюдных поселениях в сто, двести, тысячу человек, о великих воинах, о торговле и путешествиях в иные страны. Удивительно, но здешние старики хорошо знали Александра Македонского, Цезаря, Траяна, и собравшиеся с разинутым ртом слушали об огромных, с целый готский дом, челнах, плавающих по морю. Многие сомневались:

– Нешто такое чудо не потонет?

Но серая дождливая пора подходила к концу, скоро выпадет снег, а по свежему звериному следу двинутся охотники – стрелять косуль, оленей, зайцев, белок. В селении с нетерпением ждали большой охоты.

Один Радомир в последнее время не ходил по вечерам к Доброгасту, а сидел да ворошил в очаге угли. Надоело тут все... Вот бы сейчас в Интернет или телевизор бы посмотреть, какую-нибудь передачу, пусть самую тупую, хоть кулинарное шоу. И чего телевидение не любят? На экране все мельтешит, блестит, сверкает, музыка – бум-бум-бум! – грохочет, нанятые человечки зрительный зал изображают, ведущего поддерживают, смеются когда надо. Ведущий – буль-буль-буль! – вопит, не поймешь, ахинею всякую несет, гости программы меж собою руга-

ются – это ли не весело? Или на дискотеку пойти, в бар пива попить, снять девочку... да хоть поболтать просто! Как, мол, ваше ничего? Да ваще! Мое тоже, в общем, все клево!

И эта картина повседневной прежней жизни – телевидение, тусовки, словечки дурацкие – вдруг показалась юноше такой родной и желанной, прямо до слез! Как там тетка Антонина Борисовна, интересно, вспоминает ли пропавшего племянника? А Валька, Валентиныч, вся туристская братва, Катерина Олеговна? Уж эти вспоминают! Вздохнут, возьмут пива баночку: помянем-ка, други, Миронова Радьку, хороший был человек, жаль, пропал без вести, сгинул неведомо где...

Ну и тоска – хоть волком вой. Раньше так грустить и времени-то не было. Напиться бы с горя, да и то не выйдет: вся брага у Доброгаста в закромах, а просто так не даст. Не принято тут надираться в одиночку и без повода – только все вместе и только на праздниках. А праздники строго по расписанию: начало жатвы, окончание жатвы, «дедовы дни», солнцеворот... Ну, кроме свадеб, погребений и прочих знаменательных семейных дат.

Единственное, что несколько утешало, были мысли о Хильде. Свидятся ли они еще? Он на все готов, лишь бы отсюда выбраться – но тогда и Хильду он увидит в лучшем случае во сне. А если придется остаться здесь – ничего не пожалеет ради новой встречи наяву. Вот такие альтернативы...

– А, вот ты где!

В дом заглянул Истр; от холодного воздуха дымное тусклое пламя лучины дернулось и едва не погасло.

– Чего еще? – обернулся недовольный Радомир. – Наскучило сказки слушать?

– Тебя хотел позвать. Сидишь тут один...

– Что у тебя с лицом? – Когда огонь лучины успокоился, Радомир заметил длинную кровавую царапину на левой щеке парня.

– Да так, – отмахнулся тот. – Ходил силки проверять. Ну, помнишь, тебя еще звал, да ты не пошел? Кто-то лук настроженный на тропе поставил. Не знал, видать, что я пойду. Хорошо, поскользнулся – да в грязь. Измазался, конечно, но и стрела мимо пролетела. А не упал бы – прямо бы в сердце! А что ты думаешь? Такие случаи частенько бывают.

– Случай? – Родион со всей серьезностью посмотрел на приятеля. – А не много ли вообще у нас здесь случаев, и весьма странных? Кто знал, что ты поставил силки?

– Да многие... Все знали, кто хотел, – Истр засмеялся. – Да ты что думаешь, лук нарочно настрожили? На меня?

– Сам говоришь, стрела угодила бы в сердце, – задумчиво произнес Радомир. – А ну-ка, встань. Ну, поднимись, поднимись же! Видишь? Не такого уж ты малого роста, скоро меня перегонишь. Это какой же должен быть зверь?

– Стрела на волка – я потом ее отыскал, посмотрел.

– И с каких пор у вас волки на задних лапах ходят? Не знаешь? И я не знаю.

– Да брось ты! – Истр снова рассмеялся, но уже не так непринужденно, видно было – задумался. Это в двадцать первом веке подросткам можно и без мозгов обходиться, а в пятом без них не выжить.

– Оно, конечно, может быть, и случайность, – подбросив в очаг дров, размышлял Родион. – А может, и нет. На тебя кто-то охотится, коварно и хитро, чтобы самому не подставиться. Болото вспомни – ведь едва не утоп!

– И о том, что я на болото собрался навий искать, просить силы воинской, тоже многие знали, особенно из парней.

– А Влекумер?

– Ну, наверное, – Истр пожал плечами. – Хотобуд мог рассказать. Да то не люди, то болотные духи были!

– Ага, как же! – Родион саркастически хмыкнул. – Здорово узлы вяжут твои духи! Прямо туристы юные.

– Какие еще турицы, брат? Как они могут узлы вязать, у них и рук-то нет, одни копыта. А духи они и есть духи, – упрямо отозвался подросток, никак не желая признать, что есть рядом кто-то умный и коварный, кто провел его и едва не погубил.

– Ладно, черт с ним, с болотом, – отмахнулся Радомир. – Давай-ка, брат, о другом поговорим. Вот, скажем, готы. Как получилось, что они досюда дошли? Из такой дали, никем не замеченные – у вас что, ночной стражи нет?

– Есть.

– Где она была тогда? А может, помог им кто-то? И напали они в первую очередь на двор Доброгаста. Указал кто?

– Ты думаешь – предатель?! – Истр округлил глаза.

– Я ничего не думаю, – пожал плечами Родион. – Может, предатель, а может, готам просто повезло. Но очень странно это все. И вот еще, тот заброшенный готский дом. Хотобуд ведь хорошо знал, куда идти.

– Ну да, он же бывал в тех местах раньше.

– Вот-вот, бывал... И кто сказал, что не завел связи? С кем он там странствовал – не один же?

– Влекумер его с собой брал. Да и многих других тоже.

– Ах, Влекумер!

– Но зачем ему готам помогать? У них не наши боги.

– Не знаю зачем, что ты пристал? Я к тому, что с оглядкой жить надо, хоть это, наверное, и трудно. Скажем, Хотобуд и Ятвиг – как они смогли от готов уйти?

– Так и мы ушли же!

– Нам помо... нам повезло.

– Так и им помогли боги!

– Послушай, Истр, братец, – чуть помолчав, Радомир задал наконец главный вопрос. – А ты сам-то как думаешь: кому ты так мешаешь, что тебя хотят жизни лишить?

– Я?! – искренне изумился подросток. – Мешаю?

– Ну, или мог бы помешать, скажем, в дальнейшем. После Доброгаста кто старейшиной будет? Кто дружину воинскую возглавит, если она у нас появится? Строитель Годомысл? Еще какой-нибудь плотник?

– При чем здесь они? Ятвиг будет воеводой.

– Ятвиг – сын наложницы, в роду Сдислава он никто и звать его никак. – Родион усмехнулся, поворошил в очаге угли и продолжил, задумчиво глядя на огонь: – С другой стороны, он отважен, не очень умен, молчалив, легко управляем. Прекрасный дружинный вождь! Для некоторых очень удобный. А не будет Ятвига, и Хотобуд подойдет.

– Да ну – Хотобуд! Скажешь тоже.

– Кстати, Влекумер поначалу очень противился тому, чтобы меня приняли в род, а потом согласился. Ну, правильно: дружины еще нет, времени навалом. Постой-ка! А ведь теперь и я для них помеха! – Радомир нервно расхохотался и потянулся к дровам, сложенным у стены небольшой аккуратной поленницей.

Истр только свистнул:

– А не слишком ли ты...

– Может, и слишком, но, знаешь, как у тури... как в моем роду говорили: лучше переест, чем недоспать! И вообще, лучше быть здоровым, но богатым, чем бедным, но больным.

– Здорово, хоть и непонятно! – Парнишка захолопал глазами. – А я тогда кто? Богатый или бедный? Это роды бывают бедные и богатые. А люди все в своем роду одинаковые.

– Вроде бы так, – Радомир охотно кивнул. – Стадо коров – общее, принадлежит всем. А вот пастушонок Мешко – он может хоть одну коровенку, скажем, на ожерелье или добрый меч обменять?

– Мешко?! Нашу коровенку? На меч? Да ему за такое...

– А ты можешь?

– Ну... – Подросток задумался. – Наверное, могу, батюшка Доброгаст мне разрешит.

– Вот-вот. И на одежду свою посмотри – в чем ты ходишь и в чем тот же Мешко. У пастушка – заплатка на заплатке, дыра на дыре, а ты во всем крепком, новом, да и я тоже. Ожерелье, вон, какое на тебе, не у каждой девки есть. У Малосты не было ничего такого.

– Малоста была раба!

– Вот, вот, и я о том же.

Снаружи послышались голоса, потом шаги: кто-то бежал к дому.

– Эй, братцы, чего тут суксались? – Едва не скатившись к очагу кубарем, закричал Тужир. – Давайте, скорей собирайтесь, идем!

– Куда идем-то? Что ты блажишь?

– Да вы что, забыли?! Завтра же охота начнется! А сейчас Влекумер будет у богов удачи просить, и все мы с ним. Пошли глядеть! Все уже там давно, на берегу!

– Так-так и все? – усмехнулся Радомир. – И Влекумеры?

– Как же без них-то? Ну, пошли же, скоро начнется!

– Так-та-ак...

Вскочив на ноги, молодой человек вдруг обнял братцев за шеи и зашептал:

– Значит, избенка волхва пустая стоит? Вот бы туда заглянуть. Любопытно – что он там прячет?

– А разве он что-то прятать должен? – сверкнул глазами Тужир.

– Не знаю. Но любопытно было бы в сундуки его заглянуть.

– Точно! – Тужир азартно хлопнул себя по коленкам.

– Да ну вас! – отмахнулся Истр. – Думайте, что говорите-то? Вдруг попадемся?

– Не попадемся! – Без меры любопытный Тужир в нетерпении притопнул. – Да мы быстро – только одним глазком взглянем, и сразу назад, на кручу. Никто и не заметит, темно ведь уже, а собак Влекумеровых я знаю – они от нашей Чернышки. Всяко не разорвут, да и на цепи. И лаять не станут – надо только им кость дать. Я захвачу.

Быстрый парень был Тужир и любил совать нос в чужие дела! Знал Радомир, с кем о давно задуманном деле разговаривать.

– Ты, Истрище, можешь с нами не ходить.

– Ага, как же! – обиделся подросток. – Вы пойдете, а я нет? Молодцы, верно решили...

– Ладно, не обижайся. – Радомир уже накинул на плечи бараний кожух: к вечеру хорошо подморозило, до минус двух, наверное.

Зато хорошо – слякоти нет, небо в звездах! За околицей на круче вьется, бросается искрами в ночь оранжевое бурное пламя; слышны голоса, звуки бубна, смех...

Двор волхва располагался на другой стороне селения, ближе к лесу: за высоким плетнем пара землянок, хлев, птичник, баня, все небольшое, рассчитанное на одну семью. Кроме самого хозяина с женами и челядью здесь бывал разве что Хотобуд.

– Эй-гей! – подойдя к задней калитке, на всякий случай покричал Тужир. – Есть кто дома-то?

Ответом был лишь собачий лай. Тогда парнишка без боязни отворил калитку, швырнул собакам кость, склонился, погладил здоровущих псов, больше похожих на волков:

– У-у-у, зверища!

Истр тоже потрепал собак по загривку. Те вели себя дружелюбно – повизгивали, махали хвостами, даже на Радомира не зарычали, хоть он был им незнаком.

– Истр, у ворот постоишь?

– Зачем? Кто пойдет – собаки на чужого залают, а если свой – заскулят, мы и услышим! Молодой человек согласно махнул рукой: а черт с ними, все равно недолго тут...

Оказавшись в жилище, парни первым делом зажгли лучину от углей в очаге – и тут же застыли в благоговейном ужасе. Было от чего: по всем стенам, среди пучков дурно пахнущих трав и сушеных ящериц, белели черепа – волчьи, коровьи, козлиные, человеческие. Последние явно преобладали.

– Мертвые головы, – прошептал Истр. – Вот эти, – он показал на недавно вываренные черепа, небольшие и блестящие, – верно, Хотобуд с Ятвигом принесли от готов. Хвастались!

– А ну-ка, посвети, братец!

Радомир поднял крышку объемистого, обитого позеленевшими медными полосами сундука. Интересно, что он там хотел увидеть? Стереосистему «бумбокс», автомат Калашникова, базуку? Ничего такого, увы, не нашлось, никаких указаний на связь с иным временем, одни побрякушки: всякие там усыпанные драгоценными камнями диадемы, ожерелья, браслеты, цепочки, подвески, кольца и прочая хрень. Да еще множество золотых и серебряных монет.

– Вот это сокровища! – изумленно присвистнул Тужир. – У Доброгаста столько нет!

– Ромейская! – Истр попробовал монету на зуб.

– По вкусу определил? – не сдержался Радик.

– Не, по рисунку. Вон кесарь, а вон корабельный нос.

– Поня-а-атно, – разочарованно протянул Родион.

Не за пошлыми сокровищами он сюда шел!

Не в меру любопытный Тужир тем временем попытался снять со стены ящерицу, чтобы рассмотреть получше, но уронил, черт безрукий! И ящерицу, и висевший по соседству с ней череп и... И еще на земляной пол свалилась какая-то металлическая пластина, никем ранее не замеченная. Небольшой, чуть тронутый ржавчиной прямоугольник, черный, с двумя дырками и белыми выпуклыми буквами и цифрами: «46–19 РОС». Номер!

Автомобильный номер старого образца!

Глава 12

Осень 450 года. Поселок

Охота

И зачем волхву регистрационный номер? На телегу свою хочет привесить, чтобы гаишники не приставали? Так нет тут гаишников и не скоро еще появятся. Однако главный вопрос тут не зачем волхву номер, а где нашел? На болоте, вестимо! Да и прихватил с собой – вещь непонятная, а все непонятное пугает не хуже черепушек. А сюда, в пятый век, номер попал так же, как сам Родион – провалился в трясину, может, даже вместе с машиной! Поехал какой-нибудь пьяный шоферюга за водкой... Хорошо, если сам выскочить успел. А не успел... если очутился здесь, то, скорее всего, уже погиб – в одиночку здесь не выжить, а никакие странные люди в ближайших окрестностях не объявлялись, иначе бы местные знали. Тот же Тужир все сплетни соберет обязательно!

Остановившись, Радомир снял лыжи и принялся счищать налипший снег. Лыжи были хорошие – широкие, охотничьи, беличьим мехом подбитые, да снег нынче сыроват: оттепель. Снова привязав к ногам ремешки, молодой человек обернулся, высматривая среди редколесья своих товарищей. Ну, и где эти охотнички, Истр с Тужиром? Сказали, мы мигом, только силки проверим. Что-то долго проверяют – не напоролись бы на стрелу! Да нет – вон они идут. Луки со стрелами в колчанах за спинами, в руках по палке: не отталкиваться, а опираться, чтоб не упасть. Хорошо идут – лыжники, блин, спортсмены. Этих бы парней да в Ванкувер! Сделали бы всех запросто. И выносливые, и на лыжах ходить умеют – долго, упорно, не теряя скорости, иначе без добычи останешься. Идут, красавцы! В теплых шерстяных обмотках, нагольных полушубках и пушистых меховых шапках, оба в снегу по уши – видно, снежками друг в друга кидались, деятели.

– Ну, как там у вас?

– А вона! – Истр поднял за хвост небольшую куницу. – Славный мех – как раз на шапку. Сейчас подвешу куда-нибудь, чтобы лисы не достали, и дальше пойдем. Ближе к болотине, там зайцев должно быть тьма.

– Что ж, с почином, – Радомир оценил куницу. – Видно, не зря молили богов об удаче.

– Точно так.

Пристроив добычу на приметное дерево, чтобы не таскать с собой и забрать на пути домой, молодые люди направились через редкий лесочек к холму, за которым вилась покрытая льдом река, запорошенная мягким мокрым снегом.

– Может, не пойдем к болотине? – с надеждой обернулся Истр.

– Вы как хотите, – Родион пожал плечами. – Не неволю. Ищите зайцев, потом на поляне встретимся.

– Нет уж, – оба парня переглянулись. – Мы лучше с тобой. А зайцы не уйдут, до темноты еще долго. Жаль, собак не взяли.

На том, чтобы идти без собак, настоял Родион: не хотел лишнего шума, чтобы подобраться к нужному месту потихоньку.

– Ну, что стоим, кого ждем? – Весело подмигнув товарищам, молодой человек с силой оттолкнулся палкой и лихо съехал с холма вниз, к речке.

Точнее, собирался съехать. В прежние годы он и в Хибины хаживал с туристами, да теперь-то у него на ногах были не прежние пластиковые лыжи, а деревянные – увы, не того качества. Да снег мокрый. Да мази нет. Да...

В общем, грохнулся Радомир в сугроб препозорно, едва не в реку с обрыва кувырком!

Ох, как хохотали товарищи-братья! Аж до икоты. Но Родион не обижался: хорошо, что веселые парни попались в родню, с такими не соскучишься.

– Ну, ты хорош, Радомире! Красиво съехал – аж снег столбом! Молоде-ец! – закатывался Истр.

Тужир вообще не мог слова вымолвить – держался за живот от смеха, даже шапку отцовскую уронил.

– Покажи дураку палец – он и рад хохотать, – наконец не выдержал Родион. – Кончай ржать, поехали дальше.

И Тужир замолк, но веселый хохот его оборвался настолько резко, что Радомир с тревогой обернулся – уж не случилось ли чего с парнем? А тот, потянувшись за шапкой, отлетевшей в кусты, так и замер с протянутой рукою, будто диво какое увидел.

– Что там такое, брат?

– Лыжня! Сами смотрите – точно, лыжня!

И в самом деле – кусточками, меж деревьев, через бурелом и прочую неудобь тянулись два параллельных следа.

– Но почему они здесь-то шли? – удивился Истр. – Во-он откуда приперлись... Если наши, то плелись в обход и крюк намотали изрядный. Зачем?

– Точно, наши, – надев наконец шапку, согласился Тужир. – Другим тут и неоткуда взяться – угоды-то наши. Ты прав, брат, – и зачем они за болота пошли?

– Наверное, из Витенеговых кто-то. Они вроде как собирались в ту сторону, только не к болотам, а в дальний лес.

– Может, и Витенеговы. Ну а им зачем такого крюка давать?

– Эй, парни, – Радомир помахал рукой. – С чего вы взяли, что тут не один человек прошел? Лыжня-то одна.

– Так видно же – ты что, брате, без глаз? – Парни переглянулись и прыснули.

Вот, блин, индейцы! А им стоит верить – охотники в следах разбираются.

– Вон от палки след... тут и тут... и тут... – сняв рукавицу, показал Тужир. – Сам прикинь – этак вот, раскорякой, идти неудобно. Значит, не один тут был, а двое или того больше.

– И что значит «больше»? – поддел его Радомир. – Выходит, и вы не все знаете. Двое их было? Трое? Пятеро?

– Не больше троих, – Истр наклонился к лыжне. – Если больше – снег бы плотнее примяли.

– Поняа-атно. Ну что, господа следопыты? Дальше пошли? Только осторожней. Не нравится мне эта лыжня почему-то.

– И нам не нравится. Если наши – зачем так таиться?

– А вот неплохо бы глянуть – кто это? – улыбнулся Тужир.

Родион хмыкнул: странно было бы, если этот парень не предложил нечто подобное. У Истра тоже глаза вспыхнули, да и сам Родион, честно говоря, был заинтригован – и кого это понесло на болота, да еще окольным путем? Влекумера с Хотобудом? Больше, похоже, некому. А что гадать, когда можно проверить?

Усмехнувшись, юноша стряхнул с полушубка снег и махнул рукою:

– Вперед, парни.

Поехали по загадочной лыжне – не быстро, осторожно, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к звукам леса. Таились. Лыжня сначала шла к болоту напрямиком, но потом стало видно: проложившие ее остановились, посоветовались, наверное, после чего резко изменили направление.

– Ну, вот, я так и думал, – ухмыльнулся Истр. – К лесу они пошли, где силки ставят. И мы заодно свои проверим.

– А собак и у них нету, следов не видать. – Тужир поправил шапку, которая явно была ему велика и все время съезжала на глаза. – Но зачем такой круг делать?

– И мы, дураки, следом поперлись! – звонко расхохотался Истр.

– Тихо ты! – прикрикнул на него Радомир. – Всех зверей распугаешь. Давайте, пошли потихоньку. Да по сторонам поглядывайте, не расслабляйтесь, мало ли что?

Как и положено младшим, те послушались старшего брата, хоть и посмеивались про себя. И в этом они сильно отличались от подростков двадцать первого века, которые в подавляющем большинстве ходить на лыжах не любят и не умеют, предпочитая валяться на диване перед телевизором, щелкать телефоном, шариться по порносайтам либо похвастаться крутизной своей липовой в разных там «живых журналах».

Родион усмехнулся, вспомнив своих одноклассников. Хорошие были ребята и девчонки, по выходным просили классную «в поход» их сводить. Походом у них тогда назывался пикник на природе, неподалеку от города, с газировкой или пивком: чтобы на травке посидеть, песен попеть, в волейбольчик сыграть. Что бы они запели, если бы самим пришлось дрова рубить и колоть, еду готовить, посуду мыть! Да еще с байдарками, палатками и прочим снаряжением управляться! А кругом-то комары, клещи, слепни! Нежное тело попало в дело – мама, забери меня отсюда-а-а...

– О, боги! Что это?!

Идущий впереди Истр остановился так резко, что погрузившийся в свои мысли Радомир едва не сбил его с ног.

– Чего, чего увидели-то? – заволновался позади Тужир.

– А вон... – Истр обернулся. – Сами смотрите!

Впереди, шагах в трех, поперек лыжни лежал человек со стрелой в груди! По всей видимости, мертвый – невысокий коренастый мужчина в лисьем малахае, скуластый, с желтоватым узкоглазым лицом.

– Это гунн... – тихо промолвил Истр. – А стрела охотничья. Вон у тех деревьев самострел должен быть... Тужир, посмотри-ка.

– Есть самострел! – откликнулся парень. – Недавно поставлен, может быть, даже сегодня.

– С чего ты это взял? – Радомир отвел взгляд от убитого и вдруг вздрогнул, услышав где-то рядом, в кустах, конское ржание.

– Откуда здесь лошадь?

– Лошадь? – в тревоге оглянулся Истр. – Да не одна, пожалуй... О боги! Всадники... и как много! Скорее бежим, братцы!

Глава 13

Осень – зима 450 года. Южная лесостепь

Налог кровью

Радомир бросился было в чашу, но ременная петля захлестнула горло, не давая дышать, опрокинула наземь. Юноша захрипел, вцепился в ремень, пытаясь ослабить давление – но тщетно. В глазах заплескали зеленые звездочки, потом обрушилась тьма.

А вокруг бесновались раскосые всадники на мохнатых лошадках, орали что-то гортанными голосами. Двое спрыгнули в снег, ослабили петлю на шее пленного, заломили руки, связали. Потом рывком поставили на ноги и подтолкнули тупым концом копья: шагай, мол. Аркан был привязан к седлу, и хорошо еще, что обилие глубокого снега мешало всаднику пустить лошадь в галоп. И все же Радомир старался не падать, а упав, поскорее подняться, не желая, чтобы его волокли по сугробам. Всадники вокруг – надо думать, это и были гунны, о которых он столько слышал, – размахивали плетками, смеялись. Молодой человек крутил головой, пытаясь найти своих товарищей, но не видел ни Тужира, ни Истра. Не удалось ли ребятам скрыться? Хорошо бы...

Спустившись к реке, где пролежала наезженная санями дорога, всадники пустили лошадей вскачь, и уж тут-то пленнику туго пришлось. Хорошо хоть, бежать заставили недалеко. Через пару километров, за излучиной, на берегу показались шатры: два маленьких серых и один большой, крытый золоченой парчой, с синим стягом на шпиле. Возле входа стояли двое дюжих молодцов с копьями и горел костер, возле которого кружил полуголый старик с выбритой головой – шаман, судя по всему. Ударяя в бубен, старик подпрыгивал, скалил зубы и завывал:

– Сюнну-у-у, сюнну-у-у, у-у-у-у!

Рядом с ним толпились вооруженные мечами и секирами воины в мохнатых шапках и подбитых мехом плащах. Кстати, как заметил Родион, узкоглазых среди них было не так уж и много. Воины о чем-то переговаривались, озабоченно поглядывая на хмурое небо: видно, опасались метели.

Остановившись у костра, всадники спешили. Родиона ухватили за руки и, отцепив аркан от луки седла, затащили пленника в шатер. Изнутри он казался еще просторнее, нежели снаружи; здесь было тепло от жаровни, золотые курильницы распространяли аромат благовоний. Тускло горели светильники на высоких ножках, а на медвежьих шкурах и коврах сидели мужчины – кто-то был в кольчуге, кто-то в доспехе, напоминавшем облачение римских легионеров, а кто-то голый по пояс.

В центре же, на возвышении, накрытом темно-голубым бархатом с серебряной вышивкой, в окружении трех смуглых красавиц, скорее раздетых, нежели одетых, важно возлежал воевода гуннов – человек средних лет, вполне европейской внешности, с небольшой бородкой и усиками. Рыжевато-пегая шевелюра достигала плеч, на узкую зеленую тунику была накинута широкая ярко-красная хламида с короткими рукавами и золотым шитьем, а поверх нее – синий плащ на горностае, застегнутый узорчатой фибулой с разноцветной эмалью.

Войдя в шатер, воины силой поставили пленника на колени и сами поклонились.

– Все ясно, – на чистейшем словенском языке изрек главный. – Это, наверное, третий убийца!

– Я... Мы никого не убивали! – Радомир вскинул глаза.

– Не убивали? – Предводитель гуннов нехорошо прищурился, что сразу сделало его непримечательное лицо страшным и злым. Унизанные драгоценными перстнями пальцы сжали рукоять меча. – Не убивали? А что же, Дамир, наш несчастный воин, сам напоролся на стрелу?

– Вот именно что сам, – пожал плечами пленник. – На тропе был поставлен самострел на зверя. Внимательней надо быть, когда бродишь в чужом лесу.

– Вот как? А мне почему-то нравится этот дерзкий парень! – на готском наречии произнес гунн, после чего усмехнулся и снова перешел на словенский. – Если такой умный, тогда поясни мне, какого зверя ждал этот лук? Если вставшего на дыбы медведя – так зимой медведи спать, а волки на задних лапах не ходят!

Молодой человек непроизвольно вздрогнул. Так вот оно что! Теперь он понял, для кого предназначалась стрела. Вот только чья она?

– Дрожишь? – усмехнулся гунн, оказавшийся весьма наблюдательным. – Боишься? Не бойся – мы тебя не сразу убьем. Вначале сдерем кожу.

Если судить по громкому хохоту всех присутствующих, это была шутка, хотя Радомир не счел ее такой уж удачной.

– Вижу, больше не дрожишь, – главарь кивнул. – Сколько у тебя было сообщников?

– Какие еще сообщники...

– Ах, не было? Тогда и тебе не будет больше веры. *Mendax in uno, mendax in omnibus* – солгавший в одном лжет во всем.

И снова все засмеялись. Ишь ты, вечер юмора им тут!

Гунн между тем махнул рукой, и четверо воинов ввели в шатер Тужира с Истром. Оба парня были избиты в кровь и едва держались на ногах.

– Это твои сообщники, убийца? Что молчишь? Плохи ваши дела, скажу сразу. *Ab altero exspectes alteri quod feceris*, то есть жди от другого того же, что сам ему сделал.

– У нас говорят: как аукнется, так и откликнется, – усмехнулся пленник. – Только это к нам не относится, мы-то никого не убивали.

– Не вы, а настороженный вами лук. На человека, нашего человека!

– Да не наш это самострел! Мы едва успели в лес войти, как на вас напоролесь!

– А кто же? Кто же тогда убил нашего воина?

– Не знаю!

– Незнание – не довод! – высокоученый главарь осчастливил собравших еще одной латинской мудростью. – Хорошо, зайдем с другого конца – кто вы и из чьего рода? Где ваше поселение, как долго до него идти?

Радомир украдкой бросил взгляд на Истра: тот едва заметно покачал головой. Понятно – не надо им говорить про селение. И что же – погибнуть под пытками? Эти церемониться не станут. На вожака их достаточно посмотреть: холеный такой, интеллектуала из себя строит, будто какой-нибудь оберштурмбанфюрер СС!

– А? – Повернув голову, гунн глумливо приставил к уху ладонь, что немедленно вызвало новый взрыв веселья подчиненных. – Не слышу ответа. Ах, вы, наверное, лучше поймете по-другому. Хорошо! – Он обернулся к воинам и указал пальцем на Родиона. – Берите вот этого...

Тужир нервно сглотнул, и палец сразу же переместился на него:

– Нет, лучше вот этого. Похоже, он из них самый младший. Что смотрите? Он будет умирать у вас на глазах и, поверьте мне, долго и страшно.

Схватив побледневшего как полотно парня, гунны быстро сорвали с него одежду и положили спиной вверх на принесенную снаружи колоду. Какой-то мерзкий кривоногий тип с мускулистыми ручищами выхватил из-за пояса кнут и поклонился:

– Приступать, мой господин?

– Пожалуй, приступай. А мы послушаем... и посмотрим. И пусть подадут еду...

Но едва кривоногий палач успел размахнуться, как главарь поднял голову и прислушался.

– Что? Что там такое, что за шум? Подожди пока, Ашир. Узнайте, в чем дело?

– Там какие-то люди, господин, – войдя, с поклоном доложил стражник. – Говорят, к тебе.

– Ко мне?

– Они назвали твое имя, господин.

– Хм... – Предводитель гуннов задумался, но тут же усмехнулся. – Ах да, совсем забыл. Кажется, я знаю, кто это. Пусть войдут.

Стражник покинул шатер, и сразу же, сняв шапки и кланяясь, вошли двое – жрец Влекумер с молодым Хотобудом!

– Здрав будь, славный Варимберт-воевода!

– А, вот и местный жрец пожаловал. Что так долго?

– Запоздали, извини, господин. Зато...

Волхв вдруг осекся, встретившись взглядом с привязанным к колоде Тужиром. Хотобуд сразу же заметил двух других парней и успел шепнуть о том Влекумеру.

– Что вы там шепчетесь? – немедленно поинтересовался Варимберт. – А, вижу, вы узнали сородичей! Они, кстати, только что убили нашего воина.

– Не мы! – Родион упрямо мотнул головой. – А скорее эти двое. – Юноша кивнул на старика с племянником. – Они и есть убийцы.

– Да что ты говоришь? – рассмеялся предводитель гуннов.

– Я говорю, что есть!

– Ладно, не будем спорить, – Варимберт щелкнул пальцами. – Уберите пока этого...

Воины и палач послушно утащили из шатра колоду с привязанным юношей.

– Эй, эй, – забеспокоился Радомир. – Нельзя ли его развязать и дать одежду? На улице-то, чай, не май месяц.

– Заботишься, чтобы твой дружок не замерз? А ты, жрец, ничего не хочешь мне поведать?

– О да, господин! – Влекумер расплылся в улыбке, которая так редко гостила на его хмуром лице. – Эти парни – ловкие и смелые, из них выйдут хорошие воины.

– Не может быть. Ты, верно, имел в виду, что они подлые убийцы.

– Нет, нет, вождь, именно воины. Если бы ты только видел, как отчаянно они бились с готами! А как ловко потом выбрались из земляной ямы!

– Сбежали из земляной ямы? – удивился Варимберт. – Ну, надо же! А ведь кто-то мне уже об этом рассказывал. Кажется, один славный юноша, по имени Эрмольд. Или кто-то из тех, кто за ним присматривает – сам-то Эрмольд особой честностью не отличается.

– Это умелые воины, клянусь всеми богами! – твердил Влекумер.

Радомир слушал его с тревогой: с чего это навью их нахваливать? Тут явно дело нечисто.

– Берите этих троих, – неожиданно предложил тот. – Все будут рады, да еще трех девок в придачу дадим, дань больше обычной получится.

– Девки у нас и так будут, – заметил гунн. – На обратном пути возьмем у готов. Впрочем, не откажемся и от ваших, но только чтобы красивые были или мастерицы умелые, ясно?

– Я передам твои слова старейшинам, – поклонился Влекумер, приложив руку к сердцу. – Они исполнят.

– Еще бы! – усмехнулся Варимберт. – Они мне теперь должны всю жизнь – ведь это ваши люди убили моего. Так ты говоришь, из этих троих получатся воины? Уж больно они молоды.

– Молодые, да ранние, как у нас говорят.

– Ваши старейшины всегда норовят схитрить и спрятать от нас лучших бойцов. Вот что! – Воевода хлопнул в ладоши. – Мы их сейчас проверим в деле!

Все вышли наружу, встали под сосной за шатрами. Воины вновь подвели пленников к вождю.

– Кто из вас стреляет из лука? – спросил тот.

– Да все, – Истр пожал печами и сплюнул. – Хоть я могу.

- Видишь ту сосну? И мишень на ветке?
- Эту ту, медную? – Юноша прищурился. – Что блесит?
- Собьешь?
- Дайте лук.

Влекумер с Хотобудом, топтавшиеся неподалеку, побледнели. Жрец быстро подошел к Варимберту, заискивающе поклонился:

- Так, может, мы, господин, и пойдем себе? Все вроде решили.

– Мы еще не испытали ваших воинов! А-а-а... – понятиливо осклабился гунн. – Ты опасаешься, что стрела полетит не в мишень, а в твой живот? Напрасно! Видишь того славного воина с большим кинжалом? Это Ашир, наш палач. Любым оружием владеет отменно. Слышишь, парень? Да-да – ты! Не вздумай шутить! Развяжите ему руки и дайте лук. Кстати, того, третьего, что мы хотели пытать, догадался кто-нибудь развязать? Молодцы.

Варимберт подошел к Истру и лично вручил стрелу.

– Попадешь – будем считать, что для тебя все закончилось удачно. Нет – что ж, заменишь своего дружка на колоде. А уж Ашир постарается...

Взглянув на палача, вождь добавил что-то на непонятном Радомиру языке, наверное, гуннском. Правда, собственно гуннов, желтолицых и узкоглазых, среди его подчиненных было совсем мало. Как и сам воевода, большинство их имело европейскую внешность: скорее всего, это были готы или их сородичи из какого-то другого германского племени. Родион понимал их речь, хотя сам не знал, каким образом ему это удается.

Тем временем пошел снег – не зря опасались метели. Послунив палец, Истр проверил силу ветра, потом прицелился. До сосны и висящего на нижней ее ветке медного диска, размером с консервную банку, было метров сто. Честно говоря, Радомир тревожился: подросток хоть и неплохой охотник, но все же...

В-вух!

Свистнула стрела, и словно в ответ послышался звон. Оп – и сбитая мишень улетела в кусты, исчезла в сугробе. Туда немедленно кинулись люди – нашли, отряхнули, принесли, протянули с поклоном:

- Смотри, вождь!

– Молодец! – с довольным видом похвалил гунн. – С первого выстрела. А ты не обманул, Влекумер!

Он обернулся к навию, а тот сразу приосанился, заулыбался, будто лично тренировал Истра, неожиданно выигравшего олимпийскую медаль. Хотобуд, глядя на своего покровителя, тоже горделиво расправил плечи: дескать, это он отобрал для господ гуннов таких хороших воинов, дерьма не предлагаем. Однако рано радовались – испытания-то не закончены.

Взгляд Варимберта упал на Тужира, зябко переминавшегося с ноги на ногу – замерз парень, пока лежал на колоде голый.

– А ты что умеешь? Стрельбу мы уже видели, попробуем другое. Может быть, борьбу? Ты что там разглядываешь, парень?

Тужир, не отрываясь, смотрел на одного из воинов: уже немолодого германца, по виду опытного, со шрамами на лице. Волосы его были заплетены в две косы, правой рукой он опирался на короткое копьё, левой держал на плече секиру с затейливыми узорами на лезвии и полустертой позолотой на рукояти. Оружие было дорогое – скорее на праздник, чем в бой с таким ходить, вероятно, добыча.

– Похоже, этому парню понравился твой топорик, дружище Хлотарь! – захохотал Варимберт. – Дай-ка ему.

Подойдя ближе, матерый воин поклонился и, буркнув что-то, отдаленно смахивающее на приветствие, с явной неохотой протянул секиру парню.

– Ну? – потирая руки, ласково осведомился херцог. – Что ты можешь сделать, имея такую вещь?

– Красиво! – проведя ногтем по лезвию, восхищенно произнес юноша. – Никогда таких не видал.

– Ты много чего не видал. Так можешь хоть что-нибудь?

– Ну... дрова могу наколоть... быстро и много.

– Слышал, Хлотарь? Этот парень собрался твоей секирой дрова колоть!

– Я его кости поколю и сложу в поленницу! – под общий смех вспылел ветеран. – А ну-ка, отдавай обратно!

– Постой, постой, дружище! – Варимберт от души веселился, а его свита едва не лопалась от смеха. – Значит, дрова колоть умеешь. Хорошо. А куда бы еще эту вещичку приспособить? Только не говори, что бриться можно!

– Вон та сосна... – Тужир посмотрел вдаль. – Я бы подошел шагов на сорок...

– Подойди, – разрешил вождь. – Но прежде скажи – что ты хочешь делать?

– Срублю ей вершину!

– Так-таки и срубишь? А не высоковато лезть?

– Кто собирается лезть?

Радомир закусил губу, глядя, как неотступно следовавший за парнем палач с длинным кинжалом в руке громко отсчитывает шаги:

– Три дюжины... Три дюжины и один... Три дюжины и два... Сорок!

На последних шагах подросток начал раскручивать секиру снизу вверх, сбоку от себя. Крутил, крутил, крутил – и, не замедляя шага, бросил!

Срубленная верхушка свалилась в сугроб. Тужир тут же метнулся за секирой – нашел, счистил рукавом снег и, вернувшись, с поклоном подал ветерану:

– Твое оружие весьма хорошо, славный воин. Но чтобы владеть им в бою, нужна немалая сноровка.

– Не переживай, у Хлотаря такая сноровка есть, – под общий смех съязвил предводитель гуннов и повернулся к Радомиру: – Теперь ты. Оружие я выберу сам. Владеешь мечом?

Молодой человек неопределенно хмыкнул. В армии он из карабина неплохо стрелял и еще из автомата Калашникова. В той схватке с готами пришлось, конечно, и мечом помахать – как-то все само собой получалось.

– Меч! – не оборачиваясь, потребовал херцог.

Кто-то сунул в руки пленному красивую узорчатую рукоять. Гуннский меч был почти без перекрестья, зато на клинке словно бы сквозь туман проступали матовые разводы. Просто чудо!

– Ашир, будешь биться с ним. Осторожнее, не калечь без нужды. Но если почувствуешь слабость – можешь срубить голову!

Скинув полушубок, палач до пояса обнажил мускулистое тело, густо покрытое татуировками в виде змей, драконов, лошадей. Ухмыльнулся, взмахнул мечом.

Радомир тоже стащил рубаху. Сейчас он почему-то не чувствовал ни холода, ни метели, скорее ему даже было жарко.

Меч дали хороший, спору нет, но к нему бы еще умение! Что толку в купленных правах, если совсем не умеешь ездить?

Палач ударил первым, сильно и хлестко. От неожиданности молодой человек едва не выпустил оружие, и зрители разочарованно засвистели.

– Покажи ему, Ашир! Снеси неумехе голову!

Судя по прищуренным глазам палача и презрительной усмешке, именно это он и собирался сделать. Да решил покуражиться сначала, черт бритоголовый.

Подпрыгнув, он взмахнул мечом и слегка оцарапал юноше грудь; показалась кровь, а палач опять отскочил, примериваясь, выбирая цель для нового удара. Перед глазами Радомира будто молния сверкнула – он и понять ничего не успел, а на груди заалела новая царапина, образуя вместе с первой кровавый крест. Противник захохотал, вращая глазами, отпрыгнул, поклонился зрителям и снова ринулся в бой. На этот раз с силой ударил по руке – видно, хотел отрубить напрочь.

И вдруг с Радомиром что-то случилось – как той ночью, во время сражения с готами. На миг потемнело в глазах, а потом все существо охватила холодная и расчетливая ярость. Меч словно сам собой отбил вражеский выпад и ринулся вперед – два стремительных удара, и разрисованную грудь гунна тоже украсил крест из двух кровоточащих царапин!

Ага! Вот тебе!

В глазах-щелочках промелькнула тревога. А Радомир не унимался, снова атаковал; в ушах стоял звон, белый снег вокруг уже испятнала кровь, а в груди поднималась буйная непонятная радость! Голову, говоришь? Еще посмотрим, кому чья голова достанется!

В себя Родион пришел, лежа на снегу. Четверо воинов держали его за руки и за ноги, а пятый, тот самый ветеран с косами, сидел на груди и с силой хлестал по щекам.

– А, очнулся наконец! – наклонившись, Варимберт с явным любопытством посмотрел на парня. – Да ты, оказывается, берсерк! Ну надо же – воин-зверь! Такой же пустоглазый дурень.

На следующий день гунны тронулись в путь. Двести прекрасно вооруженных воинов, конных и пеших, около сотни рабов и рабынь, груженные данью сани-волокуши вместе составили обоз, растянувшийся на километр. В эту снежную страну, некогда покоренную предками нынешнего властелина Атиллы, херцог и королевский граф Варимберт, сын славного Индульфа, явился за данью. В сборе таковой ему, разумеется, помогали доверенные люди из числа местной знати. Это хорошо понимал Радомир, шагавший у стремени властелина. Варимберт херцог любил вести в пути умные беседы, и хотя предпочитал скорее говорить, чем слушать, все же нуждался в собеседнике. А Родион мотал на ус, ухмыляясь про себя: и в двадцать первом веке было у него немало таких же разговорчивых знакомых. Кое-что в мире и с тысячелетиями не меняется...

Вот на дальнем пригорке показался новопостроенный Доброгастов тын, но к нему гунны не поехали. Незачем – рабыни и воины уже взяты.

– А за стену ваши старейшины заплатят дополнительно, – перехватив тоскливый взгляд парня, ухмыльнулся вождь. – А как ты думал? На следующий год возьмем больше воинов и девок. Налог кровью! Кстати, у твоих дружков не возникнет желания сбежать? Я их, конечно, предупреждал, что в таком случае будет со всеми их родичами и селением, но они еще слишком молоды, чтобы думать о других, а ведь *vita sine libertate nihil est*. Жизнь без свободы – ничто!

– Нет, господин, они не настолько глупы и понимают: лучше возвратиться на родину спустя несколько лет, но с честью, чем прямо сейчас увидеть на месте родного селения пепелище и обгоревшие трупы близких.

– Правильно рассуждаешь, ант, – Варимберт усмехнулся. – Я бы даже сказал, ты слишком умен для берсерка.

– А разве все ваши вожди знают латынь?

– Как же мне не знать латынь, если моя покойная матушка происходила из славнейшего рода римских патрициев? А отец – вождь западных готов. Ты рассуждаешь почти как настоящий философ – прямо новый Сократ, Марк Аврелий, Платон! Тебя не удивляют эти имена? Приходилось слышать их?

– Имена слышал, – честно признался юноша. – А в чем суть, не знаю.

Про Юнга и Фрейда он бы рассказал немало, но этих имен не мог знать сам Варимберт, а стало быть, поразить его своей ученостью не удастся.

– И то хорошо, ведь мои воины вообще ничего такого не слышали, – вождь пренебрежительно взмахнул плетью. – И наложницы, как назло, попались глупые. Не с кем перекинуться словом. Что поник головой? Прощаешься с родиной? Не грусти, парень, тебе и твоим друзьям повезло. Вы увидите мир! Более того – под славным знаменем великого Этцеля вы не просто войдете, а ворветесь в этот мир, надменный и гордый, чтобы поставить его на колени и владеть им по праву сильного. И там уже не вы будете платить налоги, а вам униженные и покоренные народы принесут дань кровью! Что толку сидеть в этих гнусных лесах и болотах, когда есть возможность увидеть весь мир у своих ног. Соплеменники будут вам завидовать, когда вы вернетесь... Впрочем, едва ли вам захочется возвращаться к этой серой и убогой жизни.

Гот Варимберт, внук римского патриция, а по совместительству свирепый гуннский вождь и философ, рассуждал больше сам с собою. Радомир слушал вполуха, и картины будущего величия волновали его гораздо меньше, чем мысли о болоте, от которого он удалялся с каждым шагом. Так или иначе, вернуться сюда надо в теплое время года. А бежать сейчас – бессмысленно. Люди, недавно принявшие его в род, уже успели предать новообращенного сына и брата, пустили в уплату кровавого налога.

И еще он думал о Хильде, девушке из снов. Неужели та случайная мимолетная встреча останется единственной наяву? Нет, не может быть. Теперь он знал, что его удивительные сны были не случайны. В них он становился давно погибшим вождем по имени Радомир – отсюда его знания древних языков, умение обращаться с холодным оружием. Каким образом он унаследовал все это наяву? И как долго будут продолжаться чудеса? Ведь без них человеку двадцать первого века в этом мире не выжить...

Глава 14

Зима 450 года. Поднепровье

Разделяй и властвуй

Гунны не спешили: обоз с данью медленно полз по степям на запад, то забираясь далеко к северу, то отклоняясь к югу. Опытный Варимберт херцог проходил здесь не в первый раз и почти не нуждался в услугах проводников. Как понимал Родион, земли от Уральских гор и до Венгрии и Румынии (здесь известных как Паннония и Дакия) были подвластны гуннам, точнее, их верховному вождю Атилле. Впрочем, большинство его подданных составляли германцы, славяне, аланы, даже римляне, а настоящих потомков древнего народа хунну (или сюнну) оставалось все меньше – дав когда-то толчок «великому переселению», они почти растворились в разноязыком множестве завоеванных народов. Осталось лишь имя, нагоняющее страх на дряхлеющую империю римлян, уже развалившуюся на две части – Западную и Восточную.

Все население степи, лесостепи и даже густых лесов по берегам широких рек Данапра, Данастра, Данувия подчинялось завоевателям, платило им дань и отдавало лучших молодых воинов в войско великого и ужасного Атиллы.

К исходу пятого или шестого дня пути на берегу реки показались заснеженные укрепления, и Родион узнал тот самый, памятный по летним событиям поселок готов: ворота, ров, длинные дома, крытые дерном, а сейчас похожие на большущие сугробы. Кто бы мог подумать, что в этих местах может быть столько снега – прямо тебе Мурманск! Или климат в эту эпоху был более холодным и снежным? Скорее более влажным – сильных морозов, к счастью, не выдавалось, температура, по ощущениям, держалась около нуля. Правда, частенько поднимался ветер, начиналась метель, и мокрый противный снег облеплял щеки.

Заметив обоз, на воротной башне зажгли факелы, хорошо заметные в сумерках, и тотчас же навстречу гуннам вылетели всадники в коротких плащах. Но погарцевать не удалось – кони вязли в снегу и тревожно ржали.

– Да поможет тебе Господь, славный херцог! – Спешившись, всадники низко поклонились, и находившийся неподалеку от вождя Радомир вздрогнул, узнав своего недоброжелателя – молодого Эрмольда. Надменное лицо его сейчас казалось кротким и смешным, как морда ягненка.

– Благополучен ли был ваш путь? – осведомился еще один знакомый, тощий судья-тугин.

– Благополучен, – кивнул предводитель гуннов. – Хотя мог бы быть и полегче, если бы не этот чертов снег! Как наша дань? Вы приготовили девушек?

– О, они давно ждут вас, мой господин! – Старик важно пригладил бороду. – И плач их слышен так далеко, что...

– Что же они рыдают-то, дуры? – удивился Варимберт. – Неужели лучше прозябать здесь, в глуши, среди снегов, нежели стать наложницей, а потом женой славного воина, богатого и великодушного? Жить в великолепном дворце – двухэтажном, с просторным атриумом и садом, с цветниками, источающими нежный аромат роз... А у вас здесь разве что воняет навозом! И уборной-то нет порядочной...

При этих словах Радомир не выдержал и хмыкнул: дикий вроде бы гунн, а тоже комфорта жаждет! Золотой унитаз ему подавай!

– *Risu inepto res ineptior nulla est!* – не оглядываясь, заметил привередливый философ. – Нет ничего глупее глупого смеха.

Молодой человек отвернулся... и встретился глазами с Эрмольдом. Во взгляде гота вспыхнула ненависть – узнал, надо думать. И неожиданно ухмыльнулся: видно, понял, каким образом их беглец вновь тут оказался.

– Прошу, господин. – Старик тем временем забрался в седло – довольно ловко для своего возраста подпрыгнул, сунул ногу в высоко привешенное стремя.

Варимберт как-то говорил, что именно гунны придумали стремена, неизвестные римлянам и германцам. Те всегда сражались пешими, а римляне хоть и имели конницу, но использовали ее разве что на подхвате – без стремян и усидеть-то в седле нелегко, куда там сражаться!

Вслед за любезными хозяевами гуннский обоз длинной гусеницей втянулся в поселок, сразу ставший многолюдным и тесным. В домах, конечно же, все не поместились бы, поэтому гунны прямо на улице разбивали шатры и разводили огонь. Всюду слышались похабные шутки и смех. Хотя Варимберт херцог строго-настрого предупредил своих, чтобы не лезли в жилища и не трогали женщин, все же с наступлением темноты некоторые ретивые вояки, особо изголодавшиеся по теплому женскому телу, попытались проникнуть в усадьбы. Повезло не всем: жители не собирались сегодня спать, а вооружившись копьями, секирами и мечами, прохаживались около своих плетней, с подозрением посматривая на опасных гостей.

Впрочем, кое-кто оказался удачливым и смог выманить с дальнего двора служанок – или кого там, разбери-ка в темноте! То тут, то там уже слышался женский визг и довольный хохот гуннов.

Варимберт на эти забавы смотрел сквозь пальцы: побежденные должны чувствовать власть победителей! Однако, не желая без нужды обострять отношения, на глазах местных вельмож отругал зарвавшихся, даже пообещав предать «особо наглых злодеев» образцово-показательной казни. Поверили ему или нет – неизвестно, но приличия были соблюдены, и в длинном доме тунгина уже накрывали столы, жарили мясо, наполняли кувшины пахучей брагой и недавно сваренным в честь завоевателей пивом. Радомир с братьями на это угощение губы не раскатывали: они пока среди гуннов никто и звать их никак.

Впрочем, именно здесь, в селении, Варимберт наконец распорядился выдать безоружным парням по копьё и поставить дозорными у входа в главную усадьбу. Да строго наказал, чтобы безжалостно отгоняли «всякую пададь» – и своих, и тем более местных.

Парни были этому рады: и оружие получили, пусть даже одно копьё на всех, с которым предстояло нести службу по очереди, и делом заняты хоть каким. Да и с готами малость поквитаться приятно. Им ведь перед словенами заноситься нечего: тоже платят гуннам кровавую дань.

Брага и пиво предназначались избранным – десятникам и заслуженным воинам, пользующимся особым доверием, таким, как Хлотарь из племени сигамбров. Вислоусого седого ветерана Варимберт лично пригласил на пир.

– Только оставь свою секиру, славный воин, чтобы не садиться за дружеский стол с оружием, да и мясо резать удобнее простым ножом! – посмеивался херцог. – Доверь ее пока хотя бы вот этому парню, Радомиру.

– У него честные глаза, – прищурился Хлотарь, протянул Родиону оружие и тут же предупредил: – Смотри, потеряешь – убью!

– Да ладно! – отмахнулся Родион, хотя прекрасно понял: это никакая не фигура речи.

– Однако, ну и манеры! – расхохотался херцог. – Парень, когда-нибудь ты нарвешься, и твоя дерзость тебе выйдет боком! Впрочем, черт с ним! Идем же, славный мой Хлотарь, омочим усы в вине... Или в том, что нальют.

Костры разгоняли сгустившуюся тьму, оранжевые отблески пламени плясали на сугробах и заснеженных крышах. Зимой развести костер оказалось не таким простым делом: вначале надо выкопать в снегу яму до самой земли, выбрать подходящую сушину, срубить, разделить на чурбаки, потом расколоть на поленья. Зато за водой ходить не надо: бери снег и кидай в котел,

как растопится – вари мясо. А мяса было много, ешь, не хочу! Сменявшиеся дозорные тут же шли к ближайшему костру, получали свою порцию и ели торопливо, обжигаясь, а в ту же воду уже закидывали новые куски. Зато какой густой отвар получался – питательный и вкусный.

Между дворовыми постройками сновали младшие домочадцы и слуги, подносили припасы и пиво. Сквозь распахнутую настежь дверь слышались громкие голоса и хохот; вот затащили песню, сопровождаемую вместо музыки грохотом увесистых чаш и кубков:

Кровожадная фрамея
Пьет и пьет чужую кровь!
Мы отбросим все сомненья
И знамения богов!
Вновь косматые дружины
Потревожат вечный Рим!
Кто свободен и двужилен,
Тот почти непобедим!
Легионы встретим песней
И сомкнем стеной щиты!
Мы собьем с них много спеси
И повесим на кресты!⁵

– Что улыбаешься? – окликнул Истр, подойдя и протягивая старшему братцу краюху хлеба – настоящего, недавно выпеченного, с тонкой хрустящей корочкой. – Вот, попробуй. Наши бабы вкуснее пекут, потому что у нас печи лучше!

– Часовому запрещается: есть, пить, спать, отправлять естественные надобности, разговаривать с кем-либо... – вместо благодарности выпалил Радомир. – Что глазами хлопаешь? Устава гарнизонной и караульной службы не знаешь? Три наряда вне очереди!

– Ой, брате... Мудрено ты говоришь. И, знаешь, с каждым днем все мудренее. Я уже тебя с трудом понимаю.

А ведь парень верно подметил! Родион и сам стал замечать, что по мере удаления от Доброгастова села все хуже понимает своих названных братьев. Словно заснул его неведомый «внутренний переводчик», и на язык просятся фразы из двадцать первого века. Надо что-то с этим делать – больше общаться, самому говорить, других слушать. Язык учить всерьез – похоже, он тут надолго застрянет. А как еще постигнешь все тонкости чужой речи, если не в живом общении?

– Благодарствую, братишка, хлебушек очень вкусный!

– Вот видишь! Я для тебя прихватил, когда Варимберт прислал из дома. Ох уж этот Варимберт, – Истр задумчиво покачал головой. – Он и наших всех знает, и готов. Я даже думаю: если не он сам, так его люди могли указать молодым готам путь к нашему селению. Ну, тогда, помнишь, когда Нега погибла. Она нам помогает: недавно во сне приходила, сказала, что все с нами будет хорошо. Веселая была, улыбалась. Только вот хотела предупредить о чем-то, да не успела – проснулся я, дурень... А, это Тужир меня и разбудил, толкаться начал – холодно, вишь, ему стало!

– Варимберт указал готам путь к нам? – хмыкнул Рад. – Вполне вероятно. И так же он указал нам, то есть Хотобуду, обратный путь к готам.

– Но... зачем?

---

⁵ Стихи Евгения Ткаченко (КИР «Готский путь»). (Прим. ред.)

– Экий ты наивный, братишка! Римская... ромейская... пословица есть: разделяй и властвуй. Гуннам не нужно, чтобы словене и готы между собой жили мирно – а то еще в силу войдем, укреплений везде понастроим и с данью кинем.

– Куда... кинем?

– Дань, говорю, платить перестанем.

– А! – Подросток наморщил нос. – Понятно. Тужира сейчас пришло – пусть сменит тебя, пора уже, а ты с нами у костра погреешься.

– Слышь, Истр, давно хотел спросить: как ты время-то определяешь? Откуда знаешь, что Тужиру пора меня сменить?

– А чего тут определять? – непритворно удивился парнишка. – По луне и звездам проще всего, а коли их нет, я в костер гляжу. Догорит головешка – моя пора настанет. Да пустое дело, это все могут.

Родион хмыкнул: да уж, все. Кроме тех, кто с детства к наручным часам привык.

– А вон и Тужир бежит – тоже, видать, на головешку посмотрел. Ладно, тогда пошли.

Вручив переходящее копьё братцу, Родион вслед за Истром отправился к костру, вокруг которого сидело с десятков воинов – готов, гепидов, гуннов. Остальные, надо думать, спали уже или с вождем пировали.

– Вот идем – лес кругом, темно, холодно, хоть и лето, – рассказывали у костра. – И тут вдруг, откуда ни возьмись – римляне! Целый отряд. А командовал ими везигот Лютеций...

В другой раз Родион и послушал бы, но сейчас ему не давала покоя мысль о Хильде. Едва завидев знакомый тын, он сразу подумал, что эта ночевка уж наверное даст им случай увидеться. Но как? Нужно поискать ее – расспросить местных, передать поклон, может быть, договориться о встрече... и поскорее. Мечты, мечты...

– Что-то не спится! – подмигнув Истру, Радомир знаком велел тому оставаться на месте, а сам отошел за шатры.

Постоял, послушал доносящиеся из разных концов селения голоса и собачий лай, подумал и решительно зашагал к ближайшей усадьбе. Здесь было темно и тихо, лишь, громыхнув цепью, вскинулся за воротами пес, угрожающе зарычал, залаял.

– Эй, – оглянувшись, позвал молодой человек. – Есть тут кто-нибудь?

– Тебе что за дело? – с нарочитой грубостью и тайным испугом отозвался со двора юношеский голос. – Ступай своей дорогой.

– Я бы и пошел, – покладисто согласился Радомир, – только вот...

И запнулся: не мог вспомнить, как на языке готов будет «передать поклон». Словно заклинало! Как здесь принято говорить в таких случаях – не привет же передавать!

– Чего надо-то? – прикрикнув на пса, осведомился парень из-за ворот.

– Девушку знакомую ищу, – Радомир решил говорить открыто.

– Ха! Девушку ему! Вот пожалуйсь отцу, он сейчас с вашим вождем пирует – он тебе покажет девушку!

– Ее зовут Хильда – может, знаешь?

– Хильда? – повторили во дворе, после чего озадаченно замолчали.

– Эй, эй! – снова позвал Родион. – Ты там уснул, что ли?

– Ты про ту Хильду, которую едва не казнили? Ну, приبلуду...

– А что, у вас много девушек с таким именем?

– Да нет, Хильда Приблуда одна и есть. Она к нам прибилась лет пять назад, совсем еще девчонкой.

– А ты сам-то очень взрослый, можно подумать! – поддел Родион.

– Тебе какое дело? – неожиданно обиделись за забором. – Вот уйду сейчас и вообще не буду с тобой говорить.

Ага, не будет он! Радомир с трудом сдержал смех. Знал он таких говорливых – хлебом их не корми, дай почесать языком! О чем угодно и с кем угодно, лишь бы слушали, а если и не слушают, то хотя бы не перебивали. А перебьют – еще посмотрим, у кого голос громче! Болтун, как говорится, находка для шпиона. Поэтому Родион, радуясь удаче, молчал, выжидая, пока невидимый собеседник сам не выдержит. И долго ждать не пришлось.

– Ты здесь еще? – вскоре донеслось из-за забора.

– Ухожу уже – что с тобой говорить, коли ты ничего толком не знаешь?

– Это я не знаю? Я много чего знаю, да не всем говорю.

– Кто бы тебя спрашивал...

– Что, что ты там шепчешь?

– Говорю, незачем тут время терять. Хильда, конечно, девчонка красивая, добрая...

– Да, красивая. А вот насчет доброты – не знаю, – засомневался юный гот. – Язык у нее иногда – словно змеиное жало! Не так давно Эрмольд к ней сватался, казалось бы, уважаемый воин, к тому же знатного рода, что еще надо-то?

– Неужели отказала?

– Кто бы ее спрашивал! Родичи отказали. Не знаю, что она им наболтала, да только Эрмольд сильно на нее обиделся. А он ведь не из тех, кто легко обиды забывает.

– Что?! – Радомир насторожился. – И что он сделал?

– Известно что. Предложил ее в уплату гуннского налога отдать.

Черт! Вот это дела!

– Это что же, выходит, ее сейчас и увезут? – Родион похолодел.

– Не сейчас – завтра. И ей еще повезло. Говорят, это она в конце лета пленников-антов из ямы выпустила.

– Да ну? Что ты! – рассмеялся молодой человек. – Почему она? Кто-то что-то видел?

– Никто не видел, а слухи ходят. Потому и говорю, что повезло девке. Так бы сразу казнили, а то всего лишь гуннам отдадут, и все дела.

– Эрмольду только обидно – остался без невесты.

– Ха! Больно нужна кому такая невеста! – невидимый собеседник неприятно засмеялся, будто знал про девушку что-то нехорошее. И тут же пояснил, понизив голос до едва различимого шепота: – Болезнь у нее какая-то дурная. Повитуха Эрмигальда рассказала, а уж она-то знает, даром ведьма. Эрмольдовы парни Приблуду уж хотели уму-разуму поучить, чтоб не заносилась, да заразы побоялись. А то ведь это дело такое: один раз потешился, а потом все почернеет и отвалится...

– Ясно. И решили гуннам сплавить?

– Точно. А вообще Приблуда неплохая девчонка, – ломкий подростковый голос неожиданно потеплел. – Помню, два лета назад мы с ней коров пасли... Говорили о всяком... Хорошо было...

– А где сейчас Хильда?

– Где? Да у ваших, если ты гунн. А на то похоже.

К костру Радомир вернулся в глубокой задумчивости. Там уже почти никого не осталось: только сдавший пост Тужир и еще какой-то парень, чистокровный гунн – с плоским лицом и неподвижным взглядом глаз-щелочек. Сидя на корточках, гунн поджаривал на углях кусочки тоненько нарезанного мяса; при этом его длинные волосы, выбивающиеся из-под войлочной шапки, едва не падали в огонь, так что даже страшно было – а ну как вспыхнут?

– Это Миусс, – обернувшись, представил Тужир. – Вот, вдвоем вечер коротаем.

– Скорее уж ночь! – Усевшись на бревнышко рядом с братцем, Родион протянул руки к огню. – Озяб.

– Да уж, – подкинув в костер сучьев, Тужир поежился. – По всему судя, мороз будет.

– Я и говорю – градусов десять, не меньше!

– Это ты сейчас по-гуннски сказал? Везет тебе, брат, хорошо чужую речь запоминаешь. А я никак не могу, все из головы вываливается, уж сколько ромей Василий учил, все без толку. Истр хоть что-то запомнил, а я всего-то: audio – audis – audit – audimus... Да и все. Наверное, голова такая, ничего в ней не задерживается. Что скажешь, Миусс? Молчишь... Он все время молчит – зато как слушает! Хороший парень, хоть и гунн.

– Да он спит, по-моему, – хмыкнул Радомир.

– Нет, не спит. Это он так слушает. Эй, Миусс, Миусс! Ты спишь?

Гунн никак не реагировал и даже, судя по всему, перестал следить за своим мясом. Родион даже забеспокоился – не подгорело бы, но Тужир усмехнулся:

– Не подгорит!

Родион посмотрел в небо – высокое и звездное. Тучи расходились прямо на глазах. Наверное, только здесь, посреди дикой природы, можно увидеть такую красоту. Но достается она этим диким людям, вроде гунна Миусса, которые на нее не обращают ровно никакого внимания.

– Слышь, братец, а ты откуда знаешь, как его зовут?

– Сам сказал.

– Да неужели! Не очень похоже, чтобы он умел говорить.

Узкоглазый парень по-прежнему хранил полнейшую невозмутимость – и правда, что ли, спал? Родион даже поводит у него перед глазами рукою сверху вниз – никакого эффекта!

– Да спит он, я тебе говорю.

– Не спит, а слушает.

– И что ты тут такого увлекательного рассказывал?

– Да ничего такого, – смущенно улыбнулся Тужир. – Просто болтали...

– Болтали?

– Ну... я больше говорил. Про охоту, праздники, про жизнь нашу нелегкую... Как мы раньше жили... Ох, братец! – Парнишка вдруг вздохнул и задумался. – Неужели мы больше... больше никогда...

– Вернемся! – уверил Радомир. – Обязательно, братец. Я намерен непременно вернуться.

– Жаль, сейчас уйти нельзя, – покосившись на гунна, Тужир перешел на шепот. – Если уйдем – погубят наших-то. Придется пока с ними...

– Да уж, пока придется. Ну а там мы с тобой да с Истром что-нибудь придумаем.

– Конечно, придумаем, – юноша растянул губы в улыбке. – Но... все равно, пока что-то грустно.

– Господи! – Родион вдруг хлопнул себя по лбу. – Сиж тут, болтаю... Мне же Истра менять!

– Да рано еще. Посиди немного.

Очередная стража пришла к Радомиру очень кстати: можно было хорошенько подумать о том, как увидаться с Хильдой. Да увидаться мало – спасать надо! Что ее ждет у гуннов – участь рабыни-наложницы, больше ничего.

Молодой человек скрипнул зубами. Одна оставалась надежда: все же Хильда редкая красавица, такую едва ли станут употреблять... тьфу ты, слово-то какое мерзкое, однако ж иначе не скажешь! – прямо в пути, для этой цели хватает других девок. Такую приберегут в подарок самому властелину, Атилле. Ну а тот уж, гнусный варвар, похотливый развратник и морально разложившийся тип, всенепременно набросится на несчастную девушку прямо сразу, как увидит. Но до тех пор время еще есть, и надо что-то сообразить.

И в ту самую секунду, как Родион об этом подумал, молодой гунн, долгое время изображавший статую, внезапно вздрогнул и выхватил из-за пояса кинжал! Словно подслушал мысли! Его движение было так стремительно, что ни Родион, ни Тужир не успели среагировать, а он...

вмиг вонзил острейший клинок в кусок жарившегося на углях мяса и с улыбкой протянул Радомиру:

– Ешь. Вкусно.

Глава 15

Зима 450 года. Поднепровье

Стрела

В ту ночь Радомир так и не сумел встретиться с Хильдой, и потому вся красота звездного неба не принесла ему ни малейшей радости. Пока он ничего сделать не мог: пленниц, полученных в качестве налога, хорошо охраняли, причем наиболее надежные воины из числа самих гуннов. И не подступишься... Возвращая Хлотарю секиру, молодой человек улыбнулся своим мыслям: ведь если исходить из принципа «разделяй и властвуй», то поручить охрану пленниц следовало словенам!

– Чего ухмыляешься? – с подозрением спросил сигамбр.

– Так, – юноша пожал плечами. – Странно, что нам сейчас оружия не дают. Боятся, что всех перебьем и сбежим?

– Херцог не любит лишнего риска, – ухмыльнулся в усы Хлотарь. Неясно было, одобряет он подобный подход или осуждает. – Скоро перейдем Данапр, а ближе к Данастру вас вооружат. Уж в тех-то краях бежать вам некуда, – подумав, добавил ветеран.

– Так и здешние готы – наши старые враги. Ого, что это?

Выехавшего из ворот Варимберта сопровождали молодые готские воины, в числе которых Радомир узнал Эрмольда и Фротберта, того самого, что задавал ехидные вопросы на суде. Их послали проводить гостей? А почему тогда ворота так поспешно закрыли? Похоже, возвращаться они не собираются. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Эти воины решили принять участие в наших походах, поискать удачи и славы! – теперь уже с явным одобрением пояснил Хлотарь, закидывая за спину толстые седые косы. – И в самом деле, чего молодым сидеть дома, тем более в этой глуши, забытой всеми богами? Ни богатства, ни славы здесь не найдешь.

Сплюнув на снег, Родион покачал головой. Этого только не хватало! Чего хорошего – иметь врагов прямо под боком! А Варимберт и рад: ему так удобнее управлять и теми, и другими.

– На месте вождя я бы не поручил этим парням охранять пленниц, – заметил он.

– Э, не переживай, парень, наш вождь умен и хитер, как тысяча демонов! – Старый воин неожиданно рассмеялся кудахтающим смехом. – Он все сделает, как надо.

И Варимберт оправдал ожидания: охранять готских красавиц было поручено словенам.

– Ну, что это за дело? – разочарованно протянул Тужир. – Сторожить кого-то. Ладно, хоть копыа выдали.

– Кому копыа, а кому и меч! – Истр завистливо покосился на Радомира. – Дай хоть посмотреть, братец.

– Посмотри. – Небрежным жестом Родион вытащил из ножен, висевших на плечевой перевязи, клинок с односторонней заточкой и без перекрестья на рукояти. Зато длиной сей нож-переросток был не меньше метра и назывался скрамасаксом.

– Не очень-то надежным выглядит, – скептически ухмыльнулся Истр и попробовал лезвие пальцем. – Однако острый!

– Еще бы! – обиделся Родион и отобрал у парнишки меч. – Это Хлотаря, ну, того седого, в шрамах.

– Этого, с которым ты все время болтаешь?

– Не болтаю, а разговариваю – бывалых людей послушать всегда любопытней и поучительней, чем глупую молодежь, которая только и знает, что друг перед другом выделяться да чужие слова повторять.

– Ой-ой-ой! – расхохотался Тужир. – А ты, братец, давно ли сделался старым и мудрым? Впрочем, разжился неплохо – у самого Хлотаря меч выпросил.

– Ничего я не выпрашивал, он сам дал, – хмуро пояснил Радомир. – У него их два: кроме этого, есть второй, настоящий, с узорчатым клинком. Еще кинжал да секира. Небось, самому тяжело все таскать, вот и предложил мне. А вы говорите – выпросил!

– Да мы так шутим, братец.

– А еще у Хлотаря очень речь забавная. Он ведь не из готов, а из сиграмбров, это племя далеко отсюда живет. Их с сородичами ромеи называют франками. наших ближних готов – остготами, то есть восточными, а те, что ушли от гуннов далеко на запад – тех вестготами, иначе везиготами.

– Ну ты даешь! – Братцы даже рты раскрыли. – Это все тебе Хлотарь рассказал?

– И он, и Варимберт, он ведь тоже поболтать любит.

– И все почему-то только с тобой, – обиженно заметил Истр. – А мы ему нехороши, что ли?

– А о чем с вами говорить-то, парни? Хорошие вы ребята, но в чем вы разбираетесь, кроме охоты да рыбалки? Знаете, кто такой Аристотель, или Платон, или Сократ? Что такое теорема Фалеса? Или Пифагора – что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы? Знаете?

– Где уж нам... – подростки переглянулись. – Что-то мы тебя, братец, с каждым днем все меньше и меньше понимаем.

– Ничего! – слегка устыдившись собственного высокомерия, Родион обнял обоих за плечи. – Мы ведь с вами братья!

– Ага! – искренне улыбнулся Истр. – А вот любопытно, кого нас охранять поставят? Неужели готских девчонок?

– Ну да, – Тужир покрутил головой, посмотрел на растянувшийся в снежной степи обоз: всадников на мохнатых неказистых лошадаках, пеших воинов, волокуши, нагруженные разным добром. – Кому еще их сторожить – не готам же!

– Не нравятся мне готы! – поддержал брата Истр. – Особенно те, что из этого поселка. Они наши враги! Помнишь, Рад, как мы от них едва ушли?

– Где, как думаете, этих девок везут? Верно, во-он в тех кибитках.

Радомир повернул голову, посмотрел:

– Да, скорее всего.

Кибитки гуннов представляли собой нечто вроде паланкина, только укрепленного между спинами двух лошадей. Иначе они и не проехали бы по такому глубокому снегу, да без дорог.

– Слышь, братец! – Тужир догнал Радомира, ушедшего на пару шагов вперед, ухватил за рукав полушубка. – Оружие нам уже выдали, а в дозор не ставят. С чего бы?

– Не знаю, – Родион пожал плечами. – Присматриваются, наверное.

– Да и чего сторожить по пути? – Истр тоже ускорил шаг и нагнал их. – Куда они тут, посреди степи, денутся? Да и лучников вон сколько кругом: вздумает кто убежать, возьмут на стрелу, мяукнуть не успеешь!

– Да, лучники у них знатные! – усмехнулся Родион. – Особенно вчерашний Тужиров дружок... как его? Миусс, что ли? Это не он там, в конце обоза, скачет?

– Он самый! – Тужир взгляделся и помахал.

И узкоглазый сын древних хунну, к большому удивлению Радомира, махнул в ответ и даже вроде улыбнулся. И мясом вчера вкусным угощал. По всему видно, неплохой парень, хоть и неразговорчивый.

Кстати сказать, сам Радомир уже начал создавать себе репутацию любителя вести беседы – с кем угодно и о чем угодно. Даже на ходу, с трудом вытягивая ноги из снега, не упускал слушая перекинуться словечком с тем, кто рядом – с братьями, с готами, с Хлотарем или Варимбертом. Ведь чем дальше, тем острее он ощущал, как уходит невесть откуда взявшееся знание языков. Во всех своих приключениях он видел много загадочного. Как он связан с древним вождем Радомиром, в честь которого взял себе имя? Зачем и откуда приходили те сны? И почему в них была Хильда? А еще, если обратиться к более земным материям, куда делась его одежда, в которой он вошел в болото? Духи болотные сперли, что ли? Кстати о болотных духах – навия Влекумера необходимо потрясти как следует. Откуда у старого черта автомобильный номер, где нашел? И нет ли в закромах еще чего-нибудь эдакого?

Но возвращаться к знакомой трясине имело смысл только летом, а пока Родион понимал – те силы, которые перенесли его сюда и помогли выжить на первых порах, потихоньку отступают в свое неведомое далеко, словно намекая: теперь, дружок, справляйся сам! Жить здесь предстоит не древнему Радомиру, а ему, Родиону. Одного имени мало – и он изо всех сил старался вжиться в свою новую среду, полагаясь на собственные силы.

К вечеру показалась какая-то широкая река с высокими обрывистыми берегами – скорее всего, это и был Данапр. Обоз перешел его безостановочно, по заснеженному льду, потом поднялся к селению за рекой – судя по утопавшим в снегу хижинам, здесь жили словены. Хоть и небольшой, поселок был защищен частоколом, но гуннам открыли ворота сразу, старейшины с поклонами поднесли хлеб-соль. Гостей встречали седые старики с посохами, мужики, заросшие бородами до самых глаз, были парни, подростки – а вот женщин Родион не заметил, видать, не слишком доверяли пришельцам. Впрочем, местные понимали, что жизнь и смерть их в руках гуннов, потому кланялись низко, приговаривая:

– Да, славный Варимберт, мы приготовили дань: беличьи и куньи шкуры, мед, воск – все, как договаривались. Увы, все твои воины у нас не поместятся, сам видишь – слишком уж тесно живем, но тебя и приближенных просим не побрезговать нашим угощением и нашими девками...

– Кстати о девках, – перебил хитрых стариков вождь. – Мне нужен свободный дом с печью для моих невольниц. Пусть хоть одну ночь поспят в тепле.

– Будет им дом с печью! – Старики быстро переглянулись. – Не беспокойся, о славный херцог.

Выделенная для готских девок изба напоминала скорее огромный сугроб, из-под которого валил густой дым топившейся печи. А охранять ее приказали троим словенам. Варимберт, отправляясь на пир, лично погрозил пальцем:

– Никого не допускать, кроме Ашира.

Радомира передернуло: чего этому уроду там может понадобиться? В гарем Атиллы новые наложницы должны попасть невинными – так ведь принято. Девушек, взятых из готского поселка, оказалось три, и все они были закутаны в меховые плащи до самых глаз – рассмотреть лиц и узнать Хильду Радомир не смог, как ни старался. Дверь избы захлопнулась. Хорошо бы как-нибудь проникнуть внутрь... Не сейчас, конечно, а когда стемнеет. Да, это запрещено, но кто увидит? Свои парни не выдадут, разве что сами девицы. Ну как две подруги Хильды по несчастью пожалуются утром, что, мол, ходят тут всякие, спать не дают! А у херцога разговор короткий – мигнет палачу, а тот и рад головенку оттяпать. Опять сработает любимая Варимбертом латинская мудрость: разделяй и властвуй.

Расчистив место, дозорные развели костер, наломали за частоколом еловых лап, постелили возле огня, чтобы спать по очереди. Оно конечно, один бок греется, другой мерзнет, да иначе никак: туристских переносных печек да примусов еще не изобрели. Хорошо хоть ночи теплые для зимы – градусов пять ниже нуля.

Смеркалось, в небе висели широкие фиолетовые и желтые полосы, будто намалеванные гигантской кистью. Но вот яркие цвета сожрала тьма, высыпали звезды, узкий серп месяца засиял над крышами. Затихла скотина и домашняя птица, лишь где-то рядом залаял пес, ему ответили другие. Потявкали, убедились, что все в порядке, – и вновь тишина, лишь из дома старейшины, что с другой стороны селения, доносится песня.

Нам земли чужой не надо,
Горы злата, серебра,
Цезарь нам сулит проклятый,
Только это он все зря.

Вечным Рим, возможно, будет,
Даже если победим!
Только вряд ли кто забудет
Вечный наш триумф над ним!⁶

– Опять эти готы глотки дерут, – обронил Родион.

– Эх, а я давненько песен не пел, – зевнув, завистливо протянул Тужир. – А хочется!

– Хочется, так пой, – ухмыльнулся Истр. – Коли душа желает, верно, брате?

Молодой человек отмахнулся:

– Нас с вами не петь, а сторожить поставили, – как старший, напомнил Радомир. – Правда, я бы лучше тебя, Тужирушко, послушал, чем этих готских петухов. Поешь ты не в пример лучше.

– А то! – Тужир приосанился. – Ну, братцы, может, и вправду споем? Потихонечку!

– Часовому запрещается... – по привычке начал цитировать Родион, но осекся и сплюнул. – А и правда, спой, братец! Только не очень громко.

Внезапно ему пришла в голову неплохая мысль: ведь Хильда знает, что он, Радомир, из словен. А как еще подать ей знак, что здесь, совсем рядом, есть словены?

Тужир подумал, глядя на веселое желтое пламя, да и затыкнул:

Ой, береза, береза-а-а,
Что стоишь ты, березонька?

Хорошая песня оказалась. Правда, Истр заснул, вытянувшись на лапнике, пока слушал, но Родиону понравилась.

– А ты, брат, почему с нами никогда не поешь? – спросил Тужир, с довольным видом выслушав похвалу. – Неужели ни одной песни не знаешь?

Родион чертыхнулся про себя: ишь ты, заметил!

– Давно хочу спросить: в твоём прежнем роду какие песни пели? – подбросив в костер хвороста, заинтересовался подросток. – Похожие на наши или нет?

– Да не так чтобы похожие, – ухмыльнулся Рад, вспомнив обычный репертуар товарищей-туристов. – Умел бы я петь, то исполнил бы что-нибудь.

– Ну, спой! Никто ведь не слышит, кроме меня, Истрище, вон, спит давно. А мне так любопытно!

– Отстань!

---

⁶ Стихи Евгения Ткаченко (КИР «Готский путь»). (Прим. ред.)

– Ты тихонечко! Я же спел, когда ты попросил! А тебе для брата родного и песенки жалко? Одни ведь мы теперь друг у друга остались на всем свете белом! – Тужир чуть слезу не пустил и даже поднял было рукав кожуха – утираться.

– Ладно, не реви! Уговорил.

Самому вдруг захотелось вспомнить свое недавнее прошлое. И запел Родион первое, что на ум взбрело: «Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно...» Увы, после первого куплета слова кончились, пришлось перескочить на «Солнышко лесное», которое вскоре плавно перетекло в «Над Канадой небо сине, меж берез дожди косые...». А где березы, там и баобабы, поэтому закончилось все куплетом про жену французского посла, там где «баобабы-бабы-бабы» – эту последнюю песню особенно любил Валентиныч. Тужир, впрочем, оказался публикой благодарной, на путаницу не жаловался, а слушал да восхищался.

– Ой, какая веселенькая! Жаль, много слов непонятных. Да, совсем другие у вас песни, не наши. Ну, еще какую-нибудь!

– Да хватит петь, а то горло застудим. Иди-ка лучше спи, братец, скоро твой черед сторожить.

– Не хочу я спать. Спой еще, а?

– Нет, не он, – вдруг сказал совсем рядом чей-то чужой голос. – Пусть ты! Да, ты пусть петь еще. Про березу, как прежде.

Парни изумленно обернулись. Приоткрыв дверь, из хаты выглядывала круглолицая девчонка с косами – одна из готских пленниц.

– Ты хочешь, чтоб мы спели? – в изумлении переспросил Родион.

– Не ты! Он, – девчонка кивнула на Тужира. – Он лучше. А ты не умеешь.

– Вот видишь? – Молодой человек ткнул братца в бок. – Что я говорил? Публика тебя желает услышать. Исполни что-нибудь по заявке... как тебя зовут-то, краса?

– Эрмендрада... Зачем тебе мое имя?

Радомир усмехнулся: сначала ляпнет, потом подумает, зачем. Одно слово – девка.

– Красивое имя, но длинное! – заявил он. – У вас у всех такие? Попроше нет?

– Есть и короткие. Одна вот – Хильда.

– Хорошо хоть не Фредегонда!

– Фредегонда дома осталась. – Девушка вдруг вздохнула с такой грустью, что Родиону стало ее жалко.

Вороша угли в костре, он тихонько двинул локтем Тужира:

– Ну, что ты там – уснул? Давай уж пой, видишь, девушки просят.

Тужир покладисто затянул про березу с самого начала. Слушательниц прибавилось – еще чье-то лицо белело в полутьме за плечом Эрмендрады. Дверь не закрывали, хотя наверняка снаружи тянуло холодом. А Родион втайне ликовал: Хильда здесь, рядом!

Береза высокая...

Ой, береза-березонька...

– выводил Тужир, звонко, но негромко и душевно. И впрямь талант у парня – не хочешь, а заслушаешься. Но главное – Хильда... Может, позвать ее? Теперь-то девчонки не станут жаловаться, сами ведь вышли.

Едва дождавшись, когда закончится песня – не хотелось прерывать, Родион встал, приложил к губам палец... Но не успел двинуться с места, как услышал за спиной чьи-то шаги – твердые, уверенные, наглые даже. Так ходит тот, кто имеет право.

– Смотрите-ка – эти словенские тюфяки не спят! Чего встали – пропустите!

Палач Ашир! Тот самый, которого единственного разрешено пропустить к пленникам. Вот только не хочется совсем...

– Эй, просыпайтесь! – ударом ноги распахнув дверь, закричал палач. – Дайте-ка мне головню, парни, темно, как в заднице! Ты и ты... – доносилось из хаты, куда гунн вошел, вооружившись горящей головней. – Нет, не ты, только вы две. Одевайтесь – наш великий вождь в милости своей приглашает вас на пир.

– А ее почему не зовут?

– Говорят, она недостойна сидеть за столом с приличными людьми. А вы две из хороших семей, с которыми не зазорно породниться и самому знатному воину. Счастье вам привалило, девки! Поторапливайтесь, может, сегодня присмотрите себе достойного мужа... ха-ха-ха!

Неприятный был тип этот палач. Все так же хохоча и глумливо подмигивая, он увел двух девок, и те шли с ним охотно. Неужели поверили обещаниям, дуры?

Впрочем, кто его знает? Может, он не сильно и обманул. Сегодня – наложницы, завтра – законные жены, послезавтра – обеспеченные молодые вдовы. И так ведь бывает, дай бог, и этим повезет...

Ага! Вот уже и визг раздался – видать, «женихи» времени даром не теряют.

– А понравилась им моя песня, – смущенно улыбнулся Тужир.

– Само собой! Если еще попросят – не отказывайся. А сейчас разбудим Истра, да ложись спать.

– А ты?

– Посижу еще... Истр! Вставай, брате, солнце уже высоко.

– Какое еще солнце? – не понял спросонья юноша.

– Шучу я. Где уж тут солнце...

– Ох, чем это пахнет? Там не мясо у вас пригорело?

– Откуда мясо?

– Миусс обещался на огонек заглянуть.

– Ага, на огонек... Отпустили его, как же!

– А он и спрашивать никого не станет, куда захочет, там и будет, такой уж парень.

– Ладно. Слышь, Истр, ты, если что свисти...

– Зачем?

– Я тут пройдуся... недолго.

Как бы так сделать, чтобы братья не видели, как он заходит в избу? Тужир, слава богу, спит уже, утомился, певун. А вот второй...

– Где у них тут отхожее место?

– На углу через два квартала... – ответил обрадованный Родион. – Тьфу... во-он у плетня, за хлевом.

– Птичник это, а не хлев.

– Ну, значит, за птичником. Так мы договорились? Если что – свистнешь?

– Да свистну, свистну. Ты только не очень долго, брат.

Поспешно пробравшись по узкой тропке между высокими сугробами, Родион осторожно нажал на дверь.

– Кто здесь? – послышался изнутри девичий голос.

– Я, Радомир.

– Рад?! – Девушка шагнула в сени и подняла лучину, освещая лицо незваного гостя. – Господи Иисусе... Я знала, знала что мы встретимся. Господи... милый...

Никто еще целовал Родиона так горячо и нежно, куда там Катерине или Вальке. Да разве он мог хотя бы вспоминать о других, когда в его объятиях была эта трепетная дева, прекрасная, как тысячи солнц, с губами жаркими как пламя, с темно-голубыми, словно бушующее море, очами... А эти брови, как спинка соболя? А ресницы, длинные и пушистые, а эти локоны, словно расплавленное белое золото, а шелковистая кожа?

Руки юноши скользнули по ее плечам... ах, эта кожа...

Хильда, чуть застонав, неожиданно отстранилась:

– Да, да, Радомир, милый... Я желала бы стать твоей прямо здесь и сейчас, в этой мерзкой хижине, но увы, девственность – ныне моя единственная защита и надежда. Конечно, кроме тебя – ведь ты меня не оставишь?

– Нет! Нет, никогда! Клянусь всеми богами.

Их губы снова слились в поцелуе, и юноша очень надеялся, что он не станет для них последним.

Но времени уже не было – снаружи раздавался свист. Истр заливался, будто Соловей-разбойник, и Родион едва успел покинуть избу, как почти нос к носу столкнулся с готом Эрмольдом. С тем было еще трое, все незнакомые. Похожий на рок-звезду Фротберт не пришел – понятное дело, слишком мало они с Эрмольдом друг друга любят, чтобы разгуливать вместе.

– Куда? – Радомир загородил готам дорогу, положив руку на меч.

– Твое какое дело, пес? – Эрмольд произнес это намеренно громко, чтобы как можно больше людей услышали оскорбление. – Ой, а это кто здесь спит? Не тот ли трус, что удрал от нас этим летом? Все вы, анты – трусы!

Парни-словены схватились за копыя – ясно было, что стычки не избежать. А вожак молодых готов именно на это и рассчитывал. Проснувшийся Истр первым делом подкинул дровишек в костер, и при свете пламени Родион заметил, как Эрмольд бросил в сторону избы похотливый взгляд. А ведь там сейчас только Хильда! Понятно, что задумал этот черт! Привел троих товарищей, чтобы затеяли драку с дозорными, а он тем временем...

Но не много ли шуму выйдет? У Эрмольда, как видно, тоже хватило ума это понять. Что-то крикнув своим, величественным жестом он убрал извлеченный было меч обратно в ножны.

– Потом с вами разберемся, сейчас некогда. Да и не годится тревожить ночной покой. Нас послал Ашир... за девкой!

– Да что ты говоришь? – недоверчиво ухмыльнулся Истр.

– Ты мне не веришь! – возмутился предводитель молодых готов. – Вы все слышали?

– А что ты на них оглядываешься-то? – вмешался Радомир, не желая видеть, как Эрмольд вызовет на бой Истра, который не имел бы никаких шансов против него выстоять. – Что пристал к отроку, свинья ты подлая?

– Кого ты назвал свиньей?

– К тому же ты еще и глухой! – Родион вытащил скрамасакс. – Давай решим меж собой, как подобает мужчинам!

– С тобой? Прекрасно! – Эрмольд выхватил меч и бросился в драку.

Первым же ударом гот едва не выбил у Радомира меч; клинки скрестились, высекая искры. И тут Родион с ужасом обнаружил, что совсем не умеет сражаться! Все чудом полученное мастерство разом исчезло, он не знал даже, как парировать удар или делать выпад. Все произошло в точности как со знанием языков – чем дальше от родного болота, тем меньше умений. Но делать-то что? Биться, что же еще? Назвался груздем, теперь хоть как рыба об лед!

Раз уж умение его покинуло, Родион решил понадеяться на свою выносливость и ринулся в атаку. Лучшая защита – это нападение! Однако соперник вынослив был не менее, а к тому же Родионовой дерзости мог противопоставить выучку и опыт. Первый натиск он отразил с осторожностью, но вот тонкие губы изогнулись в улыбке, и Родиону стало ясно, что его враг все понял! Во взгляде Эрмольда отразилось торжество, движения стали небрежными – он уже не бился по-настоящему, а лишь играл с неумелым соперником, будто кошка с мышью. То нанесет удар, то отпрыгнет, лениво отобьет выпад, пойдет по кругу. Выжидает подходящий момент, чтобы унижить, растоптать.

У Родиона было такое чувство, будто он поднялся на легоньком самолетике высоко-высоко в небо, стремился к самому солнцу, вот наконец пронзил облака, взмыл над сияющим золотистым морем – и в этот момент вдруг отвалились крылья.

Удар... снова удар... Нет! Одним натиском не пробьешь защиту. А гот, сволочуга гнусная, кружит словно ворон, выжидает... Нужно срочно что-то придумать. Но сперва отбить вот это удар... Черт, что это?

Эрмольд ударил коварно – обвинил клинок Радомира своим, дернул... Описав в воздухе кривую дугу, скрамасакс воткнулся в сугроб шагах в десяти. Родион метнулся туда же, и тут вдруг что-то просвистело над головой, а потом кто-то завыл, обиженно и злобно.

Выхватив из сугроба меч, Родион быстро обернулся – был Эрмольд, вцепившись одной рукой в другую, а из ладони его торчала стрела.

– Гуннская раскосая тварь! – ругался он сквозь зубы, шипя от боли.

Другие готы ринулись было навстречу новому врагу, но тот – это оказался Миусс – выпустил в их сторону сразу несколько стрел. Тяжелые боевые стрелы с черными перьями воткнулись точно у ног готов, словно спрашивая – и что дальше? Было ясно, что следующие вонзятся в глаз или сердце.

– Поганный гунн!

– Ашир искал вас, – произнес узкоглазый. – Ждет у ворот. Позвать?

– Не надо, не надо, – выдернув из ладони наконечник, Эрмольд зашипел, зажимая рукой рану. – Сами к нему придем... А с вами мы еще встретимся.

– Можно и встретиться, – улыбнулся гунн. – У меня еще есть стрелы в запасе.

– Идем, ребята, – взбешенный Эрмольд махнул своим. – Наступит наше время, и гораздо быстрее, нежели кому-то кажется.

Гнусно ругаясь, готы убрались. Их возбужденные голоса постепенно отдалялись, пока не затихли у ворот.

– Как ты тут оказался, друг? – негромко спросил Тужир.

В ответ гунн невозмутимо пожал плечами:

– Пора мясо жарить.

Глава 16

Зима 450–451 года. Приднестровье

Тяжело в учении – легко в бою

На протяжении всего пути, от Данапра до Данастра и дальше, готам так и не представилось возможности отомстить. Гунн Миусс пользовался покровительством самого херцога – может, благодаря своему искусству в обращении с луком, а может, потому что был настоящим гунном? Так или иначе, но трогать его Эрмольд побоялся. При всей своей любви к философии Варимберт был скор на расправу, в чем новички уже убедились наглядно. Заснувших на привале часовых по приказу вождя раздетыми распяли на крестах и оставили умирать от холода. Не желая заслужить ничего подобного, Эрмольд вел себя смирно. Ему хватало ума не нарываться и выжидать удобного случая для мести. Родион, в свою очередь, тоже не искал новых ссор. Теперь он точно знал, что надеяться на мистическим образом приходящие знания и опыт больше не стоит, отныне в его распоряжении только то, что знает и умеет он сам.

Выучиться языкам было проще всего – в процессе живого общения. Не боясь прослыть болтуном, Родион без устали упражнялся в разговорах со всеми подряд и в результате довольно скоро стал неплохо понимать готский и латынь. Но гораздо важнее был навык обращения с оружием, без чего здесь не выжить, а вот с этим дело обстояло не так просто. К тому же с некоторых пор Эрмольд следил за каждым его шагом. Не подставляясь сам, злобный гот уже не раз науськивал на Радомира людей, пытаясь втянуть его в ссору, в драку и показать всем, что этот ант – плохой воин, недостойный носить оружие. Но пока удавалось как-то выйти из положения: Истр с Тужиром были начеку, Миусс тоже не замедлял прийти на выручку, да и сам Радомир на протяжении всего пути общался с такими людьми, на глазах которых даже самый мстительный гот превращался в смущенного зайчика. С херцогом Варимбертом шутки были плохи, как и с Хлотарем. Седой сигамбр запросто мог огреть кого угодно своей знаменитой секирой, и хорошо еще, если плашмя. А Миусса готы вообще считали дикарем, хотя латынь он знал, может быть, и лучше их самих.

Все эти удачные для себя обстоятельства Родион и старался использовать. Первым, к кому он при посредстве Тужира обратился, был Миусс – мол, стреляю плоховато, вот бы знающий и опытный человек поучил. Несмотря на свою воинственность и коварство, все эти дети варварской эпохи – гунны, готы, словены – легко поддавались на лесть. Вот и Миусс, услышав, как его величают, сразу же приосанился и дал согласие. Удобного случая тоже не приходилось долго искать: время от времени херцог посылал часть воинов по окрестностям, на разведку или на охоту, и вот там-то, вдали от глаз, Родион и брал уроки. Кстати, доставлявшие удовольствие – оказалось очень интересно тщательно выбирать стрелу, цель, рассчитывать расстояние, ветер. Да и успехи кое-какие не заставили себя ждать.

– Смотри – метиться как! – смешно выговаривая и путая слова, учил юный гунн. – Полста шагов до метки той – видишь, на сосне, я повесил.

– Да, вижу.

– Куда целить надо, попасть чтоб?

– Прямо в нее и целиться – в метку.

– Правильно – стреляй... Видишь – мимо! А почему? Ветер не учел боковой, да.

Тоже мне, магистр Йода выискался! Своей манерой говорить Миусс напоминал Родиону мудрого старца-джедая из «Звездных войн».

– Ветер учти. Стреляй... Видишь – попал, да. А теперь – еще на полста шагов отойди-ка. Так... как теперь целить? Чуть выше мишени – в ту ветку!

– А если бы мы ближе стояли?

– Тогда – ниже мишени прицел.

– А почему?

– Больше ста шагов стрела летит если – звать к себе ее мать-земля начинает. Целиться выше надо потому. Ну, ждешь чего? Стреляй.

– Слушаюсь, досточтимый учитель Миусс...

– Хорошо! – проводив взглядом стрелу, одобрил гунн. – Так и делай. Еще один выстрел тебе покажу – навесом. Стреляешь как будто в небо – стрела круто кверху идет, затем круто книзу – мать-земля ее притягивает. С силой вонзается, да. Прошибет кольчугу ромейскую – запросто. Это умение большое – так стрелять. Но ты сможешь, у тебя получится. Вот, попробуй сейчас.

– Та-ак... – примериваясь, бормотал юноша себе под нос. – Это дерево, туда стрелять. Прикинуть расстояние, ветер... Так?

– Нет! Не так! Ты не рассуждать должен, а действовать, да. Стрелы сами собой летают, как у меня. И у тебя будет так.

– Надеюсь...

Радомир пустил стрелу – и промазал.

– А почему ты во мне так уверен, Миусс? – Он повернулся к наставнику. – Давно хотел спросить, почему ты тогда, с готами, вступился за меня? И еще как вовремя успел!

– Я не спешу никогда и всегда вовремя успеваю. Не будешь спешить и ты – будешь везде успевать. Ты такой же, как я. У меня здесь в войске родичей нет, они далеко в степях остались. Боятся меня многие: если что, мстить можно только мне, некому больше, а я – опасный! Мы с тобой одного леса малина.

– Надо говорить: одного поля ягода, – с улыбкой поправил молодой человек. – Ты хороший учитель, Миусс. Если вдруг что... можешь считать нас троих своим родом.

Не просто так сказал: Радомир искренне уважал этого немногословного узкоглазого парня с невозмутимым желтоватым лицом и длинными черными патлами. В стрельбе Родион быстро делал успехи, но с мечом и секирой получалось не так гладко, а здесь Миусс помочь не мог: сам умея сносно пользоваться клинковым оружием, обучать этому отказывался. Кто же оставался? Истр разве что – все-таки лучше такой учитель, чем совсем никакого. Эх, Хлотаря бы уговорить, мечтал порой Родион. Даже искал понемногу подходы к ветерану, заводил разговоры словно невзначай: мол, у них в лесах сражаются совсем по-иному, больше дубинами да рогатинами, чем мечами, хотелось бы сравнить... А еще расспрашивал сигамбра о его родине, о военных походах, о чужих странах и городах. И труды не пропали зря – матерому воину, не склонному к пустой болтовне, было приятно вспомнить молодость, родные леса и реки, поверженные города Северной Галлии. Радомир внимал, раскрыв рот и не перебивая – о, этот юный хитрец обладал умением слушать, как выяснилось, не менее драгоценным и редким, чем самое виртуозное владение оружием.

– Народ мой жил раньше по реке Шельде. Там встречались селения, даже города, построенные римлянами, и обитали в них многие родственные племена – сигамбры, хамавы, тенктеры, бруктеры, салии... Римляне называли нас всех общим именем – франки. О, сколько дерзких набегов мы совершили на богатые галльские города! Сколько одержали славных побед! Много, много врагов терзало богатую Галлию... Мы захватили ее северную часть, везиготы – западную, и даже бургунды, разгромленные не так давно гуннами по просьбе римлянина Аэция, отгрызли себе кусок. Ну и, конечно, сами римляне не остались в стороне.

– Я так понимаю, этот самый Аэций попросил гуннов, чтобы те разгромили бургундов? – сделав заинтересованное лицо, уточнил Радомир.

– Именно так, мой мальчик! – кивнул старый воин. – Потом тот же Аэций нанял гуннов против везиготов, они и их разгромили, только не до конца. А теперь властелин Этцель

поселился в Паннонии, не спрашивая на то согласия римлян. Но вот что я тебе скажу, парень: Галлия все еще богатая страна, и сейчас она, по сути, ничья. Наш властелин необычайно умен и такой возможности не упустит – сколько же нам воевать вместо римлян!

– А этот Аэций, он кто – император? Ну, я имею в виду – цезарь? Правитель римлян?

– В столице римлян Равенне сидит цезарь Валентиниан, но Аэций имеет не меньше власти, почти все подчиняются ему. Сын его бывал при дворе Этцеля, и самого его не раз принимали там с почетом.

– Так значит, Аэций и наш великий Этцель – друзья?

– Друзья, не друзья! – Сигамбр неожиданно усмехнулся. Он был вовсе не таким тупым рубакой, как могло показаться на первый взгляд, и порой проявлял удивительную мудрость. – Это все для простых людей, как мы с тобой. Мы можем подраться, потом помириться, но правители живут и поступают совсем не так. Аэций называет Этцеля своим братом, использует его воинов, благодарит, присылает золото и другие сокровища, но при удобном случае охотно вонзает «дорогому брату» нож в спину. Если ты думаешь, что наш властелин этого не знает – ты глуп и юн. Он знает и порой сам поступает точно так же!

– Так ты, славный Хлотарь, думаешь, что Атиллы скоро двинет свои войска в Галлию?

– Конечно, двинет, тут и думать нечего. Галльское яблоко давно созрело и должно упасть прямо в наши ладони, ха-ха!

– Надеюсь, что и я во всем этом поучаствую!

– Правильно надеешься!

– Но... как бы это сказать? Я понимаю, что еще недостаточно искусен как воин.

– Ты?

– Я ведь жил в лесах, на болотах, там некому было научить меня как следует владеть мечом. Один из наших старых воинов показал мне кое-какие приемы, да и те забылись. Вот если бы такой мастер, как ты, славный Хлотарь, согласился бы меня чуть-чуть поучить... хотя бы малость...

– Отчего же не поучить? – подумав, хмыкнул сигамбр. – Только... не люблю я, чтобы на людях. Смотрят всякие, шуточки отпускают.

– Вот и я не люблю! – охотно поддержал юноша. – Слава великим богам, что послали мне в наставники столь достойного мужа, как ты!

– Да, – Хлотарь усмехнулся в усы. – Что и говорить, повезло тебе, парень. Пожалуй, я смог бы показать кое-что. Только где отыскать подходящее место?

– Множество людей каждый день отправляются на охоту или разведку. Давай и мы уедем якобы осматривать местность, и кто будет знать, чем мы занимались на самом деле?

– Уехать? Ты, может, и конник, а я всю жизнь привык сражаться пешим.

– Я тоже не очень-то люблю лошадей. Так пойдем пешком. Правда, потом придется нагонять обоз, но он идет небыстро, мы успеем.

– Не придется нам никого догонять, мальчик, – отмахнулся Хлотарь. – Я буду тебя учить на ходу.

Радомир хоть и слабо представлял, как такое возможно, однако выразил бурный восторг и тут же принялся расспрашивать насчет оружия и прочего снаряжения, чем еще больше расположил к себе старого воина.

– Трудно сказать, какой доспех лучше, – обычно молчаливый ветеран вдруг разговорился; пустился, так сказать, в плавание по любимым волнам. – У каждого свои достоинства и недостатки. Панцирь из толстой бычьей кожи, да еще затвердевшей от соли, очень даже неплох, но он не защищает все тело, а к тому же воняет. Впрочем, это запах войны и победы, приятный мужчине! Галльская кольчуга, лорика хамата, удобна, не сковывает движения, сидит, словно вторая кожа, однако не держит ни стрелу, ни копье, ни дротик. Гораздо надежнее старый доспех

римлян – лорика сегментата, сделанная из больших широких пластин. Хороша также лорика скумата, составленная из чешуек.

– Но ведь и ее можно пробить?

– Все можно пробить! Клянусь Иисусом Христом и всеми другими богами – против хорошей секиры не устоит ничто! Главное – правильно ударить. Не рукой, а всем телом. Я покажу тебе как.

– Славно будет поучиться! А мечи, что ты скажешь о мечях?

– Посмотри вот этот! – с необычайной гордостью воин выхватил из ножен на перевязи меч и протянул собеседнику.

Мерцающий матовый клинок средней ширины, с двумя продольными долами, облегчающими общий вес – невежды порой говорят, что они служат для стока крови, – он хорошо ложился в руку и был красив особой грозной и притягательной красотой.

– Подыши на него, – посоветовал Хлотарь.

И юноша увидел, как по всему лезвию выступили вдруг, словно появляясь из глубины, переплетенные линии, составляющие причудливые узоры.

– Это клинок зовется Ищущий Битвы, – забирая меч, похвалился сиграмбр. – Не каждому кузнецу под силу сделать подобный! Только франки умеют ковать такие клинки, а готам, и тем более римлянам, это не под силу.

– Что, римские мечи хуже?

– Конечно, хуже, тут и спрашивать нечего! Встречу с твоим скрамасаксом они еще как-нибудь выдержат, но не с настоящим поименованным клинком! Само собой, к хорошему мечу нужна еще умелая твердая рука.

– Вот-вот, и я о том! А какие щиты лучше – продолговатые, квадратные, круглые?

– Опять-таки каждый хорош по-своему. Круглый удобнее в битве, но не закроет все тело, вытянутый слишком тяжел, а римский skutum предназначен для сражения в плотно сомкнутом строю и мало поможет одиночке. Но помни: любой щит станет бесполезен, если в него воткнется дротик. Поэтому надейся не на щит, а на меч, палицу, секиру.

– А шлем? У гуннов ведь есть шлемы.

– Да, без шлема биться можно только берсеркам, у которых нет мозгов и им нечего терять. Самый удобный – простой шлем, без дурацких гребней, перьев и прочего. И лучше бы цельнокованный, что, опять же, не всякому кузнецу под силу. Галльские кузнецы делают очень хорошие шлемы – с небольшим гребнем и полумаской. Правда, и стоят они недешево, но если повезет, можно захватить их в бою. Так что не хлопай ушами, парень, каждый воин должен помнить: твоя удача в твоих руках!

Когда миновали широкую реку Данастр, идти стало труднее. Ровная степь кончилась, сперва потянулись пологие холмы, а потом показались и горы – не очень высокие, но со скальными выступами, перевалами, где росли угрюмые ели, с пропастями, пусть не бездонными, но опасными.

Для Родиона время пути было насыщено учебой: можно сказать, он проходил академический курс, причем в прямом смысле – ногами. Утро посвящалось упражнениям под руководством Хлотаря, в ходе которых парень лихо орудовал мечом, секирой и дротиком; в полдень наступало время Миусса и стрельбы из лука, а ближе к вечеру начинались занятия по лингвистике и философии, когда Родион общался с Варимбертом и упражнялся в германском и латинском языках.

– Амикус – друг, инимикус – недруг, – упорно повторял молодой человек, стоя на посту или сидя у костра, пока не сморит сон. – Салве – здравствуй, сальвете – здравствуйте, вирга – девушка, амика – подруга, амо – люблю...

Люблю...

При упоминании о любви, все равно на каком языке, на память ему приходила Хильда. Он еще не окончательно разобрался со своими чувствами к ней, но думал, что слова «амор», «аморе», то есть любовь, вполне здесь подходят. Несколько раз им удавалось мельком свидеться и переброситься словечком, но неизменно где-то рядом ошивался Ашир, мерзкая образина, приставленный херцогом охранять красавиц. Дескать, потребность у всех, а девушки – для властелина! Даже поговорить толком не давал, бритый черт, вот и оставалось лишь перелгядываться украдкой.

По всем признакам, караван приближался к своей конечной цели – ставке великого Атиллы, располагавшейся в бывшей римской провинции Паннонии, в прошлом богатой и цветущей. Любопытно было, осталось ли там что-нибудь от прежнего величия или кругом лишь гуннские кибитки да табуны?

Впрочем, судьба Хильды тревожила парня гораздо больше, чем положение дел в римских провинциях. Что с ней будет? Ее подарят Атилле – в гарем, или как у него это называется? И что он, Родион, сможет в этой ситуации сделать? Разве что попытаться выкрасть девчонку ранее, в более людных и цивилизованных местах, нежели эти дурацкие горы. Наверное, от римлян сохранились какие-то города, разбросанные по всей Европе. А город – это спасение: народу там много, и каждый сам по себе. Ну, или почти.

Здесьнее общественное устройство он понемногу выяснил у Варимберта.

– О, город! – говоря на эту тему, философствующий херцог мечтательно закатывал глаза. – Даже самый маленький городок не чета вашим убогим деревням, а тем более Константинополь, Рим, Равенна! А еще Августа Винделиция, Августа Треверов, Колония Агриппина! Это целый мир, высший мир римской культуры, которую мы стремимся сохранить и сделать своей. Мы будем жить, как римляне: у нас тоже будут великолепные дворцы, термы, цирки, появятся свои философы и поэты! Это и есть настоящая жизнь! О, там вы быстро забудете ваши гнусные медвежьи углы, где только грязь, навоз, болота и непроходимые дебри. Римляне называют нас варварами, в то время как сами они разленились, утратили дух доблести своих предков и погрязли во всевозможных пороках. Но мы – не варвары, мы – новые римляне! И, может быть, когда тебе наскучит война, ты тоже поселишься в красивом и просторном доме, заведешь семью и детей, даже станешь философом... Кто знает, может, и я им стану. *Potius sero, quam nunquam* – лучше поздно, чем никогда!

– Многолюдные города... – задумчиво повторил молодой человек. – В которых каждый сам по себе и никому нет дела до других?

– Именно так, ант! Там каждый сам распоряжается собой. В городе ты можешь умирать голодной смертью, но при этом оставаться свободным человеком!

– Но как там живут? И где? Ведь не у каждого есть средства, чтобы сразу приобрести дом?

– Дом можно снять, если есть чем заплатить.

– А если нет? Это сколько же золота и серебра надо, чтобы снять целый дом!

– Есть доходные дома – огромные, в пять или шесть этажей. В них сдаются дешевые комнаты.

– И никто не спросит, кто ты, откуда, из какого рода?

– В городе всем на это плевать! – расхохотался херцог. – Не переживай, парень! Сражайся отважно, и все римские города будут нашими! Тебе вовсе не придется платить за жилье или что другое: все блага цивилизации, дом, сокровища и наложницы достанутся тебе даром, по праву сильного!

– Да, но на все мои богатства могут найтись и другие желающие!

– Стань сильнее всех – и тебе не о чем будем тревожиться! – беспечно ответил Варимберт и погладил конскую гриву. – Римляне когда-то были сильны, но теперь они слабы и вынуждены уступить свое величие нам! Вам страшно повезло, парни, – вы войдете в число наследников всего богатства и славы Рима!

Ну, все величие и богатство Рима Родиона пока не влекло, и своей ближайшей целью он выбрал город – достаточно большой, чтобы можно было там затеряться, и находящийся достаточно близко от ставки Атиллы, чтобы туда можно было быстро попасть. А чтобы определиться с подходящим укрытием, требовалось собрать еще немало сведений и... раздобыть где-то хоть немного денег на первое время! Слава богу, Родион, в отличие от названных братьев-антов, не нуждался в объяснениях, что такое деньги и с чем их едят. Им с Хильдой надо будет переждать какой-то срок, а потом, как придет весна, вернуться к родному болоту. Да... На словах все просто, а вот чтобы осуществить сей план, придется еще немало поломать голову.

Можно было бы, конечно, до весны ничего не предпринимать, а там выкрасть Хильду из гуннского стана и напрямик рвануть к болоту – но что с ней произойдет за это время? Нет, ждать до весны нельзя, нужно бежать как можно быстрее. А значит – город...

По мере продвижения вперед горы становились ниже, снег почти исчез – то ли стоял, то ли и не выпадал в здешних краях. По прикидкам Родиона, сейчас шел декабрь или январь – а если так, то значит, наступил уже следующий, четыреста пятьдесят первый год. Или около того.

В один из вечеров Хлотарь снарядил троих словен в дозор, а перед этим тщательно проинструктировал:

– Будьте бдительны, парни, кругом горы, здесь опасно.

– Кто же осмелится напасть на обоз самого Атиллы? – удивился Истр.

– Да кто угодно! – усмехнулся старый сигамбр. – Здесь всякого сброда хватает: встречаются шайки даков, гетов, герулов. У нас, на Шельде, таких называли алеманами.

– Алеманы? – вскинул глаза Родион. – Я что-то слышал про них. Это же, кажется, такой народ.

– Никакой не народ, а просто разноплеменная сволочь, сбившаяся в стаи. Нападут скопом, разграбят обоз, разбегутся – поди поищи!

– А если мы их увидим?

– В бой не ввязывайтесь, ваша задача – поднять тревогу.

Отойдя от костров, вооруженные короткими копьями парни канули в темноту – Радомир, Тужир, Истр и Миусс, постепенно прибившийся к их компании.

– Я так мыслю, наш рубеж – вот до этого края, – Истр указал на серебрящиеся в свете луны ели.

– Да, – согласился Радомир. – А тот лес нынче охраняют готы.

– Гнусная собака Эрмольд?

– Нет, сегодня там Фротберт и с ним еще какие-то, я их не знаю.

Все четверо осторожно поднялись на кряж – дорогу присмотрели еще засветло.

– Будем медленно двигаться в ельнике, – тихо скомандовал Радомир. – Я с Миуссом – с той стороны, а вы – с этой. Заметите что-то подозрительное – кричите кукушкой.

– Какая кукушка посреди зимы, брат?

– Ой, да! Ну, тогда... другой какой-нибудь птицей.

– Лучше волком повыть, – предложил гунн. – Два раза кряду, а потом еще один, вот так...

И завыл, да настолько похоже, что с той стороны ельника, выше по кряжу, откликнулась целая стая!

– Ишь, развылись, – прошептал Истр. – Съедят нас тут еще...

– И зачем только Хлотарь нас послал? – Радомир хмыкнул. – Да разве здесь ночью кто-то пойдет? Ноги только переломает, а мы и не увидим ничего.

– Не надо видеть, – резонно возразил Миусс. – Враги – люди тоже, да. Надо им есть, пить, справлять нужду – это все мы учуять можем.

– Что ж, надеюсь, мы их учуем вовремя. То есть раньше, чем они нас.

Караульщики разошлись, каждый пустился в свою сторону. Вокруг сильно пахло смолой, какой-то застарелой гарью и сырой хвоей. А вот явственно потянуло костром! Радомир сразу насторожился.

– Это наши, – шепнул гунн. – Жгут костры, а ветер от стана. Опасность придет не сейчас, а как начнет светать. Только тогда враги сумеют что-то разглядеть и попробуют подобраться к обозу.

В ельнике они просидели почти до рассвета: Миусс молча прислушивался, да и Радомиру велел не шуметь. Тот подчинился, признавая превосходство гунна в подобных делах. Ничто не нарушало тишины, кроме обычных звуков зимнего леса: то сова подавала голос, то волки. Когда забрезжил рассвет, все четверо дозорных снова сошлись вместе.

– Печенкой чую – неладно что-то, – озабоченно промолвил Истр.

– За обозом следят, да, – с обычной невозмутимостью подтвердил юный гунн. – Что слышали?

– Волки как-то не так выли, не по-нашему... Или здесь другие волки? Одинокие?

– Волки зимой обычно стаями ходят, да. Птиц слышали?

– Дятел всю ночь стучал – тук-тук... тук... Тук-тук... тук. Словно знак кому подавал.

– Так пойдем посмотрим, – предложил Радомир.

– Они нас раньше заметят, чем мы их, горы-то свои они лучше знают.

– И что будем делать?

– Ждать. Обоз сейчас пойдет, они следом. А мы спустимся вниз и догоним своих.

– В драку лезть не сказал Хлотарь, – подтвердил Миусс. – Ждать и тревогу поднять сказал, а не искать приключений на задницу себе, да.

И Родион, хоть и считался «старшим наряда», не стал спорить. Понимал: эти парни, всю жизнь прожившие в тесном единении с природой, понимают в этих делах гораздо лучше него.

Но тогда что же выходит – за обозом и впрямь следят?

– А они сейчас не нападут?

– Не нападут, нет, – покачал головой гунн. – Неудобное место – долина слишком широка, да. А здесь горы. Где-то есть и теснины, там и будет засада, да.

Когда вершины елей заблестели от лучей восходящего солнца, дозорные спустились по склону и быстро догнали, идя по следам, недавно тронувшийся с места обоз.

– За нами кто-то следит, – доложил Радомир Хлотарю, ничуть не удивленному столь поздним появлением стражей. – Всю ночь злыдни друг другу знаки подавали, теперь следом пробираются.

– Алеманы, – хмуро кивнул сигамбр. – Ясно, что хотят напасть и ждут подходящего случая. Впереди наверняка есть удобные для нападения места – теснины, перевалы, горные речки. Там нас и будут ждать. Но Варимберт херцог знает, не в первый раз он ходит этими путями. Ночью спали?

– Так, вполглаза, по очереди.

– Хорошо. Тогда берите коней и скачите вперед, на разведку, но делайте вид, будто выбираете место для привала. А я доложу херцogu.

Скачите! Легко сказать! Родион, к примеру, не знал, с какой стороны и подойти к лошади, там более как на нее залезать.

– Местность каменистая, лошади ноги поломать могут, да, – возразил гунн. – Пешком быстрее будет.

– Хорошо, идите пешком.

Радомир повеселел: слава богу, хоть позориться не пришлось. А впрочем, ездить верхом – тоже полезное умение, надо будет при случае и этому поучиться. Чего раньше не догадался, когда тот же Миусс под рукой в качестве наставника?

Но и пешком Родион, даром что бывалый турист, едва поспевал за парнями, бодро тронувшимися в путь. Пару раз споткнулся даже, остальным пришлось его ждать. Однако растянувшийся караван обогнали быстро. Снега вокруг почти не было, лишь на вершинах гор белели шапки. Землю покрывали камни, глина, песок, зеленовато-коричневый мох. Постоянно встречались кострища по сторонам, следы лошадиных копыт и тележных колес: видно было, что этой дорогой часто пользуются.

– Вон там теснина, – Миусс показал вперед. – Судя по всему.

– Что значит – судя по всему? – Радомир в удивлении взглянул на товарища. – Ты что же, дружище, дороги не помнишь?

– Нет, – гунн покачал головой. – Туда мы путем другим ехали, обратно – путь незнакомый, нет. Один Вармиберт херцог знает, другой мало кто, даже Хлотарь – нет, не ходил здесь.

– Все с вами понятно, – усмехнулся Родион. – Наберут всяких по объявлению... Ого, да там высокая гора!

– И речка! И скалы вокруг... – Тужир пробежал вперед, потом остановился, поджидая товарищей. – Смотрите-ка, проход совсем узенький, два воза вряд ли разъедутся. А сверху скалы и камни.

– Камни вниз сбросить легко, да.

– Значит, получается, это будет здесь? Или пробежимся дальше?

Километра через полтора-два обнаружили другое место для засады, но не такое удобное.

– При нужде и здесь можно напасть, – заметил Истр. – Но там лучше.

Обоз и охранявший его отряд гуннов, пеших и конных, продвигались вперед, не подавая вида, будто подозревают об опасности. Казалось, мыслями воины Варимберта уже были дома: кто-то пел, кто-то беспечно болтал, раздавался хохот.

Вот впереди показалась теснина: прямо над головами нависали грозные скалы, поросшие раскидистыми кривобокими соснами. Часть повозок уже втянулась в расщелину, как вдруг продвижение застопорилось: упал паланкин, который везли две лошади, и загородил дорогу. Тут же началась давка, суета и ругань, сам херцог подъехал ближе, возникшие и воины стягивались к месту происшествия.

И вдруг засвистели стрелы; гулким, долго не затухающим эхом пронесся по кручам воинственный клич. Какие-то косматые люди, точно злобные духи гор, внезапно напали с крутых склонов на обоз, полетели камни...

Но не успел первый камень коснуться земли, как всадники, а с ними и распряженные обозные лошади вылетели из теснины прочь, оставив только сани-волокуши... в которых ничегошеньки не было, кроме еловых лап!

Зато весь остальной обоз был мгновенно окружен гуннскими воинами, выставившими плотно сомкнутые щиты – как кстати люди, оказывается, собрались вместе! На горячих конях, с гиканьем враги неслись из расщелин, но натыкались на град стрел и дротиков. А сверху ловкие словены и готы уже напали на тех, кто только что сбрасывал камни. Увы, воинское счастье переменчиво; как любил говорить Варимберт, *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* – не делай другому того, чего себе не желаешь.

Так и случилось: задумавшие устроить засаду разбойники попались сами, несмотря на то, что были весьма многочисленны и хорошо вооружены. Их первые ряды тут же поредели от гуннских стрел, а клич, всколыхнувший было вершины, быстро затих, захлебнулся в крови.

Но часть нападавших все же прорвалась к обозу, и пошла сеча – кто кого! Горы огласились звоном мечей, стонами, воплями; раздавался радостный хохот, когда кто-то, вырвав победу в схватке, ставил ногу на грудь поверженного врага, чтоб тут же самому упасть от подлого удара в спину.

– Аой! – размахивая сверкающим на солнце клинком, подбадривал своих Варимберт. – Аой, гунны!

Кричали все, десятники и простые воины: готы призывали на помощь Христа и своих старых богов, словены – Свентовита, гунны вообще черт знает кого, каких-то небесных духов. Ну а сиграбр Хлотарь просто орал и ругался, и в криках его чувствовалась иступленная радость битвы, упоение звоном клинков, предвкушение близкой победы.

– Аой, воины-ы-ы! Аой!

Варимберт и сам дрался храбро и отчаянно. Сразил мечом одного, другого, пока телохранители не окружили херцога плотным живым кольцом, оттесняя врагов. Все правильно: показал пример, стяжал в очередной раз славу отважного и умелого бойца – и хватит. Не дай бог, вождь погибнет, не доведя отряд до дома, как тогда быть?

– Аой, гунны! Аой! Великий Атила смотрит на нас... Атти-ла-а-а-а!

Битва уже распалась на множество обособленных схваток, от этого не менее ожесточенных: трое на трое, двое на двое, один на один. Все вокруг дрожало, звенело, харкало кровью, изрыгало проклятия, скользило по кишкам, только что выпущенным из распоротых животов.

Вот Хлотарь снес кому-то полчерепа своей знаменитой секирой; Радомиру в лицо брызнули белесые мозги, пополам с кровью, пришлось утираться. Ну и вонь!

А утираясь, молодой человек едва не расстался с собственной головой. Ушлый разбойник огромного роста совсем рядом взмахнул длинной римской спатой – еще чуть-чуть, и показилась бы не глупая в общем-то голова, подпрыгивая, словно кочан капусты!

Хорошо, Истр не зевал – живо метнул в наглеца копье. Молодец, брат! Верзила от броска уклонился, но момент был упущен, а Родион пришел в себя – взмахнув скрамасаксом, ложным выпадом заставил врага открыться, а сам тут же отскочил в сторону и рубанул по шее.

Враг оказался опытным – тут же прикрылся, клинки со звоном встретились, высекая искры. Вызывая верзилу на ответную атаку, Радомир провел целую серию ударов, сам дивясь собственной удали и благодаря в душе Хлотаря. Выучил-таки, старый рубака!

– Аой, гунны! Аой! Атила-а-а-а!

Стараясь напугать, разбойник выпучил глаза, зарычал, словно зверь. Рычи, рычи, коль ничего другого не можешь! Однако недооценивать противника тоже не стоило – и этому учил старый сиграбр. Радомир засмеялся – уж больно раскрасневшаяся рожа разбойника походила на кабанью морду! – и тут же едва не пропустил удар в шею. Противник знал, куда бить, ведь кожаный панцирь, защищавший грудь юноши, хоть и старый, выглядел надежным. На нем самом был такой же, только более массивный и с пришитыми железными бляшками.

– Аой! Атила-а-а-а!

Снова раздался звон удара, полетели искры. Враг целил в шею, в лицо, вообще в голову – ведь шлем Радомира состоял лишь из нескольких железных полос. Впрочем, и за этот спасибо – без шлема ты сразу покойник. Вместо щита в левой руке верзилы был кинжал, причем рукоятью вперед – разбойник выбирал момент, чтобы метнуть.

Как и нужно в бою, Родион видел все сразу, единым четким силуэтом – и самого врага, и оба клинка в его руках. Удар, отскок, отвод. Отбивка – контратака... Теперь вновь отскочить, окинуть быстрым взглядом пространство вокруг себя – не угрожает ли другая опасность? Нет, все в порядке, братцы-словены четко держат фланги, бьются прекрасно, любо-дорого посмотреть, да некогда, с этим здоровяком шутки плохи.

В очередной раз верзила первым нанес удар и продолжал наступать без остановки, с короткими быстрыми замахами. И все же Родион видел, что держать кинжал тому надоело и он стремится закончить схватку одним броском. Не собираясь больше принимать навязанный стиль боя, Родион прикинулся, будто готовится сделать выпад, уклонился влево – и в этот момент разбойник наконец метнул кинжал. Готовый к этому Родион резко пригнулся, одновременно перебрасывая скрамасакс в левую руку. Кинжал пролетел над головой, а он мгно-

венно нанес удар снизу, вложив всю свою силу. Разбойник взвыл по-волчьи – уж не он ли был вчера ночью в ельнике? Удар-то пришелся под панцирь, в пах; лицо разом побледнело, глаза выпучились, потом закатились... Едва юноша выдернул меч, фонтаном хлынула кровь пополам с мочой, видать, проткнул мочевого пузыря. Жуткий вой оборвался, и мертвый враг, выронив меч, повалился наземь.

– Аой, гунны! Аой! Аттила-а-а-а!

Радомира замутило, но времени на переживания не было – перед ним возникли, как из-под земли, еще двое разбойников, со щитами, один с копьем, другой с дубиной.

– А ну-ка, пригнись, парень! – закричали откуда-то сзади, и он едва успел послушаться. В-вуххх!

С шумом пронеслась над головою секира; разбойник выставил щит, но тот разлетелся вдребезги под сильным ударом, а лезвие секиры вонзилось прямо в лоб. Лицо разбойника тут же окрасилось кровью.

– Аой! Да поможет нам Свентовит! – радостно кричал Истр, одолевший-таки своего противника.

Родион искал глазами Тужира, но нашел только голову и руки, торчавшие из-под груды тел. Глаза парня были закрыты.

– Братец! – Не обнаружив близкой опасности, Радомир бросился к упавшему.

На помощь тут же поспешил Истр, и вдвоем они вытащили Тужира, отволокли подальше. Битва, оказывается, почти закончилась, разбойников отогнали, только в теснине еще сражались, да сверху, на склонах, слышались быстро удалявшиеся крики.

– Тужир, ах, братец! – причитал над телом Истр, в глазах его стояла скорбь.

– Ну-ка, отодвинься... – Нагнувшись, Родион проверил пульс, потом улыбнулся и похлопал павшего героя по щекам.

Юноша тут же открыл глаза и с удивлением осмотрелся.

– Жив! – Истр пнул родича в бок. – Раз жив, так вставай. Чего зря валяться-то?

– Истр! Радомир, брате!

Тужир быстро поднялся, пошатнулся, и Родион подхватил его под руку:

– Что, на ногах не стоишь?

– Голова болит, – пожаловался подросток. – Прямо раскалывается.

Радомир присмотрелся:

– Ого, да у тебя тут синяк неслабый. Чем приложили?

– Палицей... или дубиной. Аж шлем слетел. Пойду-ка поищу...

Парнишка нагнулся, но его тут же вырвало. А при виде этого – и Родиона. Никак он не мог привыкнуть к тому, что надо убивать, если не хочешь быть убитым.

А вокруг орали, смеялись, плакали, прославляли вождя. Победа, победа! Аой, Аттила, аой!

Глава 17

Зима 451 года. Паннония

Лагерь

Старая римская провинция Паннония уже почти вступила в пору весеннего расцвета и была очень красива: после сугробов и выюг ее горы и холмы с вишневыми садами, долины, покрытые нежной зеленой травой, казались сказкой. Едва верилось, что это не видение – но можно было на самом деле повалиться на траве, вдохнуть аромат первых цветов. Или они здесь и не переставали цвести всю зиму?

Не менее удивил и город под названием Виндобона. Честно говоря, Родион представлял себе «ставку великого Атиллы» совсем иначе. Во время трудного перехода и на привалах он рисовал в своем воображении нечто похожее на монголо-татарские орды – неисчислимые тумены всадников, кибитки, разбросанные юрты, щиплющие траву табуны, отары, костры.

Да, это все тоже имелось – и табуны, и овцы, и всадники. Только вот предводитель «дикой орды» почему-то предпочитал жить не в юрте, а в городе, как и большинство нынешних «гуннов», сохранивших очень мало общего с узкоглазыми сынами далеких степей.

Среди великолепных дворцов и улиц, под сенью красивейших портиков, на рынках, у городских ворот – повсюду звучала германская, словенская, греческая речь, латинские шутки, вот только говора самих гуннов было почти не слышно. Какие-то греческие купцы, правда, хвастались, что записали аж целых два гуннских слова, да и те на проверку оказались словенскими – «мед» и «пиво». Неподалеку располагался военный лагерь, по словам Хлотаря, устроенный по римскому плану: с тщательно вырытыми рвами, надежным тыном, воротами и стройными рядами палаток вдоль прямых улиц. В лагере и разместили новоприбывших, разделив по племенам. Начальником его был римский патриций Орест – высокий мужчина с красивым надменным лицом, одетый в несколько туник одна поверх другой и куций германский плащик. Впрочем, сам он жил в городе, полностью доверив дела своим помощникам, и появлялся в лагере лишь иногда. Среди облеченных властью лиц оказался и старый сигамбр Хлотарь, неожиданно для него самого возведенный в ранг пилуса приора секрета, иначе говоря, начальника разведслужбы.

Приняв сей высокий пост, ветеран первым делом взялся за подбор кадров. Основную массу будущих разведчиков составили его соплеменники-франки, в придачу к которым Хлотарь пригласил троих братьев-словен – Радомира, Тужира, Истра. Все вышло просто: зашел в словенский квартал лагеря, заглянул в палатку, где трое новобранцев яростно чистили выданные им доспехи, и небрежно позвал:

– Пошли.

Даже не объяснил куда, велел только забрать все вещи, кроме «этого ржавого хлама», то есть доспехов, и впрямь слишком старых и ни к чему не пригодных.

– А Пирагаст, наш командир? – спохватился на ходу Радомир. – С ним как?

– С ним я договорился, – не оборачиваясь, старый воин махнул рукой.

– Но куда мы идем?

– Туда, где вам будет лучше. Но если очень хотите месить глину и таскать бревна на постройке укреплений – пожалуйста, можете оставаться в словенской когорте.

– А что, нам новые доспехи выдадут? – спросил Тужир, подмигнув приятелям.

– Выдадут, если понадобится. Но пока у вас будут другие задачи.

– А какие, славный Хлотарь?

– Спроси во-он у того ворона! – хмыкнул сигамбр.

– Что?

– Да ничего. Всем ты хорош, парень, и не глуп, и отважен, но любопытен сверх всякой меры! Правда, мне это твоё качество пригодится.

Пройдя по широкой центральной улице, они остановились на площади перед высоким шатром центуриона и эмблемой легиона – серебряной волчьей головой с оскаленной пастью. И не удивительно: большинство командиров составляли бывшие имперские офицеры германского происхождения. В самой империи в легионах служили почти исключительно варвары, и командовали ими тоже варвары. Даже всей римской армией руководил варвар Аэций, как позднее, у костра, рассказал Хлотарь.

Белев ждать, новоназначенный пилус приор скрылся в шатре. Стоявшие у входа часовые – атлеты в сверкающих доспехах и шлемах – без единого слова пропустили сигамбра внутрь, даже отсалютовали копьями.

Приятеля удивленно переглянулись.

– Ну, надо же, – присвистнул Истр. – А наш старинушка, кажись, тут в большой чести. И быстро как – прийти едва успели.

– Вот и славно! – Тужир с довольным видом потер руки. – Важного-то человека в друзьях иметь – большое дело! Тем более тут, на чужой земле. Милостив к нам воевода Хлотарь – это хорошо!

– Как бы это нам боком не вышло, – поправив на плече перевязь, усмехнулся Радомир. – Хлотарь и сам не прост, себе на уме.

– Зато человек бывалый, – уважительно произнес Истр. – С таким не пропадешь. Нет, братцы, я так мыслю, нам Хлотаря держаться надо.

– Да куда ж мы теперь от него денемся?

– А вот хотелось бы знать – что мы при нем делать будем?

– Э, не спеши, Тужир, не ставь телегу впереди лошади, – Родион рассмеялся. – Думаю, мы скоро все узнаем.

Ситуация прояснилась ближе к вечеру, когда друзья уже расположились в палатке, натаскали воды и дров для костра и немного познакомились с франками, как Хлотарь именовал соратников. Свой отряд он называл по-римски – центурия. Была она невелика и насчитывала всего три дюжины человек, но предназначалась для решения отнюдь не маленьких задач.

– Я здесь только наставник, – вечером, сидя со всеми у костра, объяснял старый воин. – Мое дело – обучить, показать, рассказать, кое-что вместе с вами продумать. Задачу же вам ставлю не я, а некто повыше. Скоро вы его увидите, быть может, даже сегодня. Хотите спросить, почему вашим командиром назначили именно меня? В этом лагере, да и вообще во всей войске, немного найдется людей, которые знали бы Галлию так же хорошо. О, я много чего видел, скажу не хвастая! Галлия Лугдуна, Галлия Нарбона... Секвана-река...

– Так значит, великий Этцель собирается наконец вступить во владение этой богатой провинцией?! – спросил молодой парень с длинными светлыми косами, по виду франк.

– Тише ты! – недовольно цыкнул Хлотарь. – Незачем так орать. Да, мы собираемся вторгнуться в Галлию. Уже не раз мы сражались с везиготами или бургундами, но раньше мы делали это для римлян, для хитреца Флавия Аэция, а теперь настала пора повоевать и для себя! Каждый из вас скоро не только добудет славу, но и станет настоящим богачом! Как вам это понравится, парни?

– Слава нашему Хлотарю сыну Дагоберта!

– Оресту херцогу слава!

– Слава великому Этцелю! Аттиле слава!

– Ну-ну! – Ветеран поднял руку. – Не спешите кричать. Перед вторжением вас ожидает большая работа: разведать пути, выяснить численность и расположение вражеских войск. Всем понятно?

– Да, командир.

– Свободны все. Словены – останьтесь.

Когда все разошлись по палаткам, Хлотарь поворошил веткой угли догорающего костра и негромко сказал:

– Вам следует знать, что дело это опасное. Но я в вас верю. Тужир, как твоя голова? Не болит уже?

– Нет, командир. У меня голова крепкая.

– Ты назначаешься старшим, парень. – Старый воин перевел взгляд на Радомира. – Полатыни твоя должность называется тессариус, а простые воины, то есть вы двое – милес грегариус. Ясно, кто кому подчиняется?

– Ясно, командир.

– Тогда – спать. И будьте готовы проснуться в любой момент – наш главный начальник может сюда явиться и ночью. Ты что-то хочешь спросить, тессариус Радомир?

– Те готы, что приехали с нами – они тоже в лагере?

– Нет. У них здесь есть свой правитель – рэкс Валамир. Остроготы – в его войске, а здесь в лагере остались везиготы, скиры, герулы, тюринги. У гепидов тоже свой властелин – Ардарих.

– Я не про парней. Те готские девушки, они где?

– Не знаю, – Хлотарь пожал плечами. – Приведенных невольников отправляют ко двору Этцеля, и он сам решает, что с ними делать. Кого-то оставит себе, кого-то подарит.

Потом пилус приор отправился на совет центурионов, Истр и Тужир тоже поднялись:

– Ну, что, пойдём и мы?

– Идите, я догоню.

Родиону захотелось побыть одному в этот тихий вечер, теплый не по-зимнему. Посмотреть на звезды, подумать... Где-то Хильда теперь! Похоже, не так-то просто выручить девушку. Главное сейчас отыскать ее, дать о себе знать, а уж дальше видно будет.

А из палатки доносился смех и веселая болтовня братьев.

– Смотри-ка, Тужир, одеяло-то тоненькое, колючее.

– Зато шерстяное, теплое.

– Ага, теплое, пока снега да мороза нет. Похлебка у них тоже так себе.

– Да уж, жидковата. Сейчас бы кашицы наварнуть да с салом!

– Смотри-ка, вождя готов зовут Валамир. Волемир, наверное, по-нашему, по-словенски.

– Ну да, мать-то его была из наших. Ты разве не знал?

– Знал, да забыл.

– Ничего-то ты не знаешь, пенек неученый!

– Да сам ты...

– А ну, цыц, гоблины! – шутливо прикрикнул на парней Радомир. – Совсем распоясались, духи бесплотные, забыли, кто у вас тут сержант?

Угомонились, легли спать. Парни-то заснули быстро, а вот Родиону не спалось – все ворочался, думал, и не колючее тонкое одеяло было тому виной. Валамир, король остготов, оказывается, наполовину русский, то есть славянин. Ничего удивительного – готы долго жили у Черного моря, по Днестру и по Днепру. В прежней своей жизни Родион всегда интересовался историей, но даже не подозревал, что на территории современной Украины и России когда-то жили германские племена. И со словенцами не только враждовали, но и дружили, роднились даже. И сколько всего, получается, в русском человеке кровей намешано? Славяне, угрофинны, а теперь еще и германцы в предках обнаружили. И немало было таких связей, выходит, коли даже король восточных готов носит славянское имя!

Юноша вдруг вздрогнул и прислушался: вроде рядом кашлянул кто-то? Нет, не показалось – снова раздался кашель и чьи-то шаги. Причем совсем рядом!

Радомир вытащил из ножен скрамасакс, приготовился быстро разбудить братьев. Шаги затихли у самого полога.

– Они здесь?

– Да, господин. Велишь разбудить?

– Не надо, я сам. Дай только факел.

Родион узнал голоса: один принадлежал Хлотарю, второй... второй...

– Что, не спится?

Ну конечно же – Варимберт!

– Херцог? – Молодой человек приподнялся и хотел встать.

– Лежи, лежи. – Воткнув факел в землю, тот уселся рядом. – Ого, вот и остальные проснулись.

– Мы сразу проснулись, почтеннейший господин Варимберт, мы же воины.

– Ладно, ладно. – Херцог негромко засмеялся и махнул рукой. – Не буду отнимать много времени... Знаете, почему вы здесь, в этом отряде?

– Да, нас позвал Хлотарь.

– Ну да, Хлотарь. Но главное, вы здесь, потому что это мой отряд, – ночной гость еще понизил голос. – Думаю, вы догадываетесь, что ваша жизнь зависит сейчас только от одного человека – от меня. У вас здесь нет ни родичей, ни друзей, все вокруг чужие, и только я – ваш единственный покровитель, надежда и опора.

– Да, это так, херцог. Мы понимаем.

– Вот и хорошо. Хочу, чтоб вы знали – если понадобится, вы должны будете, не рассуждая, исполнить любой мой приказ. В чем бы он ни состоял.

– На то они и приказы, чтоб исполнялись без рассуждений. – Радомир спокойно кивнул. – Херцог, ты можешь во всем положиться на нас. Говори же, что делать?

– Пока ничего, – Варимберт ухмыльнулся. – Просто есть такая поговорка у римлян: я ска- зал и душу облегчил. *Dixi et animam levavi*.

И вышел, прихватив с собой факел.

Станный был разговор. Однако, если подумать, то многое становится понятным. В этом огромном людском море, где каждый сам за себя, даже такому влиятельному вельможе, как Варимберт, приходилось искать верных помощников, которые зависели бы от него во всем и именно потому были бы преданны до конца. Парни-словены как раз в такой ситуации и находились.

Интересно, что он им вскоре прикажет? Убить кого-нибудь? Вполне вероятно... Черт! Может быть, при его помощи удастся найти Хильду? Согласится он помочь, если его попросить? Нет, пожалуй, сейчас еще рано. А вот если достойно выполнить трудное и опасное поручение – совсем другое дело. Можно будет и с просьбами обращаться... если еще будет в том нужда. Но сперва обязательно надо попробовать самому. Если Хильда в городе, в ставке, то ведь здесь, в лагере, должны быть увольнительные или что-то вроде?

Неделю напролет особая центурия Хлотаря усиленно тренировалась. Часть времени новобранцев учили передвигаться «черепашей», взаимодействовать в плотном строю, но гораздо больше они занимались индивидуально, в парах или повзводно, как говорил про себя Родин. Хлотарь учил всему, что знал и умел сам, а это было немало. Прежде всего речь шла об искусстве убивать. В это суровое время многие имели подобный навык, но старый сигабр мог считаться виртуозом. Он показывал молодым, как превратить в орудие убийства обыкновенный стебель камыша или ветку ели. Камыш следовало лишь слегка заострить, ветки же...

Еще учил маскироваться – в лесу, в болоте, в пустынной местности, где даже и прятаться, казалось бы, негде. Но и Хлотарь знал далеко не все, что требовалось для выполнения важных и ответственных заданий. Сам он мог подробно рассказать про Галлию, про остатки пле-

мен, когда-то ее населявших, но почти полностью поглощенных римлянами – эдуев, секванов и разных прочих паризиев. Много говорил о восстаниях, направленных против римлян и вообще богачей; их участников называли багаудами. Как-то он привел в лагерь предводителя одного из таких восстаний, некоего господина Евсевия, по профессии врача. Евсевий оказался невысоким лысеющим человеком и что-то не очень понятно талдычил про тактику диверсионных действий – захваты обозов, нападения на гарнизоны и прочее. Говорил врач на хорошей латыни, что в данном случае лишь затрудняло понимание его слушателями, кое-где нахватавшимися кое-каких слов. Радомиру было легче, чем остальным – не прошло даром общение с херцогом Варимбертом.

Но гораздо больше новоявленному тессарию, то есть сержанту, понравилась другая встреча, точнее сказать, теоретическое занятие, вести которое Хлотарь пригласил мужчину лет тридцати пяти, ничем не примечательной внешности, по римской моде одетого в несколько туник одна на другую и в темно-бордовый плащ. На ногах у него были калиги – нечто вроде высоких полусапог-полусандалий, и короткие варварские штаны, необходимые в суровом здешнем климате. Говорил он на каком-то германском наречии, иногда вставляя латинские фразы и охотно поясняя непонятное, чем нравился Родиону гораздо больше мятежного врача Евсевия. Видно было, что лектор излагает плоды личного опыта, скорее всего, полученного на какой-нибудь тайной службе – скажем, при эдилье или городском магистрате.

– Многие из вас никогда не были в городах, а если и бывали, то редко, – рассуждал приглашенный специалист, прохаживаясь перед слушателями, сидевшими прямо на траве.

– Вы все – сельские парни, в лесу и в поле по части маскировки вам нет равных, но в любом городе вы будете заметны, как одинокий лист в зимнем лесу. Вот, к примеру, ты, – лектор указал на сидевшего впереди Истра. – Встань и пройдишь, как ты обычно ходишь.

Пожав плечами, парнишка поднялся и сделал несколько шагов.

– Достаточно, благодарю. Все видели? Нет-нет, друг мой, постой. Скажи-ка, почему ты оборачиваешься на каждый шорох? И почему у тебя такой внимательный взгляд – как на охоте?

– Как же не оборачиваться-то? – усмехнулся Истр. – А вдруг на дереве рысь?

– Вот именно! Ноги у тебя напряжены, это видно, руки, наоборот, расслаблены, чтобы среагировать на угрозу в любой момент. В городе так ходить не надо! Скоро будете в той же Виндобоне – попробуйте, потренируйтесь. Чем горожанин отличается от лесного жителя? Никакая рысь ему с крыши на спину не прыгнет и змея не укусит – нет в городе змей. Не надо так внимательно смотреть под ноги и оборачиваться на каждый чих. Идти нужно спокойно, неторопливо, но можно и спешить, суетиться – в городе ведь достаточно чудиков. Только выберите что-нибудь одно: либо вы праздный гуляка, либо озабоченный чем-то мастеровой, либо вечно спешащий чиновник, не какой-нибудь там крупный магистрат, так, мелочь. Праздные гуляки ходят вот так...

Рассказчик прошелся по поляне, изображая разиню: вот остановился, проводил взглядом женщин, заглянул в лавку, ничего не собираясь покупать, задержался посмотреть на бродячих певцов, а потом, в ужасе округлив глаза, вдруг схватился за пояс – кошель-то тем временем украли!

Ой, как все смеялись – даже лес вокруг дрожал.

А лектор уже представлял чиновника: съезжился, улыбнулся подобострастно гаденькой улыбочкой, низенько поклонился, будто здороваясь с внезапно появившимся начальством. Вот перевел дух – начальник прошел, вздернул нос, выпятил надменно губу и пошел, пошел, расталкивая всех с крайне деловым видом.

А вот мастеровой – несет на плече то ли лестницу, то ли корзину, то ли ящик с инструментом. Ни на кого не смотрит, потом обернулся, подумал: куда я спешу-то, работа не волк. Остановился, опустил ношу наземь, подозвал торговца оливками или жареными лесными орешками, пожевал, выплюнул, почесал голову и двинулся дальше.

– Походка и манеры значат очень много, – пояснил лектор. – Вы видели: даже не меняя одежду, можно преобразиться до неузнаваемости. Однако главное не это, а выражение глаз, взгляд. Если не умеете притворяться, просто прячьте глаза и ни на кого не смотрите прямо. Смотрите сквозь толпу или поверх голов. Даже случайно брошенный вами взгляд обязательно притянет ответный. Избегайте этого, никогда не смотрите людям в глаза.

– Какой знающий человек! – шепнул Тужир. – И как много всего любопытного рассказывает. Да разве мы так сможем? Мне-то никогда не суметь. Я в городах не бывал, да и нету у нас городов. Только до гуннов были, я от дедов слыхал. Большие города, почти как римские, только без стен и дома деревянные.

– Тихо ты, – урезонил парня Радомир. – Слушать мешаешь.

– Попрошу запомнить: во всех городах обеих империй, как западной, так и восточной, все чиновники-магистраты, от крупного до самого мелкого – взяточники и воры, – продолжал между тем рассказчик. – Если есть возможность украсть выделенные цезарем средства – украдут, будьте уверены; если почуют, что можно перехватить выгодный контракт – перехватят или пристроят к делу родственника. На этих проказах чиновников можно ловить, но не подумайте, что это так просто. Мелкий и средний магистратурный чин – он не сам по себе вор, а только с позволения и покровительства своего непосредственного начальства. Иногда даже по прямому принуждению. Самостоятельно никто не ворует, но все между собой повязаны. С другой стороны, это удобно: почти все вопросы можно разрешить легко и быстро, если иметь при себе нужную сумму, размеры которой я вам дам позже в виде таблицы – какому именно чину сколько полагается. Серьезная ошибка – давать меньше или больше, чем нужно.

Лекция продолжалась, постепенно переходя в беседу: воины задавали вопросы, гость отвечал, иногда очень подробно, иногда шутливо. Первая встреча прошла, пожалуй, весьма плодотворно, и Родион многое из нее извлек. Правда, не обо всех слушателях можно было сказать то же самое: большинство понимало римлянина гораздо хуже, потому что совсем не знало город.

– Наш уважаемый гость обязательно посетит нас еще, – поднявшись, улыбнулся Хлотарь. – А в течение следующей недели все вы ходите в город, небольшими группами или парами. Перед каждой группой будет стоять задача найти другую, незаметно проследить за ней и по возвращении представить отчет. Все понятно?

– Понятно, господин пилус приор, – хором отозвались воины.

– Ну, тогда да помогут вам ваши боги.

Через день очередь идти в город выпала Радомиру с Истром (Тужиру досталось дежурить по лагерю). До распахнутых ворот – бояться Атилле было некого, себя самого разве что, – все воины из «центурии особого назначения» шли вместе, но при входе в Виндобону Хлотарь остановил отряд и стал выпускать парами через одинаковые промежутки времени. Прямо учитель физкультуры, не хватало только синего спортивного костюма, свистка на шее и секундомера в руке:

– Автлемар, Бергвальд – пошли! Дудоин, Хильдегавд – приготовиться... Пошли! Юнегавд, Хильдевольд – вы следующие.

Словены были чуть ли не последними, но наконец подошла и их очередь.

– Ну что, готовы? – провожая парней, усмехнулся старый сигамбр.

– Конечно, господин пилус приор. Не подведем, не беспокойся.

– Свой объект помните?

– Конечно! Вальдинг и Фротвей. Вальдинг – длинный словно оглобля, а Фротвей – с родинкой.

– Все правильно. И не упускайте из виду, что за вами тоже кто-то будет следить. Возможно, даже больше, чем одна пара. Напоминаю: сбор в лагере, перед отбоем, так что с наступлением темноты живенько выбирайтесь из города.

В эпоху Аттилы уже известны были понятия часа и минуты, их даже умели определять с помощью водяных часов – клепсидры, либо песочных или солнечных, но тем не менее обычно ориентировались на смену времени суток: утро, день, вечер. У этих людей было много времени, и «с наступлением темноты» казалось им достаточно точным определением.

Взбужденные и полные ожиданий, Радомир с Истром вошли в город и двинулись вдоль по широкой и людной улице. Как и положено приличной деревенщине, они без устали таращили глаза на высокие каменные дома с портиками, на мраморные статуи и вазы.

– Ой, боги-и-и... – восторженно шептал Истр. – Вот уж никогда не думал, что такое бывает!

– Что, первый раз в городе?

– А ты, можно подумать, не первый!

– Понаехали тут всякие варвары в нашу родную Виндобону...

– Ну, что будем делать?

– Да пока ничего. Помнишь, что нам говорили: все римские города выстроены одинаково, как военный лагерь. Эта улица широкая и людей здесь много, значит, куда ведет? Правильно, к рынку. По ней и пойдем. А на рынке что?

– Продают и покупают. Жаль, у нас на обмен ничего нету.

– И незачем, сами должны исхитриться что-то раздобыть. Ой...

– Ты чего замолк-то? – встревожился Истр. – Увидел что?

– Нет, – Родион покачал головой. – Просто подумал, зря мы по улице открыто шагаем, мордами светим.

В первый свой выход будущие разведчики еще не пытались изображать мастеровых или празднующихся гуляк, но и без того затеряться в этой толпе было несложно. Франки, словены, готы, «понаехавшие» из разных мест, носили почти одинаковые рубахи, косматые безрукавки, плащи, штаны с обмотками и обувь на ремнях; кто был в меховых круглых шапках, кто в войлочных колпаках, а кто и вовсе с непокрытой головой. Примерно так же выглядевшие Радомир и Истр внимания к себе не привлекали, хотя многие сказали бы, что это братья: нечто общее замечалось в их фигурах, чертах и даже выражении лица. Разве что у Родиона волосы были посветлее, а у Истра – глаза.

– Так ты вокруг посмотри – тут все такие, вроде нас! – сказал Истр, оглядываясь. – Как ты говоришь? Понаехали варвары?

– И все-таки давай в переулок свернем, где деревья. Не хочется, чтобы нас сразу же засекли.

– Как скажешь, братец, давай свернем. Жаль, Миусс не в нашей центурии: он бы тут разом всех выследил!

– Ага, как же! Миусс хуже любой деревенщины – дитя степей, в городе сам бы потерялся, да и все.

– Все-таки он хороший парень.

– А никто и не говорит, что плохой.

Поддержание разговора на любую тему Родиону уже давалось без труда, он сам почти и не замечал, что говорит языком давно минувшей эпохи. И никакая мистика или чужая память ему больше не помогали – сам всего достиг, своим трудом и упорством.

В переулке, куда они свернули, на деревьях уже проклюнулись первые клейкие листики. Сейчас шел февраль или самое начало марта, а гляди-ка – тут уже настоящая весна!

– Ну, брате, что делать будем? – Истр остановился у высокой липы. – Я так мыслю, на рынок надо идти, там кого-нибудь из своих уж точно увидим.

– Как и они нас, – хмыкнул Родион. – Надо как-то похитрее сделать. Глянь-ка, тут не все одеты одинаково, есть местные, которые на нас совсем не похожи.

– Да заметил уже, – Истр оглянулся на пару прохожих, наряженных в длинные туники со складками. – Смешно. И не холодно им без штанов-то?

– Привыкли. Слышь, братец, вот бы и нам так же одеться!

– Штаны, что ли, снять?

– Штаны снять – дело нехитрое, а вот где бы рубахи такие найти? Может, на плащи выменяем? Только вот плащики-то у нас, мягко говоря, не очень...

– Согласен, плащи худые – куцы и тепло не держат. Только... – Истр задумался. – Нам же их выдали, а ну как спросят потом – куда, мол, дели? Что Хлотарю будем отвечать?

– Как есть, так и объясним, – отмахнулся Радомир. – Он поймет. Нам сейчас главное всех прочих обставить.

– Верно говоришь, брате!

– Значит, надо побыстрее плащи обменять. Глянь-ка налево, там не цирюльня, случаем?

– Да, кажись так. Вижу, бреют, стригут. Разве нам цирюльник нужен?

– Там и попробуем плащи продать.

– Может, лучше на рынке? – усомнился Истр.

– На рынке-то нас и поджидают! А мы всех обманем.

Радомир уже свернул к цирюльне, располагавшейся под навесом двухэтажного дома, сложенного из серого камня. Подошел, вежливо поздоровался с цирюльником и дожидавшимися очереди людьми.

– Сальвете.

– Сальве, господин. Стричься, бриться желаете? Можем уступить – пожалуйста, проходите.

– Нет, нет, я подожду! – Радомир ухмыльнулся, довольный тем, что так хорошо понял все сказанное по-латыни, да и ответить может не хуже. – Мы с другом тут вдвоем. И хотим попросить о небольшом содействии.

– Чем мы могли бы помочь столь любезным и приятным господам?

– Наши плащи... они не кажутся нам достойными. Мы хотели бы их продать, очень дешево, или обменять на другие одежды, которые здесь носят... Как они называются?

– А, пенулы. Боюсь, господа, вырученных с продажи денег вам на них не хватит.

– А на что хватит? На туники? Такие, знаете, широкие?

– На туники – другое дело. Я вам тотчас же принесу, если чуть-чуть обождете.

– Обождем, ладно.

– А сейчас уступлю свою очередь – вот, пожалуйста, проходите. Сальвиан, обслужи этих господ.

– Прошу, господа. – Высокий седой старик парикмахер услужливо поклонился. – Кто первый?

– Пожалуй, я, – Радомир уселся в деревянное кресло и сразу честно предупредил, что заплатить они смогут только после продажи плащей.

– О, не беспокойтесь, господа, – улыбнулся цирюльник. – Мы с другом договоримся. Первым делом вам стоит вымыть голову, а потом... Чего бы вы хотели?

– Пожалуй, побриться, – почесал заросшую щеку молодой человек.

– А подстричься не желаете? Извините, если случайно обидел, но я вижу, что вы оба – не франки, которые берегут свои волосы пуще зеницы ока, ибо считают, что в них заключена колдовская сила.

– Нет, мы не франки, – Радомир улыбнулся, вспомнив Хлотаря и его знаменитые косы, которые тот и впрямь очень берег.

– Тогда прошу, наклонитесь... Ага, так...

Цирюльник сноровисто вымыл юноше голову теплой водой из принесенного мальчиком-слугою кувшина; вместо мыла он использовал золу и какой-то приятно пахнущий корень.

– Ну, господин, как будем стричься?

– А как здесь принято?

Парикмахер пожал плечами:

– Люди пожилые и солидные обычно стригутся коротко, а молодежь, наоборот, отпускает и завивает локоны.

– Хорошо, тогда и мне завейте. Только слегка.

– Эй, эй, Луций! – повернувшись, закричал цирюльник в сторону дома. – Накали-ка мне щипцы для завивки. Вашему молодому другу то же самое?

– Эй, эй братец! – Истр опасливо прислушивался к малопонятному для него разговору. – О чем это вы там жужжите?

– Тебе понравится, не беспокойся...

Цирюльник Сальвиан оказался мастером своего дела, да и его дружок, тот, что обещал приобрести плащи, не заставил себя ждать. Не прошло и получаса, как названные братья бодренько шагали по людной центральной улице, преобразившись до неузнаваемости. Теперь любой принял бы их за модников из имперского города – с завитыми локонами, в широких новых туниках поверх старых рубаш. Штаны, к большому облегчению Истра, решили не снимать: холодный климат не позволял таких вольностей, вследствие чего костюмы многих горожан соединяли в себе римскую моду с обычаями варваров. В таком виде молодые люди почти не боялись быть узнанными. Ободренный этой мыслью Родион держался уверенно, а Истр с непривычки смущался и краснел.

Идущая впереди девчонка лет четырнадцати, похожая на служанку из богатого дома, вдруг обернулась и показала ему язык.

– Чего это она? – изумился Истр и даже слегка испугался. – Что мы ей такого сделали?

– Да ничего. Можешь считать, что мы ей понравились. Эй, красавица, как твое имя?

– А я свое имя первым встречным болванам не говорю! – Девчонка снова показала язык, обидно засмеялась и юркнула в ворота большого трехэтажного дома.

– Вот егоза черноглазая! – беззлобно расхохотался Радомир.

– Что? Что она сказала-то? – тревожно осведомился Истр, от волнения забывший всю латынь.

– Сказала, что хотела бы нас обоих поцеловать, да мамка не разрешает.

– Ну и нравы тут, – Истр покачал головой и улыбнулся. – А вообще-то ничего, весело.

– Ладно, хватит глазами хлопать, мы сюда не за девками пришли. Рынок, скорее всего, в той стороне, и там наверняка все наши околачиваются. И Вальдинг с Фротвеем.

– Скажи проще: Оглобля и Родинка, – улыбнулся Истр.

Глава 18

Зима – весна 451 года. Паннония

Деревянный дворец

– Ого! Ну и народу тут! – Истр в волнении оглядел рыночную толпу. – И как же мы кого-то отыщем?!

На самом деле рынок был невелик, но выросший в глухом селении парень едва ли когда видел столько людей сразу. Торговые ряды занимали всю площадь и даже, словно загребушие паучьи лапы, выползали на прилегающие улицы. Все вокруг шумело, ругалось, бурлило, будто море в шторм, затягивало в себя провинциалов. Прячась за прилавками, словно в засаде, ушлые торговцы высматривали жертвы, не чинясь, хватали за руки, приторно улыбались, тянули к себе, заговаривали зубы, не давая потенциальному покупателю и слова вымолвить.

– Девушка, девушка! Что ищешь, красавица? Вот, посмотри на эти чудные серьги – как сверкает серебро, жемчуг! Как они пойдут к твоим прекрасным глазам. И стоят недорого – для такой красавицы отдам за полцены. Что? Ах, нет столько денег? Так пусть тебе подарит их суженый! На, возьми, примерь, посмотришь в зеркало.

И вот уже откуда ни возьмись в руках купца появляется медная полированная пластина – зеркало, и девушка, сама того не желая, примеряет серьги, потом диадему, и браслеты, и...

– Уважаемые господа, не проходите мимо! О, как вы великолепно одеты, сразу видно солидных людей, не замухрышек каких-нибудь. Однако скажу по секрету, туники такого цвета носят только в самых дальних горных деревнях. А у меня как раз остался кусок ткани, хотел приберечь для себя, но таким приличным людям уступлю, так и быть. Вы только взгляните, как играет цвет, как сияние прокатывается по ткани, словно волна... Вот, приложите-ка к груди... Давайте, я сам приложу... Ну, что я говорил? Очень и очень внушительно смотрится, как раз для вас.

– О славный воин, я знаю, что ты ищешь! Как зовется твой меч? Кровавый Орел? Великолепное имя! Столь суровому и испытанному в походах клинку, несомненно, требуется и достойное облачение, поэтому взгляни на эти ножны, мой херцог! От них не отказался бы и сам Этцель конунг. И твой меч – тоже не отказался бы, если бы мог говорить. И стоят недорого – сушая безделица для такого славного рубака!

– Вон наши, – прячась в толпе, шепнул Истр. – Но не те наши, другие.

– Не маши руками, вижу, – Радомир скривил губы. – Не забывай, они могут выслеживать нас.

– А пусть выслеживают – нас теперь родная мать не узнает! – Юноша тряхнул недавно завитыми локонами и стыдливо опустил глаза. – Фу ты, ну ты... как девка! Дома засмеяли бы... Ой! А вон еще одна пара. И тоже не те, что нам нужны.

– И там за углом стоят, высматривают, – бегло оглянувшись, негромко промолвил Родион. – Ну-ка, давай, вспоминай: Оглобля и Родинка в первой партии пошли, так?

– Так.

– Значит, по оружейному ряду уже пошатались, все осмотрели и теперь либо сидят где-нибудь в засаде, либо...

– В засаде? А где тут можно сидеть? Разве что прикинуться торговцами.

– Ну, это у них вряд ли выйдет.

– Ой, брате... Глянь, какой меч! А ножны какие! – Истр завистливо вздохнул. – Я посмотрю, ну хоть одним глазочком, а? Все равно нас никто не узнает – в этаким-то дурацком виде.

– Посмотри, ладно, – Радомир согласно махнул рукой. – Только быстро.

Расталкивая толпу, парнишка протиснулся к оружейным рядам, наклонился, схватил ножны, потом другие... Затем один меч, второй... Разочарованно положил обратно и вернулся.

– Чепуха все это, а не мечи. С виду красивые, но они плохо гнутся и весьма тяжелы. Думаю, что и сломаются быстро.

– А ты что хотел? – прищурился Родион. – Сам-то подумай: станет умелый кузнец выкладывать свои изделия в торговых рядах? Хорошие клинки только под заказ делаются.

– Или для себя.

– Или в подарок какому-нибудь могучему вождю.

– Да-а, – Истр грустно вздохнул. – Когда мы еще таким станем? Думаю, не очень-то скоро. Знаешь, братец, я раньше считал, что мы самые лучшие, самые умелые, самые храбрые. Храбрость-то наша никуда не делась, в чистом поле и в лесу нас голыми руками не возьмешь. А тут, в городе, мы как котята. Хорошо хоть, учат уму-разуму.

– Нравится тебе здесь?

– Да, – без раздумий признался подросток. – И даже домой не очень-то тянет. Любопытно здесь. И куда больше всяких... м-м-м... не знаю, как и сказать...

– Возможностей, наверное?

– Да, да, именно их!

– Ладно, хватит болтать. Смотри по сторонам, наостри уши!

– Да, наостришь тут, в этакой-то толпе.

Когда Истр ходил к оружейному ряду, Радомир следил – не выдаст ли себя наблюдатель? Но младшенький прав – в такой толпе попробуй кого-нибудь заметить. Остается надеяться, что и его не заметили. А увидели мельком, так не узнали в новом облике молодого щеголя из местных.

– Видать, здесь они уже потолкались да ушли, – продолжая коситься по сторонам, сказал Радомир. – А куда всех тянет? Само собою, к оружию – не горшки же парням рассматривать, не тряпки бабы.

– У обжорного ряда могли задержаться.

– Едва ли – серебришка у них нет, чего зря слюни пускать?

– Откуда ты знаешь, что у них нет серебришка? – тут же поддел напарник. – Думаешь, раз у нас нет, так и ни у кого?

– А ведь верно, – задумчиво кивнул молодой человек, шурясь от яркого солнца, бьющего прямо в глаза. – Пойдем-ка во-он туда, в тень станем. Под липу.

– Это никакая не липа, а платан или вяз. У нас целая роща таких, за дальним пастбищем, помнишь? Малоста наша... ну, в жертву которую... частенько там овец пасла.

При этих словах Радомир поморщился. Жертвы, Влекумер, гризна – все это показалось просто нереальным здесь, в яркий солнечный день, посреди шумного и многолюдного города. Юноша поймал себе на мысли, что не очень-то хочет вернуться в селение, а раньше ведь только об этом и мечтал. Да и Истру тут понравилось. Будь он, Родион, тоже уроженцем этой эпохи, и его не тянуло бы из города назад в деревню, где только тяжелая работа в поле, а вместо оживленного людского гомона вой волков по вечерам. Но у него была другая «прежняя жизнь» – в далеком-далеком будущем. А попасть туда можно только через болото, к которому надо вернуться, прихватив с собой Хильду, да взять за жабры жреца...

– Глянь-ка, там что – девки нагие, что ли? – Привстав на цыпочки, Истр вытянул шею.

– Девки? – Радомир обернулся. – Где?

– Да вон! Вон же. Не туда смотришь – голову назад поверни.

Молодой человек повернулся, и в глаза сразу бросилось бесстыдно обнаженное белое женское тело. И тел этих было много. Баня тут, что ли? Нет, не баня... Ах, вот оно что! Это просто еще один торговый ряд – невольничий. Товаром служили девушки, юноши-подростки,

дети. А вот молодых мужчин что-то не видно: то ли спросом не пользуются, то ли всех загребли в войско.

Денек выдался солнечный, теплый, однако отнюдь не жаркий, не лето ведь еще. Тем не менее, многие девчонки стояли голые – те, которых рассматривали покупатели. Мерзкие старики в богатых одеждах придирчиво выбирали живой товар: поглаживали несчастных невольниц по всем местам, деловито шупали грудь, заглядывали в рот, проверяя зубы. Многие девушки, по мнению Радомира, казались симпатичными, но вид у них был совершенно отсутствующий – словно они не здесь и вовсе не с ними это все происходит.

Торговец людьми, крепенький, коренастый, широкоплечий, по виду напоминал палача Ашира, только Ашир ходил вечно злым и угрюмым, а этот прямо-таки лучился добротой и весельем.

– Вот красotka всем на диво, просто песня! – с шутками-прибаутками предлагал он свой товар. – И хлеб испечет, и дом приберет, и все дела уладит, как простые, так и требующие особого доверия!

– Что-то лицо у нее недоброе, – недоверчиво качал головой покупатель-старик. – Стоит ли такую брать?

– Хорошее у нее лицо, господин. Сразу видно – серьезная девушка, без всяких глупостей в голове.

– А ну-ка – ту покажи! Белобрысую.

– Ай, вот это красавица, вижу, есть у тебя вкус, уважаемый. Файра, а ну-ка, разденься. Заголись, заголись, не стесняйся – покажи-ка себя, какой тут стыд, когда есть что показывать?

– А зубы? Зубы-то не гнилые?

– Смотри, господин, как бы палец не откусила!

– А резва ль девка твоя?

– Побезит – не догонишь!

– И сколько... Сколько-сколько?! Я не ослышался? Нет? Ну... чистая обираловка, креста на тебе нет!

– Ага, на них, можно подумать, крест есть, – посмотрев в спину удалявшимся покупателям, смачно сплюнул торговец. Потом обернулся, махнул рукой слугам, крикнул:

– Эй, девки, одевайтесь! Простудитесь еще тут, и мне, и вам прямые убытки. Каим, вина им налей... Только смотри, не очень много. О! А вы что стоите, парни? Наложниц себе высматриваете? Могу подсказать. Каких предпочитаете? Пухленьких, стройных? Светленьких, темненьких, рыженьких? Светлоглазых или, наоборот, с очами чернее ночи?

– А что, всякие есть? – удивился Истр.

– Каких нет, на заказ привезем, подождать только надо будет.

– Нам не надо, – поспешно подошел Радомир. – У нас и денег нет на такие дорогие покупки.

– У столь славных молодых людей и нет в достатке серебра? – ухмыльнулся работорговец. – А, понимаю, именно за добычей вы сюда и явились. И не прогадали – скоро все начнется.

– Откуда ты знаешь, зачем мы явились? И что начнется?

– По вашей речи, господа, нетрудно понять, что вы не здешние. Значит, не будете брать?

– Не будем.

– Жаль, жаль, столь приятным молодым людям я бы сделал скидку. И весьма значительную! Ну, что ж... – Торговец людьми разочарованно покачал головой и вдруг подмигнул, улыбнулся. – А может, винца? Я угощаю!

– Ну, коли угощаешь... – Радомир махнул рукой и быстро огляделся. – С удовольствием выпьем за твое здоровье.

– И за здоровье всех моих агнцев! – Взяв у побежавшего слуги медные чаши с вином, купец протянул их парням. – Пейте.

Выпив, еще поболтали – покупателей что-то не находилось, да и выставленные на продажу девушки уже оделись.

– А вот, Этцель конунг... Рэкс Атилла... Его люди тоже у тебя девок покупают? – осторожно справился Родион.

– Иногда берут, да. – Купчина гордо выпрямился и расправил плечи. – Но, увы, не так часто. У нашего правителя хватает невольников. Зачем покупать, если ему постоянно привозят дань и добычу, в том числе людей?

– Это понятно. А где он держит своих красавиц? В городе, во дворце?

– Часть его челяди здесь, но самые лучшие – за городом, там у повелителя есть еще один дворец, деревянный! Представляете, весь из дерева, из толстых и крепких стволов.

– Чудно, – согласился Радомир. – Что-то народ к тебе не валит?

– А всегда так, – пожаловался торговец. – Коли с утра не заладится, так и дальше не пойдет. О, смотрите-ка, целая толпа! Откуда бы? А, наверное, с ипподрома, сегодня же скачки! А я, старый осел, сижу, развесив уши... Эй, слуги, а ну-ка, разденьте девок, да побыстрей! Сюда, сюда их, на помост! А вы, красотки, так просто не стойте – улыбайтесь, стреляйте глазками и помните – вы лучшие!

– Скачки, – задумчиво прошептал Родион. – Вот где наши могут быть!

Вскинув голову, молодой человек внимательно всмотрелся в толпу и тут же потянул за рукав Истра, который во все глаза пялился на голых рабынь:

– А ну-ка пошли за деревья... Быстрей! Нет, нет, не бегом же.

Напарники спрятались поблизости, за старым платаном.

– Вон! – указал Радомир. – Вон они, видишь.

– Оглоблю вижу, – обрадованно зашептал напарник. – Над всеми возвышается, настоящая оглобля! А вон и Родинка... На девок зыркает, будто не видел никогда. Ой, умора – прицениваются, точно у них золото-серебро кошель тянет. Вот отошли... Ой-ой, смотри-ка, расстались! – Истр явно встревожился. – И что мы-то с тобой теперь будем делать?

– Что и делали – следить, – пожал плечами Радомир. – Ты за Оглоблей, а я за Родинкой. Вечером, как солнышко краем горных вершин коснется, встретимся у дальних ворот. Понял?

– Ага!

– Тогда пошли, а то упустим.

Расставшись с приятелем, Радомир некоторое время шел за Фротвеем Родинкой, но потом оглянулся, отстал, свернул на широкую улицу и, поймав за рукав пробежавшего мимо мальчишку, быстро спросил:

– Где деревянный дворец? Знаешь?

– Там! – Подросток махнул рукою. – От западных ворот все по дороге прямо, там увидишь.

– От ворот и все прямо. Славно! – обрадовался Родион. – Эй, эй, парень! А долго туда идти?

Уже бросившийся было по каким-то своим делам паренек оглянулся:

– Да не далеко, полторы мили.

Это значит, полторы римских мили, а по-нашему – около двух километров.

Дорога – хорошая, мощенная желтым кирпичом, на совесть выстроенная римлянами лет двести назад, оказалась весьма оживленной. Конные и пешие воины, важные, богато одетые всадники в сопровождении многочисленной свиты, плотники с пилами и топорами, торговцы с корзинами, музыканты – все двигались встречными потоками к городу и от города.

Молодой человек пристроился к музыкантам – с ними идти веселее, да и безопасней: одинокий путник слишком бросается в глаза, а тут идут себе артисты на заработки, все с ними ясно.

Его новая компания состояла примерно из дюжины парней в ярких разноцветных одеждах и тоже с завитыми локонами. За плечами висели музыкальные инструменты: барабаны, бубны, что-то вроде мандолины, трехструнной гитары, банджо. Конечно, назывались они здесь как-то иначе, но по виду были весьма похожи. Радомир смотрел с явным интересом: вот эта здоровенная штука вроде гитары, должно быть, бас, судя по толщине струн. Но тогда почему струны всего три, а не четыре, как положено?

Позади всех шел черноволосый и бледный юноша, чем-то напоминающий Пьеро, и наигрывал грустную мелодию на двойной флейте. А как закончил, обернулся.

– Хорошо играешь! – с готовностью улыбнулся Радомир.

– Тебе правда понравилось?

– Очень! Не сыграешь еще?

– Запросто.

И вновь полилась мелодия, только уже повеселее. Кто-то из музыкантов ударил по струнам, кто-то в барабан, звякнули бубны...

– Ой, как хорошо! – бурно радовался Родион. – Никогда такого не слышал!

– А ты сам на чем-нибудь играть умеешь? – с улыбкой поинтересовался «Пьеро».

– Увы! – развел руками Радомир.

– Жаль. Пошел бы с нами в деревянный дворец. Тебе ведь все равно куда идти, верно? – Темные глаза пареньки смотрели чуть-чуть насмешливо, но вполне дружелюбно.

– А там вас ждут?

– Не ждут, но будут рады.

– А почему ты думаешь, что мне все равно куда идти?

– Мы всю жизнь странствуем, умеем людей понимать.

– И что же вы про меня понимаете? – заинтересовался Родион.

– Ты не здешний, это ясно по твоей речи. Скорее всего, из галлов или германцев, но уже культурных, городских – видно по прическе. Августа Треверов? Колония Агриппина?

– Почти угадал, друг!

– Ну, это не так уж и сложно. Дальше говорить?

– Пожалуй!

– Ты бывший лит или колон.

– Что?

– Я хотел сказать, беглый. Да расслабься ты, у нас половина таких. А сюда ты явился поступать в войско. Владеешь копьем?

– И копьем, и мечом, и луком.

– О, да такие на вес золота! А что до сих пор не нашел подходящий отряд?

– Не знаю, – Радомир пожал плечами. – Может, просто не хочется так быстро терять свободу? Пока похожу по свету, посмотрю разные страны, а уж как заварушка начнется, успею и мечом помахать. Так ты говоришь, мне можно с вами в деревянный дворец?

– Ну да, я же сразу сказал.

– Пожалуй, пойду – очень уж любопытно взглянуть на Этцеля конунга.

– Да еще насмотришься, коли в войско собрался! – расхохотался флейтист. – Хочешь – идем, но едва ли нас пустят в сам дворец. Скорее всего, будем играть под окнами, на террасе.

– И то хорошо! – ухмыльнулся молодой человек. – Может, хоть в окно удасться одним глазком заглянуть.

– А вот этого не советую, – уже без улыбки предупредил музыкант. – Тут же получишь стрелу в этот самый глазок. Там стража повсюду.

– Да-а... Оно и понятно – правитель все-таки! Тебя как звать-то?

– Вителий.

– А меня – Рад. Слушай, Вителий, а кто у вас старший?

– А у нас нет старшего, друг Рад. Все мы равны, случается и такое.
– Значит, что же, я могу запросто, никого не спросясь, к вам присоединиться?
– Можешь. Ты же, как и мы, человек свободный. По крайней мере, пока.
– И что, стража ничего не спросит?
– Почему мне знать? Кого-то пускают, кого-то нет. Не пустят – пойдем себе дальше, в готский лагерь, там тоже музыку любят.

– Лагерь готов? И он тут поблизости?
– Во-он за той рощицей.
– А какие там готы? Западные или восточные?
– Я что, их различаю? А тебе-то зачем, друг мой Рад?

Впереди за деревьями показался частокол высотой примерно в полтора человеческих роста, окружавший довольно большую территорию, в пару гектар. За ним тоже росли деревья, а где-то в глубине виднелась красная крыша здания.

Судя по всему, дорога из желтого кирпича привела наконец к обиталищу великого и ужасного Гудвина... пардон – Атилы. Вокруг, сколько хватало глаз, были разбиты шатры, ходили туда-сюда воины с мечами и копьями, проносились всадники. Ворота оказались гостеприимно распахнуты настежь, да и зачем запирасть? Все эти вышедшие из лесов готы, гепиды, герулы, тюринги, хамавки, сиграбры, словены и прочие отличались кристальной честностью и не умели воровать. Что и говорить – дикие люди.

Однако стража у ворот все-таки присутствовала.
– Куда?
– Туда! – улыбнулся кто-то из парней.
– А, музыканты! – обрадовался стражник. – Это не вы были в прошлый раз?
– Мы.
– Славно повеселили. Ну, заходите. Куда идти – сами знаете.
– Знаем – на террасу.

Радомир только головой покачал: вот это охрана верховного вождя, конунга, рэкса! Почти что императора, мать ее! Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Им бы Устав гарнизонной и караульной службы вызубрить и неустанно ему следовать, а так... Ужас!

Расположившись на террасе, музыканты принялись терпеливо ждать.

– Сначала мы играем для воинов, – охотно пояснил Вителий, которого Родион про себя прозвал «Пьеро». – Скоро начнем. Ну, а потом, вечером, для самого правителя. Парни, это Рад! – Флейтист наконец-то представил коллегам нового друга, и тот поспешил улыбнуться:

– Сальвете!
– Сальве! – вразнобой отозвались музыканты. – Хочешь странствовать с нами?
– Он хорошо владеет мечом, но не торопится в войско, ибо дорожит свободой!
– Как и все мы. Играешь на чем-нибудь, Рад?
– На скрипучей двери если только.
– Не беда! Научим. Для начала попробуй на бубне – будешь отбивать ритм.
– Попробую.
– Ну, а пока – смотри!

Музыканты очень понравились Родиону – пожалуй, это были первые по-настоящему свободные люди, которых он встретил в этой кровавой эпохе. Словены и готы, знакомые ему ранее, все были подчинены роду и сами себя едва ли рассматривали как отдельную личность. Даже здесь, оторвавшись от своих, Истр и Тузир беспрекословно слушаются Радомира и гуннское начальство, заменившее им прежних старейшин. Значит, и здесь они не свободны по-настоящему.

С симпатией взглянув на музыкантов, молодой человек повернулся в другую сторону, чтобы лучше рассмотреть деревянный дворец Атилы. Сие архитектурное чудо пятого века

напоминало не избу, как следовало ожидать, а скорее дворянскую усадьбу из тех, что так любил изображать знаменитый художник Поленов: «Московский дворик», «Бабушкин сад» и все такое. Колонны, портик, в общем типичный классический стиль, только выполнено все из дерева. Зато как украшено! Можно сказать, отделано с безудержной варварской роскошью. Колонны позолочены, ступеньки высокого крыльца покрыты ворсистым ковром, бревенчатые стены расписаны сказочными зверями и птицами. Окна оказались довольно большими, с пластинами цветного стекла в частых переплетах; на первом этаже створки были распахнуты. Много всего лишнего и при том чего-то не хватает... Чего бы? Молодой человек присмотрелся и хмыкнул: труб не было никаких – ни водосточных, ни печных, что странно искажало до боли знакомый облик здания.

Музыканты дружно заиграли, и Радомир вздрогнул от неожиданности. Но потом ему понравилось: и струнные, и ударные звучали в унисон, жестко так, громко, ярко – «Ария» отдыхает! Били и ухали барабаны, выводила нежную мелодию флейты, а вот полилась и песня – ее завел высоким и чистым голосом Вителий, опустив свой инструмент. Эх, Тужира бы сюда – составили бы недурной дуэт.

Ловкий надул меня плут трактирщик намедни...
В Равенне!
Мне, не разбавив водой, чистого продал...
Вина!⁷

– весело выводил «Пьеро».

– Вина! – хором подхватили знакомое слово воины, собравшиеся во дворе.

Родиону, которому всучили-таки бубен, песня тоже нравилась. Но, слушая, он не забывал внимательно обозревать округу. По двору сновали слуги с котлами и блюдами – видать, тащили с кухни всякие яства. Самому Этцелю? Вряд ли – слишком уж посуда неказистая, обычные деревянные доски да медные котлы. Скорее всего, для прислуги или рабынь...

– Вителий, друг! – едва закончилась песня, крикнул Радомир. – А не сыграть ли нам что-нибудь для прекраснейших дев? Что скажете, славные воины? – Молодой человек обернулся к стражникам. – Услышат ли они нас отсюда?

– Услышат, услышат! Пойте.

При этом вопросе взоры многих воинов обратились налево, где стояла пристройка вроде флигеля – наверное, там и держали рабынь.

Снова приложив к губам флейту, Вителий заиграл что-то грустное, и остальные музыканты подхватили унылый мотив. А Родион же, положив бубен, незаметно уселся среди зрителей. Никто не обращал на него внимания, и он, потихоньку подвигаясь, вскоре очутился уже на самом краю двора. Миг – и вот уже скрылся за вишневыми деревьями, за яблонями и сливами, а там, таясь за колючими кустами терновника, прокрался к бревенчатой стене. Заглянул в маленькое волоковое оконце, но ничего не увидел в темноте и прошептал:

– Хильда! Ты здесь? Отзовись, это я.

Прислушался – никакого ответа! Что ж, бывают в жизни огорчения...

– Эй, есть там хоть кто-нибудь? – попробовал еще раз.

– А тебе кого надо, парень? – донесся изнутри приглушенный девичий голос.

– Хильду. Готскую девушку со светло-золотистыми волосами и глазами, как озерная синь.

– А, понятно. Была здесь такая, но уже нет. Ее готовят.

– Готовят?! К чему?

– К дальней дороге. Эй, парень, не мешай слушать песню, иначе позову стражу.

---

⁷ Марк Валерий Марциал, перевод Ф. Петровского.

- Последний вопрос, умоляю! А куда ее повезут?
- В Равенну, в подарок Аэцию.
- Но Аэций – христианин, ему нельзя принимать в подарок девушек!
- Ты меня утомил! Стража! Эй, стража!

Юноша поспешно ретировался – главное он уже выяснил. Хильду увозят в Равенну? Значит, в ближайшие дни туда же отправится и он, чего бы ему это ни стоило. Можно прямо сегодня не возвращаться в лагерь или в следующий раз, когда «слушатели разведшколы» Хлотаря вновь отправятся в город. Но нужно так исхитриться, чтобы все поверили, будто пропавший словенин погиб в схватке с разбойниками или еще с кем... Только братьям можно сказать правду, да и как обойтись без их помощи? Важно не спешить и все хорошенько обдумать. Равенна так Равенна – это тоже достаточно большой город, там нетрудно затеряться. Да и Рим, можно сказать, под боком, а уж там-то беглецов никто никогда не найдет. Из Рима перебраться в восточную часть империи – в Константинополь, а уж оттуда в родные места... Ну, то есть к родному болоту.

Да, строгой дисциплиной ставка верховного вождя похвастаться не могла. Создавалось впечатление, будто все стражники, бросив посты, ушли к усадьбе слушать музыкантов, а из тех, кто не ушел, одни забавлялись, подкидывая секиру, другие метали ножи в ствол ближайшего дерева, третьи приставали к проходившим служанкам. Только в бревенчатой башне у ворот часовые несли службу четко – беспрестанно оглядывали окрестности и ни на что не отвлекались. Интересно, отчего такая разница? С другой стороны, в пригородном лагере порядок строгий, почти по римскому образцу, а в верховной ставке – полное раздолбайство. Впрочем, у себя дома Атиллы может никого не бояться: враги к деревянному дворцу не прорвутся, зато от кинжала или яда никакие часовые все равно не спасут, даже самые бдительные.

Пройдя через яблоневый сад и свернув к воротам, Радомир заметил знакомых готов. Их трудно было бы не заметить – парни воинственно размахивали мечами и изрыгали гнусные ругательства, самым смачным из которых явно научились у соседей-словен.

Шумели они не просто так, а затеяв ссору с настоящими гуннами, сынами племени хунну – узкоглазыми, черноволосыми и смуглолицыми, которые тащили куда-то целую корзину припасов.

– А я сказал – не позволю! И обо всем немедленно доложу сотнику Арбольду, а уж он вам спуску не даст.

Радомир вздрогнул, узнав этот голос. Неужели?! Среди готов главным был старинный знакомец Эрмольд! Ну, конечно, где ему быть, как не в подобном теплом месте? Он такой – без мыла в задницу влезет.

- Наш брат умрет! – резко возразил один из гуннов. – Ты этого хочешь?
- Не я, а Этцель конунг.
- Что такого сделал наш брат?
- Спрашивайте у властелина!
- Все равно мы хотим передать...
- Нет! Только не в мою стражу.
- Так бы и говорил...

Разочарованно отмахнувшись, гунны ушли: их было всего трое, а готов вместе с Эрмольдом – полдюжины. Радомир хотел посмотреть, куда направится его давний недруг, но помешали гунны. Вели они себя мирно – подошли, поклонились, а один спросил, не знает ли уважаемый господин, то есть Радомир, где сейчас сотник Арбольд. Видно, приняли за кого-то другого.

– Сотник Арбольд? Не знаю, – молодой человек пожал плечами и улыбнулся. – А может, я смогу чем-то помочь? Передать господину сотнику что-нибудь, если встречу?

- Да, если можно.

– Охотно передам! – пообещал Родион, на самом деле желая лишь поскорее отделаться от собеседников. – Что именно? Только прошу, не задерживайте – у меня важные дела!

– Да-да, мы быстро. Наш брат, юный воин, брошен в яму по лживому доносу.

– Вот как? Ой, в яме нехорошо сейчас, холодно, помнится, и я как-то раз сидел... Давно он там? И за что?

– Второй день, – за всех отвечал все тот же гунн, видимо, лучше других знающий латынь. – А за что, не ведаем.

– Это вам необходимо первым делом выяснить.

– Но мы пасем табуны и здесь бываем редко. Может, ты что-то узнаешь для нас? Мы бы отблагодарили, не сомневайся.

– Хорошо, хорошо, – согласился Радомир. – Сделаю, что смогу. Как зовут вашего брата, который в яме?

– Его зовут Миусс, господин.

Парня нужно вызволять! Гунн Миусс – друг, выручивший в минуту смертельной опасности, один из немногих людей, на которых Родион мог положиться. Но сперва надо разобраться, что и как. Где тут земляная яма? И как там вообще можно сидеть ранней весной – днем-то уже тепло, однако ночью пар изо рта идет. Нельзя там выжить, можно только загнуться и сдохнуть!

Узилище молодой человек обнаружил быстро: пошел за слугами, что несли по двору котелок с похлебкой. Только это оказалась не яма, а целый каземат: сооружение из серых валунов, с дубовой дверью, окованной металлическими полосами и запиравшейся снаружи на толстый засов. Охранял узника часовой – чрезвычайно гордый порученным делом юноша с коротким копьём и скрамасаксом у пояса.

Причем охранник был не единственным: еще один стоял поблизости, третий – за углом, у ограды. Грамотно расставлены: нападешь на одного, остальные сразу же заметят. Придется вспомнить науку лектора, пожелавшего остаться неизвестным: прикинуться кем-нибудь из начальства. Для этого нужен красивый дорогой плащ, который можно раздобыть у тех раззяв, что внимают сейчас музыкантам.

Приняв решение, Радомир тотчас же вернулся и встал у вишен с самым деловым видом. Присмотрелся: разношерстная публика сидела прямо на свежей травке, слушала песни, время от времени подпевая нестройным хором:

– Эх-ха! Эх-ха! Аой!

Довольные все! Что же плащ-то никто не скинет, жарко же? Солнышко печет, плечи пригревает... Ага... вот они, плащи, повешены на тонкую липу.

Молодой человек подошел ближе и разочарованно вздохнул: в таких плащах только коров пасти, и то где-нибудь от людей подальше. Срамота! Когда-то выкрашенные черникой, крапивой, дроком в приятные для глаза цвета – тускло-синий, зеленовато-серый, желтый – под дождями и ветрами ткани выпцвели до грязно-серых и блекло-желтоватых и не имели уже никакого вида. Нет, в таком паршивом плащике «дежурным по роте» или каким-нибудь порученцем не притвориться. Как бы самого в каземат не засунули. Другой надо искать, побогаче, поизысканнее.

Вот такой, например! Взгляд юноши остановился на фигуре рослого германца, с группой товарищей сидевшего в тени. Вот это плащ, в таком хоть к самому Аттиле на прием! Яркий, расшитый золотом, да еще и заколотый изящной фибулой со сложным узором, где в контуры, выложенные тонкой золотой проволокой, залита изумрудная, небесно-голубая, желтая эмаль. Варвары умели делать такие вещи не хуже римлян – на солнце сияет, аж глазам больно. Любой дурак поймет: в таком роскошном плаще может ходить только большой человек, облеченный высшей властью!

Одно плохо: владелец плаща со своим сокровищем не расставался, несмотря на жару. Выманить бы его из тени на солнышко, да как? Германцам, похоже, и под вишнями неплохо. Музыканты играют, песни поют...

Дождавшись конца очередного номера, Родион шепнул что-то солисту. Вителий выслушал, усмехнулся и объявил:

– Публий Овидий Назон, «Искусство любви». Исполняется по желанию уважаемой публики, – на языке готов добавил он.

И начал: декламировал на латыни, тут же переводил. Сидевшие на траве германцы заинтересованно придвинулись поближе, а Родион, прислушавшись, удивленно хмыкнул: ну, Вителий, ну и артист! Просили-то его «поинтереснее что-нибудь про любовь и женщин»!

Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой...⁸

А слушатели-то как заинтересовались! Во все времена люди одинаковы: хлебом не корми, дай чего-нибудь такого...

Тысяча есть у Венеры забав; но легче и проще,
Выгнувшись, полулежать телом на правом боку...

– Как-как ты сказал, парень? – уже уточнил кто-то. – На правом?

Постепенно слушатели покинули свои удобные места на траве, окружили музыкантов плотным кольцом, внимали со всем тщанием, перемигивались, ухмылялись похотливо – надо же, какие у этих римлян песни-то есть! Аой! Были бы грамотны – наверняка записывали бы, чтоб не забыть. Видать, нужное народу произведение создал Публий Овидий Назон, эдакий учебник сексологии в стихах.

Пусть не смолкают ни сладостный стон,
Ни ласкающий ропот...

И этот, в алом плаще, тоже был здесь, у помоста. Уловка сработала – даже часовые, отвлеклись от службы и наострили уши.

А Вителий – ну, молодец! – сладострастно улыбался, переходил на интимный полусшепот, словно делился тайной, как мужчина с женщиной:

– У наслажденья есть тайных немало примет...

Родиону вспомнилось, как во время его службы в армии приехала развлекать солдат какая-то девичья поп-группа: даже тех девчонок не так слушали, как теперь внимали Вителию суровые воины Аттилы!

И вот длинный германец наконец-то скинул свой плащ – видать, разгорячился, – бросил в траву. А Радомир кинулся на добычу словно коршун – ухватил, свернул, сунул под мышку и метнулся в сторону. Только отойдя шагов на двадцать, как ни в чем не бывало набросил на плечи. А никто и не обернулся даже. Вот она, волшебная сила искусства! Расправив плечи,

---

⁸ Овидий, «Искусство любви», пер. М. Гаспарова. Публий Овидий Назон (20 марта 43 года до нашей эры, Сульмо – 17 или 18 год нашей эры, Томис) – древнеримский поэт, прославившийся любовными элегиями и двумя поэмами – «Метаморфозами» и «Искусством любви». Из-за несоответствия пропагандируемых им идеалов любви официальной политике императора Августа в отношении семьи и брака был сослан из Рима в западное Причерноморье. (Прим. ред.)

молодой человек напустил на себя важный вид – ни дать ни взять какая-нибудь чиновная харя на лимузине с мигалкою, а ну-ка, р-расступись, быдло!

С самым важным видом проследовав к узилищу, Радомир щелкнул пальцами и заорал:

– Эй, кто тут есть?

– Да, господин! – Подскочив, часовой с копьем склонил голову. – Что угодно?

– Командира своего позови, – сквозь зубы приказал Родион. – Да побыстрее шевелись, некогда мне тут!

– Сейчас, сейчас. – Юный воин торопливо приложил ладони ко рту и позвал: – Вильфрид! Вильфрид! Десятник!

Появившийся на зов усатый толстяк с мечом на украшенной серебром перевязи поначалу шествовал лениво, грозно нахмурившись – мол, оторвали от важного дела... Однако, заметив богатый плащ, враз переменялся – подтянулся, прибавил шаг.

– Звали, господин? Что случилось?

– Здесь у вас сидит гунн по имени Миусс?

– Сидит, господин.

– Давай его сюда, сам херцог требует.

– Да, господин! – Десятник кивнул подчиненному: – Приведи! Мы можем сами доставить заключенного к херцогу, – добавил он, вновь обратив почтительный взгляд на Радомира. – Только скажи, господин, к какому именно?

– Заключенного требует херцог Варимберт. И немедленно, так что я должен доставить его сам.

– А, вон оно что! Видать, серьезное дело.

Дожидаясь, пока Миусса приведут, Радомир с притворно скучающим видом посматривал по сторонам. До чего же просто все получились! А всего-то – богатый плащ надел да начальственное лицо сделал. Ни документов не спрашивают, ничего... Что если попробовать и к Хильде так пройти? Но это же во дворец надо, а там подобный номер едва ли пройдет – здешние вельможи все друг друга знают...

– Вильфрид, ты почему здесь? – вдруг раздался рядом надменный голос.

– Это я вызвал! – Радомир обернулся, быстро соорудив недовольную физиономию.

– Понял, господин!

Подошедший в это время молодой германец низко поклонился, потом выпрямился, поднял глаза... И Родион узнал Эрмольда.

Нечего говорить, что и гот немедленно его узнал. И выхватил меч.

– Сюда! Все сюда! Хватайте лазутчика!

– Но, господин... – Десятник пришел в изумление.

– Разуй глаза, Вильфрид, на нем же плащ сотника Арбольда! Не узнал?

– И правда! – сообразил десятник. – Арбольда!

– Он еще и вор! Что же ты стоишь, Вильфрид?

Итак, двое с мечами, еще трое бегут на подмогу. А он, Радомир, один и без оружия. Что же остается? Играть ретираду, как говорили в более поздние, но не менее романтические времена.

– Лови! – Бросив плащ прямо на выставленные мечи, молодой человек со всех ног рванулся к воротам.

Почему Эрмольд вдруг назвал его лазутчиком? А черт знает! Может, хотел напакостить, не рассказывая никому истинную историю их взаимоотношений. Ну, Эрмольд, сволочь готская! Не по его ли навету заключен в узилище Миусс? Он ведь подлецу тогда ладонь прострелил.

На бегу Родион оглянулся – брошенный плащ задержал врагов ненадолго, и они настигали. Куда дальше? Носиться наперегонки возле самых ворот опасно, здесь слишком много

стражи. А погоня все ближе – стражники размахивают мечами, потрясают копьями, орут: держите его, держите! Вот уже дозорные у ворот заинтересовались, обернулись. Господи, что же делать-то?

Понимая, что надо остановиться, Родион тем не менее не хотел попасть в руки преследователей. Была бы толпа, чтобы в ней затеряться... Где ее взять?

Осененный новой мыслью, Родион, не замедляя хода, рванул прямо на воротную стражу; выпучил глаза, заорал вовсе горло:

– Пожар! Пожар! Горим, братцы!

– Что такое? Где пожар? – Опустив копья, стражники встревожились, начали озираться.

Шедшие по своим делам слуги собрались у ворот, подъехали ближе какие-то всадники.

– Что, что такое?

– Говорят – пожар!

– Пожар? А где горит-то?

– Где-то у дворца...

– А не дворец ли?

– Дворец и горит – он же деревянный!

– Скорее бежим, скорее!

Напрасно подоспевший Эрмольд вертел головой и кричал про лазутчика, напрасно пытался отыскать беглеца среди поднявшейся суматохи – никто его даже не слышал.

– Бежим ко дворцу, воины! – гомонили со всех сторон.

– Ведра, ведра тащите! Бадьи!

– Воды давайте!

– Добро выносить!

Все кругом суетились, бегали, кричали. Но расслабляться было рано: Эрмольд, не слушая криков о пожаре, продолжал выискивать в толпе Радомира. Хитрая сволочь, предусмотрительная и мстительная, его так просто не одурачишь. Что же теперь делать – бежать вместе со всеми к дворцу? А когда станет ясно, что никакого пожара нет?

– Эй, парень! – Какой-то всадник осадил коня прямо перед юношей. – Прыгай сзади, и едем.

Радомир живенько взобрался на круп гнедого конька, покрепче ухватился за сидевшего в седле парня:

– Едем? Куда?

– Куда-нибудь подальше отсюда! – обернувшись, расхохотался всадник.

Глава 19

Зима – весна 451 года. Паннония

Аттила

На память Родион не жаловался, стихи или иностранные слова всегда запоминал хорошо. Однако она штука хитрая и живет по своим собственным законам: иной раз всплывет что-то из далекого прошлого, да настолько отчетливо, будто вчера было, а какую-нибудь нужную мелочь никак не вспомнишь, хоть головой о стену бейся. Вот и сейчас Радомир никак не мог сообразить, где видел этого парня с длинными светлыми волосами и смуглым обветренным лицом. Никаких ярких примет, парень как парень – в лагере гуннов таких легионы! Светлые глаза, как почти у всех словен и германцев, по виду лет шестнадцать, одет в короткую шерстяную рубаху, узкие штаны, кожаные башмаки с оплеткой до колен, как носят франки. Бурый выцветший плащ, крашенный дубовой корой, – в общем, ничего особенного.

Вот только сам парень, похоже, неплохо знал Радомира, а следовательно, тоже числился в отряде старого сигамбра.

– А мы ведь выбрались, Рад! – оборачиваясь на скаку, со смехом кричал он. – Выбрались!

– Да вижу, что выбрались. Тебя как звать-то?

– Ого! – Парень, похоже, обиделся. – Ты что же, не помнишь?

– Не помню, – честно признался молодой человек. – У меня на лица вообще память не очень.

– Да что ты говоришь? – изумленный всадник обернулся. – Тебя что, в детстве по голове били?

Ну, конечно, в прежние времена люди, не имея фотоаппаратов и даже простой привычки что-то записывать, взамен получали удивительно, по нашим меркам, развитые наблюдательность и память, как слуховую, так и зрительную. Человека, один раз увиденного издалека, могли описать во всех деталях и запоминали навсегда. Родион замечал это за Истром, Тужиром, Хильдой, не говоря уж о таких зубрах, как Хлотарь, но сам, хоть среди ровесников-туристов считался парнем внимательным, здешним знакомым постоянно проигрывал. По части владения оружием-то он неплохо подтянулся, да и физически был крупнее и в драке мог рассчитывать на успех, но вот по части памяти уступал – не хватало выработанной с детства привычки.

И здесь то же самое: всадник Родиона сразу узнал, а Родион его – нет.

– Меня зовут Витланк сын Даговульфа.

– Ты франк?

– Да. Римляне еще называют нас салиями, но мы не из тех косматых дикарей, которые считают, что вся судьба и удача заключены в волосах и потому не стригутся, пока сами не облысеют!

Родион усмехнулся: ну да, не дикари, вполне цивилизованные культурные люди. По всему видно...

– Ты чего смеешься-то? – снова обернулся Витланк. – На самом деле смеяться должен не ты, а я и мой напарник Гилдуин.

– А-а-а! – Молодой человек наконец догадался. – Так это вам досталось следить за мной и Истром.

– Точно так! – с торжеством подтвердил довольный Витланк.

– Бабка за дедкой, внучка за бабкой...

– Какая еще бабка?

– Это у нас пословица такая. Не бери в голову, скажи-ка лучше, откуда у тебя лошадь? Увел?

– Увел! – без малейшего раскаяния ухмыльнулся юный франк. – Совершил кражу. Увы мне, увы!

– Там, во дворе? Ничего, у тебя же не было корыстной цели. Скажем, что мы бежали от пожара, и это была не кража, а... необходимая самооборона. Мы же лошадь вернем? Или ты собираешься ее продать?

– Как же я ее продам? – Витланк расхохотался. – Сбрую с нее разве что, а лошадь-то клейменная, кто ее купит? Ближе к городу надо будет от кобылы избавиться – больно уж приметная. Левое ухо, видишь, белое. Если только грязью замазать...

– А стоит возиться?

– Может, и не стоит. Скоро война – и лошадей себе добудем, и все что угодно. Верно, Радомир?

– Конечно, добудем, друже!

Подступающий вечер разрисовал мир вокруг густыми красками: оранжево-желтое солнце висело над самым лесом, река сверкала узкой серебряной лентой между буровато-зелеными холмами, уходя в глубину густо-сиреневых горных отрогов, уже подернутых голубоватой сумеречной дымкой. От росших вдоль дороги деревьев, от каменных идолов, во времена седой старины поставленных здесь неведомым народом, протянулись длинные черные тени.

Погони не было – даже если Эрмольд сумел ее организовать, беглецы, запутывая следы, подъехали к Виндобоне совсем с другой стороны. Избавившись от лошади, с полмили шли пешком, болтали по пути. Витланк рассказывал о себе, о своем народе – западных франках, о галлах, вернее, римлянах галльского происхождения, ибо от некогда грозных кельтских племен – эдуев, секвонов, паризиев – остались одни названия, а сами они уже много веков как забыли родной язык и говорили на «вульгарной латыни».

– Могучие галлы разленились, изнежились и превратились в римлян, – рассказывал новый знакомец. – Это уже не те люди, о которых когда-то писал Цезарь.

– Ты читал Цезаря? – не поверил Радомир.

– Как я могу читать – я же не монах и не римский вельможа, кто меня научит грамоте? – рассмеялся Витланк. – Но я много о нем слышал – и здесь, в лагере, и раньше.

– Ты знаешь о монахах? Ты христианин?

– Да. Среди нас много христиан.

– Вы все арианцы?

– Ну конечно. Только настоящие урожденные римляне во всем слушаются своего Папу!

Без всяких приключений войдя в город, путники зашагали по центральной улице. Оранжевые лучи заходящего солнца освещали крытые красной черепицей крыши, отражались в цветных стеклах базилик, еще больше оттеняя черноту за колоннами портиков. К вечеру похолодало, но людей на улицах почти не убавилось.

– Тебе нравится здесь? – неожиданно спросил франк.

– Да, – признался Родион. – А почему ты спрашиваешь?

– Мне тоже нравится. И еще многим нашим, даже почти всем. Именно ради этого Аларих конунг когда-то ходил на Рим!

– Да уж, – Родион усмехнулся. – Все ненавидят римлян и при этом хотят жить, как они.

Если подумать, то за тысячи лет мир не сильно изменился. В России, например, люди в провинциальных городах ненавидят жителей Москвы и Петербурга – и хотят жить, как они. А граждане Молдовы или там, Средней Азии, хотят жить, как россияне. Так и здесь: варвары ненавидят Рим и при этом неудержимо тянутся к нему, если не к культуре его, то хотя бы к комфорту и роскоши. И вот уже скрипят колеса повозок – идет «переселение народов». Изнеженные, развращенные щедрыми государственными подачками, обленившиеся до безобразия

римские граждане, даже последние бедняки, не хотят работать, зато варвары готовы взяться за любой труд. Римляне не хотят служить в армии? Зато этого очень хотят галлы и германцы. И вот уже не только рядовой состав, но и командование – сплошь готы, вандалы, аланы, франки. Кто такой Флавий Аэций, великий полководец, затмивший своей славой бесцветного и завистливого подонка – императора Валентиниана? Наполовину варвар и при этом яркий представитель «новых римлян», способных защитить некогда великую империю от бед, в том числе от своих же бывших собратьев. От всех этих «гуннов», которые хотели не столько разрушать, сколько просто жить как люди, то есть как римляне. За этим же едут в Россию гастарбайтеры... и кто будут «новые русские гунны»?

– О чем задумался, друг?

– А? – Радомир встрепнулся. – Да так, о жизни. Думаю, как хорошо, что язык франков похож на готский, иначе как бы мы с тобой друг друга понимали? Ты знаешь латынь?

– Понимаю, но сам говорю плохо.

– Хлотарь – твой земляк?

– Земляк, да. Но не родич.

– А херцога Варимберта ты хорошо знаешь?

– Я не настолько знатен, чтобы с ним запросто общаться, но видел, конечно, много раз. Хлотарь с ним довольно близок. А что?

– Хочу попросить херцога за своего друга, гунна. Он сидит в узилище, но я уверен, что его оклеветали. И даже знаю кто.

– Это все римские подлые обычаи – клевета, доносы! – с неожиданной злостью произнес Витланк. – Не все так хорошо у римлян, наши законы куда лучше и справедливее! Ну, вот как можно бросить человека в узилище по одному доносу, без суда, без свидетелей, поручителей? По-твоему, это справедливо?

– Нет, конечно. Но меня другое сейчас больше волнует: как парня вызволить? Жаль, Хлотарь не зачислил его в наш отряд, Миусс прирожденный разведчик. Может, попросить, чтобы Хлотарь помог выручить и взял к себе? Он там пригодится.

– Ты говоришь, твой друг – настоящий гунн?

– Да, по лицу даже видно.

– Тогда он не знает Галлии, а мы ведь пойдем именно туда. А там от него не будет толку, да и на местных он не похож – только выдаст себя и других да погубит все дело.

– Он может пригодиться в другом. Из лука бьет лучше всех на свете! Сегодня же вечером поговорю о нем с Хлотарем! – убежденно заявил Родион и спросил, помолчав: – Ты не знаешь, что это за город – Равенна?

– Кто же не знает? – Витланк усмехнулся. – Равенна – столица империи! Рим или Медиолан, конечно, и больше, и красивее, но так уж случилось.

– А ты бывал там, в этой Равенне?

– Нет. А тебе-то зачем?

Радомир неожиданно расхохотался:

– Знаешь, дружище Витланк, ты чем-то напоминаешь мне моего брата Тужира – такой же любопытный.

– Любопытство – не порок, поскольку идет на пользу! Так зачем тебе Равенна?

– Так... Может быть, придется там побывать.

– Уж точно побываем, дружище! – смеясь, заверил юный франк. – С мечом и секирой в руках! Но только, думаю, не так скоро. Сначала Галлия, а уж потом Равенна.

Толпы на улицах постепенно редели – торговцы и покупатели с опустевшего рынка переместились в ближайшие таверны, но и те закрывались с наступлением темноты. Стражники громко предлагали всем желающим немедленно покинуть город, ибо ворота скоро будут заперты.

– А вот и твой дружок, – Витлан первым заметил Истра, скучавшего за одним из столиков, расставленных позади старого платана.

– Как жизнь, брат? – подойдя ближе, усмехнулся Родион. – Я смотрю, ты неплохо проводишь время.

– А я тебя давно заметил. – Истр поднялся, ничуть не удивленный. – Только не хотел подходить при...

– Его зовут Витланк.

– Это он за нами следил?

– С напарником.

– Эх, брате, брате, – Истр покачал головой. – И как же ты попался-то?

– Это не я ему, а он мне попался, и то к счастью, – Радомир усмехнулся. – А то и не знаю, как ушел бы от Эрмольда и его шайки.

– Ты видел Эрмольда? – встрепнулся парнишка.

– Потом расскажу. Как наши дела? Где Оглобля и Родинка?

– А вон, у ворот переминаются, – Истр махнул рукой. – Они ближе к вечеру опять вместе сошлись, так я обоих и накрыл. Только все думал: и где это носит моего славного братца-тессария?

– Ну, ладно, ладно, – Радомир приобнял парня за плечи. – Извини, брат.

Как и было велено, в сумерках они вернулись в лагерь, прошли мимо горящих костров, перебрасываясь шутками со своими. Хлотарь, ухмылявшийся в седые усы, встречал молодежь у шатра и внимательно выслушивал отчет каждой пары. Чуть позади в тени держался тот самый лектор, иногда задавая вопросы.

– Судя по прическам и туникам, вы прикинулись местными? – Увидев Истра и Родиона, он даже улыбнулся. – Молодцы! Не сказать, что маскировка безупречная, но уже видно желание думать головой.

– *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*, иначе говоря, пусть не хватает сил, однако само желание заслуживает похвалы, – донесся из-за палатки знакомый голос, и все разом обернулись. – Приветствую вас, воины, – весело произнес Варимберт, остановившись у костра. – Сальве!

Тужир и еще парочка оставленных в лагере дежурных не теряли времени, и усталые воины уже всю подкреплялись горячей похлебкой из чечевицы, лепешками, жаренным на углях мясом. Хотелось, конечно, и вина, однако в пределах лагеря оно было под запретом.

– Так и быть, сегодня ночью можете пойти к маркитантам, – переглянувшись с Хлотарем, херцог махнул рукой. – Только смотрите, не подцепите нехорошей болезни от веселых девок и не слишком там засиживайтесь.

Слова командира были немедленно приняты к исполнению, и лагерь опустел в минуту. У костра остались лишь несколько человек, в том числе Радомир.

– Господин, – обратился он к Варимберту, – я хотел бы поговорить с тобою и со славным Хлотарем.

– Говори, – Варимберт поощрительно махнул рукой.

– Речь идет о гунне по имени Миусс, знаменитом лучнике. Вот бы его к нам!

– Гунн хорош для степей, – усевшись у костра, заметил херцог. – Но не для лесов и городов Галлии. В набеге он может принести немало пользы, но в разведке – едва ли. А почему тебя это заботит?

– Миусс – мой друг, и он попал в беду. Его оклеветали.

– Это бывает. И ты хочешь выручить своего дружка?

– Конечно, хочу! А как же? Он очень, очень хороший лучник.

– Знаю, – Варимберт протянул руки к огню. – И его вражда с Эрмольдом для меня тайной не является.

– «Разделяй и властвуй» – так, мой вождь? – усмехнулся Радомир.

– Есть еще одна пословица, подходящая к данному случаю: «Duobus certantibus tertius gaudet» – «Двое дерутся, третий радуется». А Эрмольд молодец – нанес удар первым, – одобрил херцог, зябко потирая ладони. – И что станет делать Миусс, когда выйдет на свободу?

– Мой вождь, ты и в самом деле собираешься... – обрадовался Родион.

– Да. Завтра велю освободить гунна. Явить милость, – цинично пояснил Варимберт. – Но ты будешь у меня в долгу.

– Я и так готов сделать для тебя все!

– Не сомневаюсь, – херцог неопределенно хмыкнул. – Очень может быть, что скоро тебе представится случай доказать свою преданность. А пока иди, развлекайся!

Радомир, пожалуй, предпочел бы остаться в палатке и отдохнуть, но не следовало пренебрегать советом херцога, больше похожим на приказ, да и выглядело бы это странно: какой же молодой воин откажется посетить веселых девиц? Сейчас следует вести себя примерно, дабы ничто не помешало зреющему плану бегства в Равенну, за Хильдой.

В лагере было спокойно и тихо, и таким же тихим казался город, расположенный недалеко, милях в пяти. Зато на большой поляне между ними сверкали огни костров, звучал смех и бурлило веселье! Повсюду сидели люди, пили вино, что-то продавали, покупали, обменивали, пели песни, дрались. Поставленные в круг кибитки совмещали в себе торговые ряды и публичный дом на колесах; слышались визг и крики девиц, перекрываемые раскатами мужского хохота.

– Жалко, Тужир с нами не пошел, – промолвил Истр. – Узнает, где мы были, обзавидуется.

– Ничего, в другой раз и он с нами пойдет.

– Да молод он еще по гулящим девкам ходить, – Истр прищурился и сплюнул.

«Будто ты сам очень взрослый!» – хотел сказать Радомир, но смолчал, не желая обижать брата.

– Что? – тот все же увидел, как переменялось его лицо.

– Да я подумал, на какие средства гулять-то будем? На те крохи, что остались от продажи плащей?

– О-о-о, братец, – тихо рассмеялся Истр. – Я наши рубахи новые прихватил, – он двинул плечом, на котором висел мешок. – Без средств не останемся, не бойся.

– Рубахи эти... – Радомир презрительно отмахнулся. – Сомневаюсь, чтобы на них здесь хоть кто-то позарился.

– Ой, не скажи, брат! Все на свете имеет свою цену. К девкам вместе пойдем?

– Нет уж, – Родион закашлялся. – Давай-ка лучше порознь.

– Тогда вот твоя рубаха, – Истр живо скинул мешок с плеча. – Тут сегодня только наши парни, и за вино Варимберт уже заплатил.

– Варимберт заплатил за нас? – воскликнул Радомир, удивленный и обрадованный этой новостью. – Тогда давай веселиться, чего застыли?

– Так я давно тебе говорю, братец. Идем!

Кувшины с вином стояли прямо на траве у костра; содержимое их время от времени выливалось в огромный котел, а уж оттуда каждый черпал кружкой сколько хотел. Кружками распорядился один из маркитантов, скупщиков добычи, – высокий чернобородый мужчина с длинными загребушими руками и вислым носом, похожим на переспелую грушу. Ловко опрокидывая в котел очередной кувшин, он протягивал вновь прибывшим объемистые деревянные кружки и орал:

– Сальвете, славные воины! А вот, отведайте-ка отличного винца!

Сделав глоток, Радомир поперхнулся – гнусная кислятина явно отдавала уксусом.

– Ну и вино! – плевался рядом Истр. – Вот это гадость! А что, получше ничего нету?

– Получше – вон у того костерка, – словно ни в чем не бывало, показал чернобородый. – Ищите, друзья мои, и обрящете!

– Спекулянты хреновы, – ругался по пути Радомир. – Избавились от самого дрянного вина. Любопытно, сколько Варимберт за него заплатил?

– Едва ли очень много.

– Да эту кислятину вообще вылить пришлось бы, никто за нее гроша ломаного не даст. Хоть и говорят, что на халяву и уксус сладкий, да не похоже.

– Ну, пойдем посмотрим, что в других местах наливают, братец, – примирительно предложил Истр.

У дальнего костерка ошивалось немало народу, в большинстве уже сильно пьяного; многие были полураздеты, что и понятно: за питье и девочек расплачивались одеждой, застежками, всем, что нашлось при себе.

– А прав ты, брат! – уважительно заметил Родион. – За наши рубахи мы здесь много чего получим.

– Желаете девочек? – Словно поджидавший добычу паук, навстречу выскочил маркитант – небольшого росточка, лысый и чрезвычайно подвижный. Маленькие пухлые ручонки теребили засаленный подол туники.

– Девочек? А для начала налей-ка вина.

– Чем будете расплачиваться, уважаемые? – Маркитант излучал любезность.

– Вот! – Братья без лишних слов протянули рубахи.

– На рынке за них не дали бы и дюжины денариев, господа, – моментально оценил торговец. – Но чтобы здесь поразвлечься, этого хватит. Вот ваше вино... Выпьете – провожу к девочкам.

Подойдя к костру, Истр с Радомиром уселись на большое бревно. Предложенный толстяком напиток действительно оказался куда лучше предыдущего, а вокруг шла оживленная беседа: воины пели, спорили, рассказывали байки.

– А я вытаскиваю секиру и... А он – на меня... А я...

Разговоры пьяных германцев напомнили Родиону его товарищей-подростков из двадцать первого века; варвары не знали слова «прикольно», но если бы знали, оно бы им подошло. Несколько раз мгновенно вспыхивала драка по непонятной причине, так же быстро утихавшая, появились «девочки» – морщинистые беззубые гарпии, за которых никто не дал бы и клочка от старой туники. Впрочем, и у этих испитых сирен не было отбоя от кавалеров, которые охотно били друг другу морду в борьбе за обладание их потасканными прелестями.

– Осмелюсь предложить, – негромко прошептал подошедший сзади купчишка. – За вторую тунику... кое-что получше этих.

– Не такое безобразное, хочешь сказать?

– А я лучше выпил бы еще вина, – обернулся Истр. – Налей-ка.

– О, как вам будет угодно.

Принесли еще вина, к нему в качестве бонуса жареного мяса. От костра летели искры, морщинистые костлявые «девочки» лениво танцевали вокруг, кого-то из них уже раздевали, кидая одежду чуть ли не в костер, кто-то визжал словно резаная свинья, а кто-то, наоборот, ржал как лошадь. Кто-то бегал, кого-то ловили, а сверху на все это непотребство равнодушно взирали звезды.

Пробегая мимо, одна из девок вдруг уселась Радомиру на колени, обняла, потянувшись будто поцеловать и при этом прошептала:

– Пожалуйста... прошу... помоги.

– Помочь? – удивился юноша.

– Да... если не трудно. Клянусь, сделаю для тебя все! Они... они хотят купить меня складчину, сразу на пятерых... я не хочу этого, господин, это больно.

– А от меня ты чего хочешь?

– Пойдем со мной.

– Вижу, вы уже сговорились? – Маркитант, исполнявший заодно должность сутенера, потирал пухлые руки. – Прекрасный выбор, господин, красивая молодая девушка, и стоит в точности как твоя туника. Только не на всю ночь. Берешь?

– Беру! – Родион махнул рукой.

Стало вдруг жалко эту беспутную девку, которую здесь в любом случае ничего хорошего не ждало. И рубаха перекочевала в жадные лапы торговца.

– Идем. Во-он та кибитка, это недалеко.

– Э, вы куда? – оглянувшись, завистливо ухмыльнулся Истр. – Я тоже хочу девку!

– Ничего, парень! – Рядом уселся Витланк, а с ним Оглобля и Родинка. – Достанется и нам, не сейчас, так позже. А пока насладимся хорошим вином! Радомир, дружище, я все-таки продал сбрую. Эй, эй, что же ты нас покидаешь?

– Я ненадолго. Веселитесь пока без меня, парни!

Кругом хохотали, бранились, прямо у костра любили доступных девиц, задравших подолы, тут же и ели, пили и орали песни. Те самые германцы, добродетелью которых когда-то восхищался Цезарь, предавались буйному варварскому веселью. Дети родового строя, среди своих они соблюдали нравственные законы, но, вырвавшись из плена обычаев и морали предков, выпускали наружу все темное и порочное, что таилось в душах. Здесь, где каждый был сам по себе, ничто не сдерживало их животную жажду удовольствий – ни приличия, ни стыд, ни совесть. Право сильного – единственное, что они выиграли, уйдя из-под защиты собственного рода.

Но вот пьяные выкрики и пламя костров остались позади, а жрица продажной любви все тянула юношу за собой:

– Сейчас, еще немного, уже почти пришли.

– Этак мы и до города добредем, – хмыкнул Радомир. – Тебя как звать-то?

– Маргона.

– Ты что, не местная?

Разговаривали они, кстати, по-латыни.

– Из Медиолана. Родители были земледельцами, но случился неурожай, и меня отдали за долги прислугой в богатый дом. А там изнасиловали в первый же день: сначала сам хозяин, потом его сыновья, затем слуги. Я пожила немного и сбежала. Торговец Манлий предложил работу.

– Вот эту?

– Вот эту. Не хуже и не лучше любой другой. Мы пришли, вот наша кибитка.

Галантно пропустив даму вперед, Радомир оглянулся, придерживая полог: вдали плясали оранжевые отблески костров, а в темно-синем небе, над вершинами черного леса, мертвенно мерцали звезды.

– Ну? – В темных глазах девушки блеснул отсвет луны, узкий, как кинжал наемного убийцы. – Залезай же! Здесь тепло.

В кибитке и правда было теплее, чем снаружи; когда жаркое пламя костров осталось позади, парень, оставшийся без новой туники, сразу ощутил прохладу весенней ночи. Родион осторожно забрался в кибитку. Полог упал, сразу сделалось темно, но тут же Маргона зажгла светильник – плоску смешанного с благовониями жира, в котором плавал длинный фитиль.

– Пей! – Поставив светильник на полочку, девушка обернулась и протянула гостью глиняную чашу. – Это хорошее вино, намного лучше того, что тебе там предлагали.

Молодой человек сделал глоток – вино и в самом деле оказалось прекрасным. Возвращая чашу, он пристально взглянул на Маргону. На поляне, при дрожащем свете костров, Радомир и не смог как следует ее рассмотреть, но теперь отметил большие глаза, чувственные губы, милый овал лица, прямую линию носа. Скулы, пожалуй, чуть-чуть выпирали, но это, возможно, от худобы. А как хороши были ее волосы – темно-рыжие или каштановые, теплые, мягкие, пахнущие дымом костра.

– А ты красивая, Маргона, – опустившись рядом с девушкой на колени, тихо произнес Родион.

– Я тощая, – она засмеялась, – а красивая девушка должна быть поплотнее.

– Для кого как, мне худенькие нравятся. Что ты делаешь?

– Раздеваю тебя, господин мой... Ложись, вот сюда, на овчину. Чувствуешь, как здесь тепло? Это потому что есть жаровня с углями, вон за той кошмой. Сейчас будет совсем хорошо – ведь мое тело такое же горячее, как и жаровня... Потрогай!

Одним движением девчонка стянула длинное шерстяное платье и, нагая, прильнула к юноше, глядя его грудь:

– О мой господин, обними же меня, прижми к себе... и делай все, что захочешь! Хочешь, я погашу светильник?

– Нет-нет... ты красивая.

– И все же я стесняюсь своего тела... Слишком худа.

– Напрасно. Ты... я уже говорил... Ох...

Теплая кожа девушки казалась нежнее шелка, стройные бедра были вовсе не так уж худы, правда, лопатки явственно прощупывались, и косточки на позвоночнике можно было легко пересчитать.

Ах, как девушка выгнулась, когда молодой человек погладил ее по копчику, провел руками по бедрам, осторожно уложив на спину, поласкал языком темную ямочку пупка, такую манящую, нежную... А как восхитительна была грудь! Боже, боже, неужели есть в целом мире еще такое же наслаждение, чем нежно и страстно овладеть женщиной, этой вот юной девой с темными глазами львицы? Сколь приятно провести ладонями по ее коже, погладить, поласкать грудь, прижать к себе... сильнее, сильнее... сильнее... И услышать стон, сначала едва различимый, а потом все громче. Кричи, девочка, кричи! Наслаждайся!

– О, мой господин... О, мой... О...

– И не называй меня «мой господин», ладно?

– Ладно. А ты не уйдешь сразу?

– Нет. Мне приятно лежать с тобой.

– И мне... Ты такой нежный! Меня никто еще так не ласкал, никогда... Все просто брали и пользовались, когда им было нужно, грубо и зло. И ты тоже пользуйся... Да, да, возьми же меня еще! Когда захочешь...

Зеленовато-желтое пламя светильника выхватывало из темноты трепетное юное тело, отражалось в темных глазах с пушистыми подрагивающими ресницами. Маргона... Веселая маркитантская девица для плотских утех и не более. Сегодня с одним, завтра с другим, послезавтра с третьим. Сколько ей сейчас – шестнадцать, двадцать? Но через год уже будет тридцать, через два – все сорок. А еще через пять-шесть лет ее ждет смерть, если раньше не прибьют в какой-нибудь пьяной драке. Эх, девица-красавица...

– Маргона, позволь спросить?

– Спрашивай... Но сначала я спрошу, ладно? Я любопытна, как и все девушки. Люблю поболтать.

– Что ж, давай поболтаем.

– Обними меня, мой го...

– Я же просил тебя не называть меня господином!

– Крепче! Так... теперь скажи: здесь есть что-то такое, что звало бы тебя вернуться, если бы ты вдруг уехал?

Станный вопрос. К тому же Родион ощутил в голосе девушки какую-то фальшь. Или просто показалось?

Вдруг вспомнилась Хильда, дева из снов, непорочная красавица с белыми локонами и темно-голубыми глазами... Нет, Радомир не стыдился того, что произошло между ним и Маргоной – он же был простой парень, долго не видевший женщин. Да и хотелось помочь хоть чем-нибудь этой симпатичной и, в общем-то, не глупой девушке.

– Ну, если бы тебя послали куда-то, тебе хотелось бы вернуться? – повторила она.

– Конечно, хотелось бы! – не раздумывая, отозвался юноша. – Ведь здесь мои братья, друзья! Как бы я смог их бросить? Тем более, мой род... род старого Доброгаста, мог бы пострадать, если бы я нарушил верность вождю. А я вовсе не хочу лишиться рода и стать изгоем!

– А я тебе нравлюсь?

– Нравишься, само собой!

– Вот такая, как есть?

– Ну, да. А почему ты спрашиваешь?

– Просто хочется знать.

– Теперь спрошу я. – Молодой человек оперся на локоть и заглянул девчонке в глаза. – Милая Маргона, ты чего-нибудь хочешь от жизни, кроме потных похотливых мужиков, кислого вина, маркитанта с пухлыми ручками, этой дурацкой кибитки...

– Конечно, хочу, – с удивлением отозвалась девушка. – Мне вообще-то много чего от жизни надо. Боюсь показаться наивной, но раз уж ты спросил, отвечу. Я хочу иметь хороший дом в пять или шесть этажей...

– Ну, ничего себе мечты бедной девушки! – хмыкнул Радомир. – Шестиэтажный дом ей надобно. И что же, одна будешь там жить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.